
Н. П. Барсов

Очерки русской
исторической
географии

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

ГЕОГРАФИЯ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. П. БАРСОВА,

БИБЛИОТЕКАРЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

На Медовой улицѣ № 487.

—

1873

Н. П. Барсов

Очерки русской
исторической
географии

Москва
Кульково поле
2012

УДК 930.2
ББК 63.3(2)4
Б26

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Барсов Н. П.

Б26 Очерки русской исторической географии:
География Начальной летописи. — М.: Кучково
поле; Горные технологии, 2012. — 336 с.

ISBN 978-5-9950-0313-7

Русский историк Николай Павлович Барсов (1839—1899), профессор и библиотекарь Императорского Варшавского университета, посвятил свою диссертацию географии начального периода русской истории (IX—XIV вв.), славянским народам, их соседям, а также территориям, на которых они жили и которые колонизировали. Впервые книга увидела свет в Варшаве в 1873 г. Петербургский университет удостоил Н. П. Барсова степени магистра русской истории за чрезвычайно ценный вклад в науку. Он получил за эту работу Уваровскую премию.

Книга изобилует богатейшим фактическим материалом. За основу Барсов взял Начальную летопись как географический источник. Он описывает тот мир, который был известен летописцу. Рассматривает реальные географические объекты от Варяжского моря до Черноморского бассейна, от Восточно-Европейской равнины до Уральского хребта. Уделяет внимание значению рек и морей для проживания и передвижения людей.

Издание предназначено для специалистов, изучающих историю и географию Руси, для студентов специализированных вузов, а также для широкого круга читателей.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-9950-0313-7

© Кучково поле, 2012

Предисловие автора

Труд, предлагаемый теперь на суд читателей, имел целью не полное и всестороннее изложение исторической географии Руси в эпоху, обнимаемую Начальной летописью, но главным образом разъяснение только тех вопросов этого обширного предмета, которые ставит сама летопись, и потому ограничивается разбором географического материала, который она представляет. Но и в этих размерах исполнение принятой нами задачи затруднялось прежде всего относительной скудостью несомненных, критически утвержденных данных, которые могли бы послужить прочным основанием при разъяснении географического кругозора и географических понятий летописца и при постановке в надлежащем свете сообщаемых им известий и указаний. Мы должны были пополнять этот недостаток, сопоставляя известия Начального летописца с известиями позднейших летописей и других письменных источников XII—XIV веков. При этом богатый материал, который надо ожидать для изучения вообще древнерусской географии и географии Начальной летописи, в частности, от местных археологических изысканий, оставался,

к сожалению, предметом для нас мало доступным. Наконец, иного рода затруднения представляло обилие таких данных, которые сами требуют предварительной проверки и разработки. Между ними главное место принадлежит указаниям и свидетельствам современной географической номенклатуры, за которыми признается обыкновенно важное значение в вопросах исторической географии, но, собственно говоря, признается больше на веру, чем по сознательному и оправданному критикой убеждению. Мы уверены, что эти свидетельства и указания получают только тогда прочность и несомненность, когда будут проверены путем филологического изучения. Но, не смея основывать безусловно на них никаких положений и заключений, мы все-таки не считали себя вправе оставить их вовсе без внимания и старались собрать их возможно больше — в той надежде, что они могут быть не совсем бесполезны как материал для других более счастливых и более подготовленных исследователей.

Варшава, 6 (18) декабря 1873.

Н. Барсов

Глава 1

Начальная летопись как географический источник. Ее общий характер и затруднения, которые он представляет при исследовании ее географии. Мир, известный Начальной летописи. Перечень земель и народов: а) космографический отрывок из Георгия Амартола; б) вставка о западе и севере Европы. Пределы Иафетовой части. Варяжское море по понятиям Начальной летописи. Его положение и объем. Сходство представлений о нем начального летописца и мусульманских писателей того же времени. Восточно-европейская равнина. Угорские горы. Оковский Лес. Волок. Первое известие об Уральском хребте. Верх или Верхние земли. Низовская земля. Днепровские и другие горы; значение слова «гора». Внутренние горы восточной равнины по Начальной летописи. Значение рек для движения населения. Черноморский бассейн. Днепр. Связь его бассейна с бассейнами других рек. Реки балтийской полости. Направление Западной Двины по понятиям летописца. Пути из Двины: к Днепру, к Озерной области и к Поволжью. Воды южной части Озерной области. Связь их с Варяжским морем, Подвиньем и Поволжьем. Волжский бассейн. Водные сообщения в пределах верхнего Поволжья как возможные пути древнейшей славянской колонизации. Связь с Подесеньем, Озерной областью и Заволочьем. Заволоцкие пути.

Как у всех народов, и у нас первая отечественная летопись, обыкновенно приписываемая Нестору, составляет в то же время и первую отечественную географию. В ее простой и безыскусственный рассказ о событиях с отдаленнейших

времен вошли существенным элементом известия о территории, где они совершались. При первом взгляде эти известия имеют вид совершенно случайных замечок, сделанных мимоходом в рассказе о том или другом событии. Но тем не менее при внимательном рассмотрении их они обнаруживают полноту и систематичность, какой, по-видимому, от них нельзя было бы ожидать. Отвлекая географические данные от событий, по поводу которых они упоминаются, и приводя их в естественный порядок, исследователь входит в особый мир географических понятий и представлений, который, разъясняя одну из сторон мирозерцания народа в рассматриваемую эпоху, вместе с тем проливает свет на географические условия его исторического существования.

Самый характер нашей первой летописи ручается за то, что она передала с достаточной полнотой географические понятия и представления своего времени по крайней мере по отношению к той территории, на которой был призван жить и действовать русский народ. В том виде, в каком она дошла до нас, она возникла в начале XII века, в ту переходную эпоху, когда только что окончился «великий труд», по выражению Ярослава, первых князей — собрание восточнославянских племен в одно государство, когда эти племена слились уже в единый народ под влиянием княжеской власти, церковных учреждений и возникавшего образования и когда едва только начинал утверждаться удельный порядок, впоследствии расчленивший молодое государство на независимые друг от друга княжения. Это было время преобладания идеи единства русской земли, выражавшейся и в политических отношениях, и

в начинавшейся литературе. Местные областные интересы, развитые удельной жизнью Руси, еще молчали. Нестор оканчивал свой труд в то время, когда постановлением Любецкого сейма князья впервые признали наследственность уделов и тем упрочили их дальнейшее обособление, но когда утвержденный ими порядок принадлежал еще будущему. Как выражение народного самосознания Начальная летопись вся проникнута этой идеей единства, сознанием целостности русской земли. Она не ограничивается интересами какой-нибудь одной области уже тогда обширного государства, но заносит на свои страницы все, что можно было узнать из народного предания и немногих письменных источников о прошедших судьбах всего русского народа. Она чужда областной исключительности, и, если она останавливается чаще всего на Киеве, то только потому, что туда тяготели события, и там сильнее всего бился пульс русской исторической жизни. Ее рассказ обнимает все пространство Русского государства, и, следя за отношениями его к соседям, — весь известный тогда на Руси мир.

Впрочем, при рассмотрении ее как географического источника, открываются некоторые затруднения. Как известно, Начальная летопись есть не что иное, как летописный свод, составленный из отдельных сказаний, заметок, официальных документов и местных известий¹. Древнейший текст ее дошел до нас в так называемом Лаврентьевском списке, сделанном в 1377 году в Суздальском княжестве монахом Лаврентием. Из приписки, находящейся в нем под 1110 годом, видно, что рассказ о событиях до этого года писан игуменом Киевского Свято-Михайловского монастыря Сильвестром в 1116 году. Трудно решить, был ли

игумен Сильвестр только переписчиком, или же вместе с тем и составителем всего свода, давшим ему ту редакцию, в какой он дошел до нас в многочисленных списках. Последнее вероятнее², хотя различие разных списков дает основание полагать, что позднейшие переписчики и компиляторы не довольствовались Сильвестровской редакцией свода и изменяли ее вставками и сокращениями. В основание его положены «повести временных лет», которые, судя по их заглавию³, должны были заключать в себе сказания о славянах до образования Русского государства, о призвании варягов, о первых киевских князьях. По всей вероятности «Повести» составляли первоначально цельное изложение и только впоследствии были разбиты по годам, дополнены и распространены отдельными сказаниями, местными известиями (Киево-монастырскими, Ростовскими, Новгородскими, Черниговскими) и извлечениями из греческих хронографов. Вследствие того в настоящее время едва ли возможно определить не только первоначальный вид, но и самый объем их, кем именно из русских князей оканчивался рассказ о том, «кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть». Также разнообразно и по содержанию и по характеру продолжение «Повестей» или, вернее сказать, другая часть Сильвестровского свода. Рядом с краткими погодными заметками мы имеем в нем подробное изложение событий в отдельных сказаниях, рассказы очевидцев и литературные памятники («Поучение Мономаха», его письмо к Олегу). Видно, что все это вошло в свод в своем первоначальном виде, что составитель вносил в него имевшиеся под рукой материалы целиком, располагая их в хронологическом порядке. В этой

массе разнообразных и разъединенных фактов личность летописца теряется. Исследователь не имеет возможности судить ни о его подготовке, ни о средствах, которыми он располагал для своего труда. Этот важный пробел представляет значительные затруднения, между прочим, и для изучения летописной географии. Имея дело с летописным трудом одного человека, было бы возможно приурочить открывающийся в нем круг географических знаний к определенному времени и месту и отделить то, что летописец мог почерпнуть из народного предания и письменных источников, от того, что он знал по личным наблюдениям, что принадлежит собственно ему, тем самым с большей точностью восстановить географический кругозор времени, в которое он жил. Теперь же приходится иметь дело с разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей с лишком два с половиной столетия. Сверх того разновременные списки, в которых дошла до нас Начальная летопись, не одинаковы: в одних сообщаются факты, о которых умалчивают другие, или передается подробно то, что в других рассказано кратко. Никоновский, например, список гораздо полнее Лаврентьевского, а Татищевский свод так богат данными, не известными древнейшим из дошедших до нас списков, что именно это богатство навлекло на него подозрение в подлоге, подозрение, до сей поры еще не рассеянное, но в то же время и не оправданное исторической критикой⁴. Очевидно, что позднейшие переписчики передавали Сильвестровский свод — одни вполне, другие в сокращении, а компиляторы имели, может быть, под рукой и такие источники, каких не знал или оставил без внимания составитель

первоначального свода. Все это заставляет нас иметь постоянно в виду все — даже позднейшие — списки Начальной летописи, не ограничиваясь одним только древнейшим Лаврентьевским, хотя и при этом необходимо будет обращаться за разъяснениями к свидетельствам позднейшего времени и придется во многом ограничиться одними предположениями и догадками.

Мир, известный Начальной летописи, может быть нанесен на нынешнюю географическую карту в следующих пределах: на севере границей его служит параллель от Уральского хребта к Невскому устью (приблизительно по 60° с. ш.), затем побережье Балтийского моря, южное побережье Немецкого моря и Британия; с запада океанические берега Европы и частью Африки; на юге крайние страны, известные ей: в Африке — побережье Средиземного моря и течение Нила, в Азии — Аравия и Индия; на востоке — Бактрия, Каспийское море и Волга. Выработанное уже древними географами деление земли на части света Начальной летописи неизвестно. Она не знает ни Европы, ни Азии, ни Африки. Она делит известный ей мир по странам света, на восток — страны полуденные, полунощные и западные, причем в общих чертах восток должен соответствовать Азии, юг — Африке, запад и полунощье — Европе. Начиная рассказ свой разделением земли по потопе между сыновьями Ноя, «Повесть» дает при этом перечень областей и народов, поселившихся в каждом жребии. Внимательное рассмотрение связи, в которой стоит этот перечень к общему ходу летописного рассказа, приводит, однако, к мысли, что он внесен в «Повесть» позднее и что в ее первоначальной, для нас утраченной, редакции его могло и не быть.

Он не только не вызывается задачей «Повести», так ясно выраженной в заглавии, но и противоречит последовательности рассказа. Прежде всего, поражает то обстоятельство, что перечень исчисляет земли и народы, которые достались (яшася) Симу, Хаму и Иафету, тотчас по потопе, то есть именно в то время, когда, по словам «Повести», же «бысть язык един». Вслед за тем «Повесть» переходит к смешению языков, и снова говорит о разделении земли между Ноевыми сыновьями, но уже весьма кратко и просто, очевидно, с единственной целью связать происхождение славян с библейской этнографией. «По разрушении же столпа и по разделении язык, говорит она (Лавр., с. 3), прияша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Иафетови же прияша запад и полунощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык Словенеск от племени Иафетова, Норци, еже суть Словене». Очевидно, что эта заметка и предшествующий ей перечень исключают друг друга, причем или заметку, или перечень надо признать позднейшей вставкой и, конечно, скорее всего, подробный перечень, так как краткая заметка составляет естественный приступ «Повести» к рассказу — и без нее «Повесть», несмотря на перечень, все-таки не имела бы начала. Тем не менее нельзя отказать перечню в весьма раннем происхождении. Уже то одно обстоятельство, что он встречается почти во всех дошедших до нас списках Начальной летописи, дает повод думать, что он внесен в нее первым составителем свода, может быть, игуменом Сильвестром, а продолжение его, описание западной и особенно северо-восточной Европы, могло возникнуть не позже конца XI или начала XII века.

По своему происхождению и содержанию перечень земель и народов разделяется на две части. Исчисление восточных и полуденных стран и областей Балканского полуострова с некоторыми островами Архипелага и Ионического моря заимствовано у греческих хронографов, а сведения о западной и восточной Европе взяты из местных источников. В греческой исторической литературе сказание о делении земли между сыновьями Ноя появляется в IV веке, и с того времени, говорит А. Л. Шлёцер: «сею сказкою, соединенною с вавилонском столпотворением, начинаются произведения всех греческих и латинских писателей истории, а за ними толпою следуют даже до XV столетия позднейшие восточные, западные и северные хронографы»⁵.

А. Л. Шлёцер не мог с полной уверенностью определить, у кого именно из византийских хронографов взят нашим летописцем этот географический отрывок, и полагал вероятным, что здесь Кедрин списывал Синкелла, а Нестор Кедрина⁶. Дословное сходство нашего летописного перечня с космографией хронографа IX века Георгия Амартолы дало, однако, основание считать ее первоначальным его источником, тем более, что этот хронограф был хорошо известен составителю летописного свода, который сделал из него и другие извлечения. Это открытие принадлежит г-ну Строеву⁷. Греческий космографический отрывок в исчислении земель ограничивается историческим миром времен Римской империи, удерживая номенклатуру классических географов. При этом он соблюдает естественный порядок расположения земель и ведет их перечень с юга на север и с востока на запад⁸. Только в исчислении полу-

нощных и западных стран он отступает несколько от этого порядка: отнеся к ним южное побережье Черного моря от истоков Ефрата, он переходит к восточному и северному его берегам, называет здесь Колхиду, Воспор, Меотис, Деревы, Сарматии, Тавриду, Скифию и затем исчисляет области Балканского полуострова в порядке с севера на юг. Остальной Европы, как было замечено выше, он не знает. Этому сухому перечню дана — особенно в Начальной летописи — столь несовершенная редакция, что едва ли переписчики и читатели его могли составить себе ясное понятие о положении упоминаемых им земель и областей. Называя известную землю, он перечисляет и области, на которые она делилась, не указывая, однако, что они составляют только часть ее. Так мы видим в нем в одном ряду Аравию старейшую, Елмаис, Инди и Аравию сильную; Египет и Фиваиду; Пелопонис и Аркадию. Мидия и Вавилония отнесены к востоку (к Азии), и вслед за тем в странах полунощных и западных (в Европе) показаны Мидия и река Тигр, отделяющая ее от Вавилонии. В ряду европейских земель мы видим малую и великую Армению, Пафлагонию, Галатию, часть Асийской страны, нарицаемую Ония (Ионию), тогда как европейские острова Сардани (Сардиния), Крит и Кипр упомянуты в Азии. Египет лежит в хамовой части, а река Геон, зовомая Нил, отчислена к «сущим ко востоком».

От известий греческого хронографа существенно отличаются сведения, сообщаемые космографической вставкой о восточной и западной Европе. Они не могли быть заимствованы у греческих хронографов, которые или не знают упоминаемых нашей летописью земель, или же, если и знают,

то под другими названиями. Они, очевидно, почерпнуты из домашних, отечественных источников, что отразилось, между прочим, и на самом их изложении. Тогда как в греческом отрывке мы имеем почти исключительно⁹ названия областей (большей частью провинций бывшей Римской империи), здесь говорится только о народах и племенах. При рассмотрении этой части перечня нельзя, однако, не заметить большой разницы между сведениями, предлагаемыми им о восточной и о западной Европе. Исчисление племен в восточной половине ее есть почти дословное повторение того исчисления их, которое не раз делает Начальная летопись в дальнейшем рассказе о славянах и об их инородческих соседях¹⁰. Названия некоторых племен, которых не знает текст Начальной летописи, могли быть вставлены позднейшими переписчиками; но во всяком случае этой стороной перечень неотъемлемо примыкает вообще к летописной географии, объясняется и дополняется ею. Он представляет полную картину расселения племен по всему пространству Восточно-Европейской равнины в конце XI и в начале XII века¹¹. Между тем, говоря о западной Европе, летописец ограничивается ее побережьями и называет только племена, живущие вдоль берегов внутренних морей и Атлантического океана. Континентального населения ее он не знает. Это обстоятельство открывает самый источник сведений на Руси о западной Европе. По справедливому замечанию известного исследователя отечественной старины, И. Д. Беляева¹², они могли быть получены только от норманнов, которым, как известно, были близко знакомы европейские побережья, с VIII века посещаемые ими для торговли, а больше для грабе-

жа и разбоев, но которые мало знали внутренние земли Европы, поднимаясь в глубину их весьма редко, по течению только значительнейших рек. Свое знакомство с западной Европой они передали русским, водворившись сперва в Новгороде, а затем в Киеве. Иного источника этих сведений не видно. Приписывать их нашим северо-западным торговым городам (Новгороду, Полоцку, Смоленску) нет основания, так как морская торговля Руси с западной Европой началась, может быть, только в XI веке, ограничиваясь первоначально ближайшим Балтийским морем. Еще яснее норманнское происхождение их выступает в описании так называемых водных путей «из варяг в греки» (Волховом, Ловатью, Днепром) и «в Хвалисы» (к Каспийскому морю Волгой). Эти пути, известные у норманнов под именем *austurweg*¹³, норманны узнали, без всякого сомнения, от восточных славян, которые могли пользоваться ими ранее своих мореходных соседей для внутренних сношений. Но поставить их в связь с морскими путями в Грецию, знать, что великим водным путем на востоке (Волхов, Ловать или Западная Двина и Днепр) и Варяжским морем с других сторон можно «йти до Рима, а из Рима по тому же морю к Царю-граду, а от Царя-града прити в Понт море, в не же течет Днепр река» (Лавр., с. 3), которым на юге оканчивается водный путь восточной равнины, — знать это могли только норманны. Сведения о западной Европе, занесенные ими на Русь, сложились в народное предание, и оттуда уже они вошли в летопись, которая получила их таким образом из вторых рук. Если бы летописец записал их по рассказам очевидцев, изложение их было бы полнее, обстоятельнее и, наверное, изобиловало бы под-

робностями, которыми вообще характеризуются рассказы бывалых людей.

Западные и полуночные страны, составившие часть Иафетову, на востоке и на юго-востоке при-
мыкают к Симову пределу, а с севера, запада и юго-запада омываются морем, которому Начальная летопись дает общее название Варяжского¹⁴. Восточная граница идет от крайнего восточного пункта на Варяжском побережье к Поволжью, отделяя югру, пермь, черемису, мордву и мещеру, племена Иафетовой части, от болгар волжских и камских, область которых находится уже в Симовом пределе, и славянское племя вятичей (на Оке) от казар (на Дону и нижней Волге)¹⁵. С падением Хазарского царства (X век) и с утверждением русских в Тмутаракани восточные пределы Иафетовой части раздвинулись далее до Каспийского моря и Кавказских гор. Затем восточная граница переходит через Кавказские горы к верховьям Ефрата. Что касается границ с остальных трех сторон, то направление и очертание их открывается непосредственно из летописного перечня заселивших его народов; вместе с тем открывается и понимание летописцем положения и вида западной Европы. По Варяжскому морю, говорит он (Лавр., с. 2), сидят ляхи, пруссы и чудь; по тому же морю сидят варяги с одной стороны до Симова предела, с другой до земли Агнянски и до Волошьски. Затем, оставляя ляхов, прусов и чудь, очевидно, занимавших побережье, противоположное тому, на котором жила часть варягов до Агнянской земли¹⁶, он переходит к исчислению племен этого фетова колена, причем держится естественного порядка, в каком они заселяли, по его сведениям, варяжское побережье. «Афетово

бо и то колено, говорит он, — Варязи¹⁷: Свеи, Урмяне, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немцы, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочии» (Лавр., с. 2). Свеи (свое), урмяне, и, весьма вероятно, русь приурочиваются к Скандинавии (шведы и норвежцы); готы — к Готланду, ибо Новгород рано завязал торговлю с этим островом, называвшемся Гочкым берегом, и уже в начале XI века готы (гъты, гты) имели постоянное пребывание в Новгороде и несли наравне с горожанами некоторые городские повинности¹⁸. Агнян (анъглян) следует, кажется, считать последним племенем на крайнем западе Варяжского побережья, которое здесь должно изменять отмеченное прежде летописцем направление по широте (с востока на запад) на меридиональное (с севера на юг): галичане и следующие за ними народы — именно те, которые, по показанию летописца, «приседят от запада к полуденю». Под именем галичан скрываются или жители испанской области Галиции, или, может быть, галлы или галаты, главное племя кельтов, от которых Варяжское море у восточных писателей XIV века получило свое другое название Галатского¹⁹; волхвы (волхва; Лавр., с. 2) обозначают общее население Италии, к которому принадлежат римляне, вендици (венециане) и фрягове (генуезцы)²⁰. Загадочные немцы, корлязи, которых Шлёцер считает за одно племя, могут быть единственным народом континента западной Европы, известным летописцу. Название «немцы» с половины XI века начинает употребляться вообще для обозначения западноевропейского населения и вытесняет собой варягов. В корлязах же Круг предполагает племена, подчинившиеся каролингам²¹.

Таким образом, Варяжское море летописца, начинаясь на северо-востоке у Симова предела, близ волжских и камских болгар, тянется на запад до берегов Англии, отделяя здесь чудь, пруссов и ляхов от варяжских племен, затем у берегов Англии оно поворачивает на юг, охватывая берега Франции, Испании и Италии. Эти сведения пополняются несколько описанием водного варяжского пути. Из него видно, что летописцу была известна связь Средиземного моря с Черным. Его Варяжское море на юге отделяет Иафетову часть от Хамова предела, ближайшим пунктом к которому он называет Рим; и затем близ Царя-града оно сливается с Понетским, или Русским морем. Но где начало Средиземного моря, где Варяжское побережье переменяет снова меридиональное направление на направление по широте, — летопись не указывает. В рассмотренном выше греческом космографическом отрывке крайней западной областью в Хамовом пределе названа Мавритания; против нее, следовательно в Иафетовой части, лежит Гадир. Этим только и определяется отчасти пункт поворота варяжского побережья летописи на восток.

Таковы очертания европейского побережья по понятиям летописца. Вообще они близки к истине. Только Балтийскому морю в связи с Немецким он, очевидно, дает неправильное положение. Доводя его на восток до Симова предела, он в то же время дает течению Западной Двины, которая берет начало вместе с Волгой и Днепром из Оковского Леса, северное направление и таким образом заставляет впадать в Балтийское море не с востока, а с юга²²; но при этом должно измениться и положение Скандинавского полуострова, как справедливо заметил г-н Соловьев. «Скандинавский полуостров, — го-

ворит этот наблюдательный историк России, — мы должны положить поперек; Балтийское (Варяжское) море будет находиться на север от русских владений, составляет одно целое с немецким; это будет огромный рукав Атлантического океана, совершенно в виде Средиземного моря, причем северный скандинавский берег (Варяжского) моря будет соответствовать европейскому берегу Средиземного; южный берег Варяжского — африканскому берегу Средиземного; следовательно, Скандинавский перешеек, подобно Суецкому, должен находиться на востоке, около Уральских гор, соприкасаться с частью Симовой»²³. Такое же положение имеет Варяжское море отчасти у западных писателей XI—XII веков²⁴, но более всего у восточных географов, и если последние не придают ему такого широкого значения, как наш летописец, приурочивая его собственно к Балтийскому морю в связи с немецким²⁵, то от этого несколько не изменяется сущность дела. Абур-Риган Бируни и Хорезми, писавшие об Индии незадолго до составления нашей летописи (в 1030 году), говорят, что море, которое греки называли Океаном, у берегов Саклабы (славянской земли) отделяет от себя канал или рукав, простирающийся до булгар, — мусульманского края, то есть до Поволжья и Камы. Этот залив называется Варяжским по имени народа, живущего на его берегах. От Болгарии он поворачивает на восток²⁶. То же известие, вслед за Абур-Риганом, повторяют Абульфедова география, Ибн-эль-Барди (в половине XIV века) и Ибн Шабиб, не называя, впрочем, Варяжского моря. Ибрагим-бен-Весифшах, живший в первой четверти XIII века, говорит о двух пресных морях, омывающих берега Славянской земли, из которых

одно течет с севера на юг; другому же он дает направление с запада на восток; оно стоит в связи с третьим морем, прилежающим к области болгар²⁷, может быть, с Каспийским. Второе море бен-Весифшаха, несомненно, Варяжское. Астроном Насир-ед-дин из Туса (умер в 1274 году), упомянув о Варяжском море, подал своему комментатору Шерифу Джорджани повод к его описанию, которое совпадает отчасти с известием Бируни, с тем только различием, что Варяжское море Джорджани тянется на восток за непроходимыми горами и необитаемыми землями даже до границ Китая. Джорджани писал в начале XV века (1409 год). Но, по замечанию Френа, известия, сообщаемые им, могут быть отнесены и к XII—XIV векам²⁸. Такое представление господствовало у восточных писателей до конца XVI века.

Сходство показаний нашего летописца о положении Варяжского моря с известиями современных ему западных историков и восточных географов, с одной стороны, заставляет видеть в тексте летописи, на котором основано выше сделанное заключение, подлинные слова ее, а не опisku или ошибку переписчика, как то можно было бы подумать, и объяснить их по их прямому смыслу и значению, а с другой — указывает на один общий источник, из которого черпали свои сведения как наш летописец, так и мусульманские писатели. Мы видели, что сведения о западной Европе и о водных путях с севера в Грецию получались на Руси от норманнов. От них же получили их и восточные географы: арабы узнали норманнов на юге, на побережьях Средиземного моря, и еще ранее (в IX веке) на востоке, на Волге, в Болгарии и Казарии, и в Персии.

Об устройстве поверхности известных ей земель Начальная летопись сообщает весьма немногое. Тут известия ее касаются исключительно Восточно-Европейской равнины, простирающейся от «Кавкаисинских²⁹ рекше Угорских» гор (Лавр., с. 265) и Чешского Леса (там же, с. 103) до Варяжского моря с одной стороны, Понта и Хвалиского моря (там же, с. 3) — с другой. Из того, что перечень племен, переходя к полуночным странам, прежде всего упоминает Угорские (Карпатские) горы, видно, что летописец понимал важное значение их как естественной границы славяно-русского мира на юго-западе. По высоте он называет их «великими» (Лавр., с. 10). Чешский Лес сделался известен русским во второй половине XI века, когда в 1076 году до него доходила дружина Мономаха в походе «ляхом в помощь на чехы» (Лавр., с. 85): «Ходив за Глоговы до Чешскаго Леса, говорит он в своем поучении (там же, с. 103), ходив в земли их (чехов) 4 месяца»³⁰. Гораздо ранее должны были стать известными на Руси Кавказские горы, у подошвы которых с X века образовалось русское владение Тмутаракань. Летопись не упоминает их, но сношения русских князей с их населением — ясами и косогами, начавшиеся со времени Святослава, не допускают сомнения в том, что уже тогда возникло на Руси их название Ясских гор, под которым они известны в позднейших памятниках. Как отличительную особенность восточной равнины летопись отметила на ней центральное плоскогорье, с которого в различных направлениях стекают главные реки равнины: на восток — Волга, на юг — Днепр; на север, к Варяжскому морю, — Двина (Лавр., с. 3). Она называет его Оковским (Воковским, Волоковским) Лесом. Цепь

покрытых девственными лесами холмов, которая связует это плоскогорье с естественными границами равнины, Уральским хребтом (на востоке), Олонецкими горами (на северо-западе) и (на юго-западе) с Карпатами и которая составляет водораздел между бассейнами четырех окраинных морей равнины, была в глубокой древности известна под именем Волока и имела важное значение как естественная этнографическая граница разнообразных племен, населивших равнину. Следы этого древнего названия сохранились до сей поры в наименованиях живых урочищ и рукотданных местностей, которые тянутся непрерывной полосой от Авратынских гор на юго-востоке через Оковский Лес к Белоозеру и верхнему бассейну Северной Двины³¹. Впрочем, волоком обозначался преимущественно лесистый водораздел между северными притоками Волги (Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Кама) с одной стороны и Озерной областью (Мста, Сясь с Тихвинской) и Беломорским бассейном — с другой. Вся обширная северная покатость на северо-восток от озера Онежского и на север от Белоозера, бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры уже в XI веке носила название Заволочья (1078 год; Лавр., с. 85), то есть страны, лежащей по ту сторону волока, и перечень племен обозначает финские народцы, жившие на этом пространстве, общим именем заволочкой чуди³². В эпоху составления Начальной летописи русские (новгородцы) только что стали утверждаться в Заволочьи, и летописец имел о нем, как видно, весьма неясное представление. Он не знает ни одной из больших рек, пересекающих этот край, и первые сведения его об Уральском хребте, полученные им из Заволочья, от жившего

там племени югры, имеют баснословный характер и служат несомненным доказательством, что русские не доходили еще тогда до Урала и знали о нем только по слухам, из вторых и третьих рук. Как увидим ниже, крайние поселения их в северо-восточном Заволочьи даже во второй четверти XII века не переходили за Мезень и оканчивались на Пинеге. Поэтому, сопоставляя известия Начальной летописи о Заволочьи с тем, что она говорит о положении Варяжского моря, нельзя не прийти к тому заключению, что составитель ее представлял себе Заволочье узкой полосой между Поволжьем (Белоозеро) и Варяжским морем, побережье которого тянулось, не изменяя своего направления, от устья озера Нево (Ладожского) к пределам волжских болгар и, упираясь где-то на крайнем севере в горный хребет, образовывало залив: «Суть горы, так занесен в летопись рассказ Югры (Лавр., с. 107) — зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми снегом и лесом; тем же не доходим их всегда; есть же подаль и на полунощи».

Области, расположенные на центральной возвышенности, назывались, по отношению к Поднепровью и Поволжью, Верхними землями или Верхом. Как кажется, название это возникло первоначально на юге, по крайней мере впервые оно встречается в южнорусском известии о сборах Владимира Святославича на печенегов, о его походе в Новгород по «верховние (верхние) вои» (Лавр., с. 54). Для ближайшего определения пространства, которому придавалось это название, служат летописные известия XII века. Из них видно, что Верхними землями и Верхом

назывались собственно Новгородская и Смоленская области (1147 год; Ипат., с. 36), и что им противопоставлялась тогда Русская земля (1148 год; Ипат., с. 39). В тесном смысле этого слова, то есть все течение Днепра вниз от верховьев Десны и от устьев Березины и Сожи, княжения Киевское, Черниговское и Переяславское. В то же время с развитием исторической жизни на севере все Поволжье вниз от Тверцы стало называться по отношению к Верху Низом и Низовской землей. Так, в 1196 году Ярослав княжил «на Торжку в своей волости, и дани поима по всему Върху и по Мсте и за Волоком възми дань» (Новг. I, с. 23). В 1131 году Мстислав с Низовцы ходил на Литву (Новг. IV, с. 4); в 1185 году великий князь Святослав Всеволодович из Карачева (в области верхней Десны) собирал «от верхних земель вои» (Ипат., с. 132). Из других возвышенностей Восточно-Европейской равнины в Начальной летописи упоминаются: на правом берегу Днепра — Киевская гора, на которой стоял Киев (Лавр., с. 4, 7, 9, 23, 73, 75), и близ нее Щекавица (там же, с. 4, 16), Хоревица (там же, с. 4) и Угорское (там же, с. 10)³³, названные в летописи холмами (там же, с. 31). Далее на юг от Киева — холм, нарицаемый Выдобичи (1096 год; Лавр., с. 99) в двух верстах от Печерского монастыря) и Вытечев (Вытечевский, Витчев) холм (1095 год; там же, с. 97); наконец, на восточной стороне Днепра, на Десне, под Черниговом — Болдины горы, на которых св. Антоний основал монастырь св. Богородицы (1074 год; там же, с. 83). Заметим здесь, что слово «гора» не имело тогда такого исключительного значения, как теперь. Горой назывался также берег, береговой путь и вообще сухопутье — смысл,

который имеет это слово в Новгородском известии 1201 года о приходе варягов в Новгород «горою» на мир (Новг. I., с. 25), и, как кажется, в преданиях о пути Апостола Андрея из Корсуни в Новгород «по Днепру горе» (Лавр., с. 4) и Угров «мимо Киева горою» (там же, с. 10)³⁴.

Из обширных бассейнов равнины, вершины которых сходятся у Оковского Леса и примыкающих к нему волоков, в эпоху Начальной летописи первое место занимали западная часть бассейна Черноморского, часть бассейна Балтийского на юг от Финского залива и Ладожского озера и Верхнее Поволжье. Это было место первоначального расселения восточных славян, и здесь главным образом совершались события, обусловившие возникновение и сложение Русского государства. На ход этого расселения и на направление событий могущественное влияние имели реки. В стране, покрытой девственными лесами и пересеченной болотами, они представляли если не единственные, то главные пути для движения населения и распространения в нем начал цивилизации. Населенные места группировались почти исключительно по их побережьям. С другой стороны, обилие лесов поддерживало в них полноводие. Они были шире и глубже, и удобнее для судоходства, чем теперь, при их видимом обмелении; оно начиналось ближе к их истокам и производилось по многим побочным рекам, которые в настоящее время или пересохли, или обратились в болота. Таковы, между прочим, притоки Десны Снов, теперь болото Замглай и Востр (Остер), у самых истоков которых находят обломки больших судов³⁵. При полноводии и пороги не представляли таких затруднений, как теперь. По крайней мере еще в

XIII веке было свободное судоходство верх и вниз по Днестру и был возможен взвод судов по порогам днепровским³⁶. Все это служило к значительному сокращению волоков и облегчало связь между населением различных бассейнов и колонизационное распространение славянства на северо-восток равнины. Из рек Черноморского бассейна, известных Начальной летописи, — Дунай (Лавр., с. 2, 4, 5, 27) с Моравой (там же, с. 3), Днестр (там же, с. 2, 5), Бог (Буг восточный или южный в «Поучении Мономаха», 104), Дон (там же, с. 104, 121), — более других имел значение Днепр и его система. Занимая своими разветвлениями пространство в 9500 кв. миль, Днепр послужил главным путем при расселении восточных славянских племен, вытесненных на северо-восток с берегов Дуная и частью осевших в его области, частью же перешедших в Озерную область, верхнее Поволжье и на Оку. По возникновении на северо-западе равнины Русского государства Днепр обусловил быстрое распространение его границ до этнографических пределов славянства, быстрое подчинение ему рассеянных славянских племен. Наконец, своим течением на юг к Понту он поставил Русь в связь с христианским Востоком и его цивилизацией. Этим объясняется, почему в Начальной летописи мы встречаем наиболее данных о его системе. В великом водном пути, соединявшем окраинные моря восточной равнины, Днепр составлял главное звено. Его вершины стояли в связи с одной стороны с Западной Двиной и через нее с Озерной областью, а с другой с Поволжьем. От первой он отделяется только 30-верстным волоком от Смоленска к Каспле и Касплинскому озеру, а от Волги волоком, который шел,

по всей вероятности, от села Волочка к верховьям Волжского притока Вазузы (Ср. Ходаковский З. «Пути сообщения в древней Руси». М., 1837. С. 24). Сверх того южный приток Днепра Осма, на котором находятся без сомнения старинные поселения Ховрач, Гаврики (ср. Гаврики на Каспле, о которых будет ниже, и Норманнские Наврик в Англии, Навге в Нормандии), Городок, Рославль, подходит своими вершинами к Угре, притоку Оки в Дорогобужском и Юхновском уездах и таким образом связывает Поднепровье с Окской областью. Наконец, южные притоки, сближаясь с источниками Десны (в Ельнинском уезде), ставили верхний Днепр в непосредственную связь с Подесеньем. При таком выгодном расположении вершин Днепр был судоходен на всем своем течении, только в порогах (Лавр., с. 31) представляя значительные затруднения при спуске и взводе судов. Впрочем затруднения эти не были непреодолимы, как это видно из описания днепровского пути, сделанного Константином Порфирородным, и из наших отечественных известий, свидетельствующих о живом движении вниз и вверх по Днепру. Как пристани могут быть отмечены на этой реке: у Смоленска Смядин (1015 год; Лавр., с. 59), Любечь (882 год; там же, с. 10), Вышеград (Лавр., с. 25, 34, 53; Const. Porph. de Adm. Imp. Cap. 9); у Киева Угорское и устье ручья Почайны или Ручая (955 год; там же, с. 26), Треполь (1093 год; Лавр., с. 94, теперешнее Триполье при устье Стугны), в котором в XII веке были Водные ворота (1177 год; Ипат., с. 119), Витичев (в 57 верстах ниже Киева), о котором упоминает Константин Порфирородный (там же), Канев (Патерик Печерский в житии Феодосия),

Хортичь остров (1103 год; Лавр., с. 118) и остров св. Елферия (945 год; там же, с. 22, теперешний Березань) на Днепровском лимане. Из речных урочищ на Днепре летопись называет Перунову рень ниже порогов (988 год; там же, с. 50) и Белобережье (945 год; там же, с. 22, 31), как называлось, кажется, вообще все побережье Днепровского и Бужского лимана. Из многочисленных притоков Днепра летопись знает Припять (с. 2, 3, 120) с притоком Гориной (1097 год; с. 112), Звиждень (1097 год; с. 111, Здвизь река), через Тетерев вливающаяся в Днепр), ручей Почайна или Ручай под Киевом (там же, с. 26, 50) со впадающим в него ручьем Сетомлей (1036 год; там же, с. 65), Лыбедь (там же, с. 4, 34, внешняя граница с юго-запада и запада киевского городского владения, впадает в Днепр несколько ниже Печерской крепости), Стугна (988 год; там же, с. 52, 94) и Рось (980 год; там же, с. 33, 65, 97, 103). Это — с правой стороны. С левой: Сож (Съжа; там же, с. 5) с Пищанью (984 год; там же, с. 34, теперешний Пещань ручей в Старобыховском уезде Могилевской губернии, берет начало в 6 верстах от Пропойска и в 79 от Могилева; течет на восток), Десну (там же, с. 2, 3, 26, 120) с Сеймом (там же, с. 3), Сновью (1067 год; с. 72, теперешний ручей или болото Замглай (см. выше прим. 35)) и Вестрью (988 год; там же, с. 52, Въстрь; там же, с. 116), речку Радосын³⁷, которая вливается в Черторью, проток, идущий из устья Десны в Днепр (против Угорского); Долобское озеро (1103 год; Лавр., с. 118; ср. там же, с. 143), сливающееся с Черторьей; Золотчу (там же, с. 117), небольшой ручей или, скорее, прибрежное проточное озеро несколько ниже Долобского озера,

Трубезж (988 год; с. 52) с Лътй или А(о)лътй (1015 год; с. 55, 62), Супой («Поучение Мономаха», с. 103), Сулу (с. 3, 52, 103, 120) и (притоки Псела): Хорол («Поучение Мономаха», с. 103, 107), Голта³⁸ (Гольтва — в «Поучении Мономаха»; Гольтав — в Лавр., с. 103; 1111 год, Ипат., с. 2. 37) и проток Протольче ниже острова Хортицы (1103 год; Лавр., с. 118, на левом берегу Днепра). Как пути сообщения, наибольшее значение имели Припять, Сож и Десна. Припять связывала со средним Поднепровьем племена древлян, дреговичей и волынян и вершинами своими сближалась с западным Бугом и притоком Днестра, Серетом, то есть с Повислянской и Прикарпатской областями, а Сож и Десна с землями кривичей и вятичей, то есть с Верхним Поднепровьем и областью Оки. Через Сож шел путь в Поволжье, который в XII веке обозначался путем «на Радимиче» (1169 год; Ипат., с. 97). Он соединялся с путем, проходившим через верхнюю Десну, при посредстве или Ипути, или же другого притока Сожи, Остра, вершины которых сближаются с Десной. Десна вершинами притока своего Болвы подходит к Угре, а Снежатью (на северо-восток от Брянска) сближается с правым притоком Жиздры, Ресетой. Что именно по этим рекам шел подесенский путь из Поднепровья в область Оки и Москвы, могут подтверждать села Стайки и Стой на верховьях Болвы, Стайки на Ресете (в Жиздринском уезде); на Угре: Стайки (в Ельненском уезде верстах в 15 на восток от уездного города) близ верховьев Десны, и близ верховьев Болвы (в том же уезде) — Станы, Всходы и пр., — названия, которые своим этимологическим значением могут указывать на пролежавшие здесь пути со-

общения. Из событий XII века видно, что путь из Новгорода Северского в землю вятичей шел через Карачев, что на Снежати. Левые притоки Десны Сейм и Остер (Вострь) служили проводником для славянского населения Поднепровья и для христианской цивилизации на восток к области Дона, к кочевьям азиатских номадов.

Из рек Балтийского бассейна Начальная летопись называет Вислу (Лавр., с. 3), в которую впадают Сан с Вягром (1097 год; там же, с. 115) и Буг (Западный; там же, с. 3, 5, 63) с Нуром (1102 год; там же, с. 111), Двину (там же, с. 2, 3) с притоком Полотой (там же, с. 3), Ловать (там же), приток Шелони Судомер или Судому³⁹, на которой Брячислав Полоцкий был разбит Ярославом в 1021 году (там же, с. 63), Волхов (там же, с. 2, 3) с ручьем Пидьбой (Пидблянин 988 год; Новг. 111, с. 207), впадающий в озеро Нево (Ладожское), устье которого «внидет в море Варяжское» (Лавр., с. 3), Лугу и Мсту (947 год; там же, с. 25). Из них Двина и связанные озером Ильмерем (Лавр., с. 3), Ловать, Волхов и Мста входили в систему великого водного пути восточной равнины «из варяг в греки», по выражению летописи. Как мы уже видели, Начальная летопись имеет о положении Западной Двины неверное представление; из описания же Варяжского пути обнаруживается, что летописец, приняв ее северное направление, не знает, что она должна составлять неминуемое звено между Днепром и Ловатю в Озерной области, и между этими реками он полагает волок: «а верх Днепра волок до Ловати» (Лавр., с. 3). Поэтому только на основании позднейших известий XII–XIII веков можно представить некоторые соображения об этой части Варяжского пути.

Относительно пути из Двины в Поднепровье мы находим в них указание, хотя и косвенное, на то, что он лежал именно по реке Каспле, о которой было говорено выше. По известию Новгородской (Первой) летописи (с. 24), в 1198 году князь Ярослав с новгородцами ходил войной из Новгорода на Полоцк, но полочане встретили его с поклоном на озере Каспле (Касопле) и заключили с ним мир. Известие это, очевидно, неверно, ибо озеро Каспле лежит на пути из Полоцка не в Новгород, а в Смоленск, и полочане могли встретить новгородцев только при устье реки Каспли, а не на озере Каспле, через которое эта река протекает. Но во всяком случае оно важно для нас как несомненное свидетельство того, что в Новгороде знали озеро Каспле как урочище, лежащее на обычном пути из Озерной области к югу. Селения по Каспле и ее южному притоку Выдре — Волоковая, Гаврики, Зарубинцы, Городок и др., сколько можно судить по их названиям, должны принадлежать к древнейшим на Руси. Что касается связи Западной Двины с Озерной областью, то она поддерживалась несколькими путями, сделавшимися известными весьма рано. По указаниям летописей, эти пути проходили через Емонец, город Лучин, село Дубровну в Торопецкой волости и Муравийну в Новгородской и через Торопец. О первом из них, через Емонец, говорит Новгородская летопись под 1185 годом (с. 19): «Поиде Давид к Полотьску с Новгородци и Смольняны, и умиривъшеся, вортишася на Еменьци». Озеро Емонец и на нем село Емонец находятся в теперешнем Невельском уезде в девяти верстах к югу от уездного города. Оно лежит между верховьями Ловати и правыми притоками Двины, Оболи, сближающимися между

собой цепью озер и протоков. Еменецкий путь мог идти таким образом от устьев Оболи, несколько выше Полоцка, вверх по Оболи к озеру Езерищу, или Озерищу, из которого вытекает эта река и на котором остров Городище и древнее укрепление (XV век), оттуда волоком или к Еменцу и Одрову озеру, связанным с озером Еменцом, или прямо к озеру Еменцу, отстоящему от Езерища не более десяти верст; из Еменца рекой Еменкой в озеро Невель; из Невеля вверх по Еменке между озер Воротна и Череповицы к озеру Молосно и от Молосна к озеру Камшину, связанному с Ловатью, на которой в двух верстах ниже находится село Бродки. Этот путь мог служить только для непосредственных сношений между Новгородом и Полоцком. Им шел на Полоцк войной новгородский князь Мстислав Ростиславич в 1178 году (Ипат., с. 120). Другой путь лежал через город Лучин. О нем мы имеем указание в известии о поездке князя Рюрика Ростиславича из Новагорода в Смоленск в 1173 году, когда у этого князя на дороге в городе Лучине родился сын Михаил, которому он и отдал этот город (Ипат., с. 107). Лучин приурочивается к теперешнему селу Лучани на Лучанском озере, которое сближается с одной стороны с Западной Двиной, а с другой — с верховьями Полы, правого притока Ловати. В таком случае эта ветвь великого водного пути могла идти от устья Каспли Двиной вверх до озера Жаденья, или Жадоре, оттуда рекой Вологдой в озеро Отолово и волоком и протоками через Лучанское озеро к верховьям Полы и ее притоков. Наконец, о третьем пути через Дубровну и Муравийну мы находим указания в описании Литовского набега на Старую Русу в 1234 году. Оно дало Д. Ходаковскому основание

предположить, что путь этот лежал от Двины вверх по реке Торопе до Желна, оттуда 30-верстным волоком к реке Сереже (в Холмском уезде), впадающей в Ловать. Этот путь действительно был известен в древности⁴⁰, и мы находим положительное свидетельство о нем в летописном известии о походе князя Ростислава Мстиславича в 1169 году из Смоленска в Новгород через Торопец⁴¹. Но, как кажется, именно в объяснении события 1234 года предположение Ходаковского неверно. Напротив, летописный рассказ открывает здесь иную ветвь Варяжского пути, совершенно отличную от указанной Ходаковским. Река Сережа, о которой говорит он здесь, впадает в Ловать не прямо, а через реку Кунью (у села Зуева в Торопецком уезде). По рассказу летописи (Новг. I, с. 49), Литва, ограбивши Русу, отступила на Клин, который мы находим на одном из притоков верхней Куньи милях в трех к западу от озера Двинья, сообщаемого с Западной Двиной. Когда преследовавшие Литву новгородские лодейники воротились, за недостатком хлеба, с Муравийна на Ловати (теперешняя Муравейка к северу от Холма), Ярослав с конниками продолжал преследование «и постиже я на Дубровне на селищи в Торопечской волости, и ту ся би с безбожными, оканью Литвою». В пределах бывшей Торопецкой волости мы находим Дуброву, или Дубровну на Куньи, но уже выше впадения в нее Сережи. Все это подвергает сомнению догадку Ходаковского об этой ветви великого водного пути и заставляет предполагать ее от Ловати вверх по реке Куньи до Клина и оттуда уже волоком (через Городец к югу от Клина) на город Жижицы, или Жижчь (там, где теперешнее село Жесцо-Живец близ западного берега озера

Жесца) или прямо к озеру Двинье, из которого проток Двинка, в Двину. Это тем вероятнее, что летописец, указывая на Клин как на пункт отступления Литвы, должен был иметь в виду местность общеизвестную, какой действительно мог быть Клин на Куньи, составляя как бы узел в сообщении между Ловатью и Подвиньем. Лежавший на этом пути Жижичь уже в XII веке был одним из богатейших городов и платил, кроме подгородья и почестья, 130 гривен княжеской дани, как то видно из Уставной грамоты смоленской епископии 1150 года. Сношения Двинской области с Поволжьем шли, вероятно, через озеро Жаденье, на северном берегу которого находится село Извоз и которое отделяется незначительным волоком (через село Волок или Красное) от волжского озера Пено. Таким образом, Западная Двина и Ловать с притоками служили главными путями из Поднепровья к озеру Ильмену. Волхов и озеро Нево завершали на севере великий водный путь, пересекавший всю русскую землю от Финского залива до Черного моря.

Озерная область в своих многочисленных реках и озерах имела превосходные водные пути как для внутренних сношений, так и для сношений с Поволжьем и с чудским побережьем Варяжского моря. Как пути от озера Ильменя к этому побережью служили кроме Волхова — Луга, на верхнем течении которой в том месте, где она сближается с Собой, через Мшагу, впадающую в Шолонь, находятся села Большой и Малый Волочек, и на запад река Шелонь, которая подходит притоком своим Узой (у села Большой и Малый Волочек к западу от Порхова) к Черехе, впадающей в реку Великую (1352 год; Новг. I, с. 85), служившую также путем

в область Западной Двины (через левый приток Велью, на которой Воронач; 1350 год; Псковск. I, с. 190). В этой стороне реки, вливающейся в Чудское озеро с запада, ставили новгородских славян в связь с чудским населением Варяжского поморья. С другой стороны Озерная область стояла в связи с Поволжьем и отдаленным Заволочьем. С Заволочьем она издавна имела прямое сообщение по Волхову, Ладожскому озеру, Свири, Онежскому озеру и Водле и через Поволжье. Туда главные пути вели по Волхову же (Ладожское озеро, Сясь и Воложа) к северным притокам Волги по реке Мсте, верховья которой сближаются с притоком Волги, Тверцой (Волок, теперешний Вышний Волочок) и по озеру Селигеру. Об этом последнем селигерском пути, весьма обычном в XII и XIII веках, как увидим ниже, летописи не сообщают подробных указаний. Но можно предположить, что в Озерной области он шел от Ильменя по реке Ловати и ее правому притоку Поле до слияния с Явонью, которая своими вершинами и связанными с ней озерами Истошиным, Стромиловым, Саминцовым, Долгим и Волоцким подходит к северному берегу Селигера, отделяясь от него холмистым (не более пяти верст) волоком.

Поволжье было известно славянам еще задолго до начала Русского государства. Поселения кривичей захватывали Верхнюю Волгу, а первые события во вновь возникшем государстве указывают на старинную связь славян с инородческими племенами, занимавшими ее среднее течение. Начальная летопись знает, что Волга, начинаясь в оковском лесу, течет в земли болгар и хвалисов и впадает в Хвалиское море «семьюдесятью жерелы» (гирлами). Эта последняя подробность,

помимо известий арабских писателей о сношениях русских с прикаспийскими областями, была бы достаточным свидетельством близкого знакомства их со всем течением Волги. Впрочем, подробных известий о Поволжском крае летопись не сообщает: в эпоху ее весь интерес исторической жизни сосредотачивается преимущественно на юге, и только в конце XI и в начале XII века начинают обнаруживаться признаки общественного развития на северо-востоке равнины. Из вод Волжского бассейна летопись называет только притоки Волги Медведицу (1096 год; Лавр., с. 109), Шексну (1071 год; там же, с. 75), Оку (там же, с. 4, 5, 27) с Клязьмой (1096 год; там же, с. 109) и озера: Белоозеро (Лавр., с. 3), Клешино (там же. Плещеево) и Ростовское (там же. Неро). Как путь сообщения Волга имела неизмеримое значение, поставляя славянское Поднепровье и Озерную область в связь с одной стороны с тюркским востоком и финским севером и северо-востоком (Беломорским бассейном) с другой. С Поднепровьем она сближалась, как мы видели, Угрой и Вазузой. С Озерной областью — Тверцой и Мологой, с Подвиньем — рекой Селижаровкой и озером Селигерем, служившими также и для сообщения с Ильменем. О Селигерском (Селегерском) пути находится несколько указаний в изложении событий XII—XIII веков. Так, в 1199 году на Селигери преставился архиепископ новгородский Меркурий на пути из Новгорода во Владимир на Клязьме (Новг. I, с. 25). В 1216 году новгородцы ходили Селигерем на верх Волги (там же, с. 34). В 1237 году татары шли к Новгороду от Торжка сeregерским путем. На Селигери путь раздваивался: одна ветвь его вела по северным разветвлени-

ям озера к Новгороду, другая шла в Подвинье, может быть, от западного разветвления Селигера через озеро Яманец и Стерж на юг через озеро Вселуг в озеро Пено и от Пено волоком через Волок (Красное) к Извозу на северном берегу озера Жаденья. Впрочем, для Озерной области гораздо важнее был другой путь в Поволжье через Мсту и Тверцу. Тверца представляла ключ к Новгороду, и занятие ее верши на Торжку (то есть верхнего течения от города Торжка) враждебными Новгороду низовскими князьями каждый раз прекращало торговые сношения с Поволжьем и вело за собой общее возвышение цен в Новгородской области, нередко голод. Многочисленные разветвления Волги вообще открывают превосходные пути сообщения не только с другими речными областями, но и в самих пределах ее бассейна; особенно богата ими часть верхнего Поволжья, ограниченная с севере Волоком до Белоозера, с северо-востока Шексой, с юга и юго-востока Угрой и Окой и пересекаемая Мологой и важнейшими притоками Оки — Клязьмой и Москвой. Многочисленные притоки этих рек, сближающиеся между собой верховьями, покрывают как бы сетью все омываемое ими пространство, представляя таким образом в высшей степени выгодные условия для движения населения в этой области. Они, без сомнения, с отдаленнейших времен послужили главными путями для славянской колонизации Верхнего Поволжья. Движение славян в этом крае от коренных их обиталищ, с Днепра, верховьев Волги и Оки, могло совершаться по ним шаг за шагом, небольшими массами. Вызываясь исключительно стремлением к более удобным местам для поселений, к более выгодным промыслам, оно никогда не было здесь

общим единовременным движением всего племени, даже более или менее значительной части его. Напротив, оно имело характер, если не личного дела отдельных семей переселенцев, то, по большей мере, частного дела отдельной славянской общины. Постоянство, общность и сила, с которыми оно является в истории, зависят именно от выгодного расположения рек Верхнего Поволжья.

Хотя колонизация этой области осталась незамеченной Начальной летописью, а «Повесть временных лет» называет в своих перечнях только финские племена, составлявшие первобытное ее население, тем не менее из летописных известий, хотя и скудных, о северо-восточных событиях конца XI века открывается, что уже в то время славянство было там господствующим и преобладающим элементом, а ход событий XII—XIII веков указывает, отчасти, какие реки имели наиболее значения как пути сообщения в этом крае. Для связи с областью Москвы-реки Верхней Оки и через нее Угры, составлявшей, как мы видели, путь из Подесенья и Верхнего Поднепровья, служили, кажется, Лопасня (1176 год; Ипат., с. 118), сближающаяся с притоком Москвы, Пахрой (на границах Подольского и Серпуховского уездов) и еще более Поротва (Протва), которая подходит своими верховьями непосредственно к Москве-реке (в Можайском уезде). На ней видим старинное поселение Вышгород и на устье ее Лобыньск (Люблинец Амосов), существовавший уже в первой половине XII века (1146 год; Ипат., с. 29). С другой стороны Москва-река связывалась с Верхним Поволжьем правым притоком своим Рузой и Ламой, вместе с Шошей вливающейся в Волгу. Здесь известный волок Ламский (1135 год;

Лавр., с. 132). В область Клязьмы шли от нее пути, вероятно, по реке Сходне, которая вливается в Москву-реку выше столицы и на вершинах которой находится село Черкизово, и по Яузе. Путь от Клязьмы к Верхнему Поволжью шел по Яхrome и Дубне, впадающим в приток Волги, Сестру. На Яхrome мы видим Юрия Долгорукого на полюдье в 1154 году (Никон. лет. в полн. собр. русск. лет., т. IX, с. 198). Притоком Дубны Вленой шли в 1181 году новгородцы на Всеволода Суздальского (Лавр., с. 164). Старинные славянские колонии на озерах Клещине (Плещеево, Переяславское) и Ростовском (Неро) стояли в непрерывных сношениях с верхним Поволжьем и Озерной областью. Из событий 1216 года видно, что путь с Поволжья в Переяславль Залесский шел от Кснятина на Волге при устье Нерли (Большой) вверх по Нерли к озеру Сомино и реке Веске (на карте Шуберта — Верске), которой исток в Плещееве озере. Через Нерль же шли сношения с Ростовом и Владимиром на Клязьме. Ростовский путь вел, как кажется, по правому притоку Нерли Солме к верховьям Сарры, вливающейся с юго-запада в Ростовское озеро. По Сарре же лежал путь от Ростова к Переяславлю (Новг. I, с. 34). Путь владимирский из Поволжья был или через Переяславское озеро, или по Солме же к верховьям другой реки Нерли (Малой), которая, сближаясь истоком своим и с Солмой и с озером, впадает в Клязьму несколько ниже города Владимира. В 1321 году великий князь Юрий Данилович в походе на Тверь (несомненно, из Владимира на Клязьме) встретил тверских послов в Переяславле Залесском, где и было dokonчанье мира (Новг. I, с. 72). Той же Нерлью при посредстве притока ее (с левой сто-

роны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром на Клязьме и Ростовом. Здесь, на Нерли, верстах в трех от Суздаля, в Кидекши, по преданию, дошедшему до нас из XII века, находилось становище Бориса Ростовского и Глеба Муромского (1159 год; Ипат., с. 82). Из левых притоков Волги особенную важность имели Молога и Шексна. Молога служила главным путем для распространения новгородских славян в финской области, которая ограничивается с северо-запада и востока ее круговым течением и где, как увидим ниже, находились важные новгородские волости уже в начале XII века. Моложский путь из Озерной области шел, как полагает Ходаковский («Пути сообщения в древней России», с. 21), или от озера Нево посредством реки Сяси и Воложи до Волока Хотьславля (в Тихвинском уезде; на подробной Карте Империи 1804 года в окрестностях Носова и Зайцева; на карте Шуберта № 14 — Волокославское при реке Чагоде), или же от волока Держковского на Мсте (ниже Боровичей) ужом к озеру Печенову (у Ходаковского — Пеленова) по рекам и озерам (Люту и Шерегодру, соединенным протоками, и из них Ситницей к озеру Ямному, от которого волоком до озера Межволочья) и до реки Песа, впадающей в Чагодоцу, левый приток Мологи (там же, с. 27; см. карту Шуберта № 19, Боровицкий уезд). Левый приток Чагодоци Лидь (у Ходаковского — Леть) сокращал путь из Озерной области в Шексну и Белоозеро, сближаясь с Колпью, впадающей через Суду в Шексну у Колпьского притока Волочны (в северо-восточном углу Тихвинского уезда несколько выше села Вольского). Что же касается Шексны, то она имела важное значение как для ильменских

славян, так и для Поволжья, составляя как бы ворота в отдаленное Заволочье. Заволоцкий путь шел, вероятно, вверх по Шексне до устья реки Славянки, вверх по Славянке до волока к Волокославинскому на Порозовице и Порозовицей к Кубенскому озеру. Этот путь вел в Северную Двину. Другой путь был в Онежскую область — вверх по Шексне, вероятно, до устья Пидмы, вверх по Пидме до десятиверстного волока к реке Болшме и озеру Воже или Чарандскому, к реке Свиде и озеру Лаче, в котором берет свое начало река Онега⁴².

Глава 2

Географическая связь между разнородным населением Восточно-Европейской равнины. Общие этнографические понятия летописца. Народные группы Иафетовой части. Варяги и их разделение. Немцы. Влахи. Греки. Сведения о греческой земле. Латовские племена. Ятвяги. Область их в XIII веке; их жилища в эпоху Начальной летописи. Литва. Нерома. Этнографические границы со славянским населением. Лотыгола. Голядь

Такая тесная связь между речными бассейнами Восточно-Европейской равнины обуславливала столь же тесную связь и взаимодействие между разноплеменным ее населением. Более сильно-му племени она облегчала подчинение и поглощение более слабых путем военного захвата и колонизации, а слабым затрудняла возможность противодействия. Здесь надо искать причину раннего преобладания славяно-русского племени над инородцами преимущественно в южной части Озерной области и в Поволжье. На такое преобладание указывают все известия Начальной летописи о расселении племен на востоке Европы с древнейшего времени. Прежде чем перейти к их рассмотрению, считаем, однако, нелишним сказать здесь несколько слов об общих этнографических понятиях, открывающихся в Начальной летописи. Вообще население Иафетовой части Начальная летопись разделяет на языки (племена в обширном смысле), а языки на роды. Как и следует ожидать, в основание этого деления не положено ясно определенного начала. Родовые названия из-

вестной группы племен имеют отчасти этнографическое, отчасти географическое или политическое значение, то есть придаются племенам или по их национальному сродству между собой, или по их географическому и политическому распределению. В последнем случае они получают смысл названий собирательных. С другой стороны, родовое имя целого народа употребляется иногда для обозначения одного какого-либо его племени. Причины такой неопределенности в понятиях следует искать отчасти в сборном характере, которым вообще отличаются наши летописи. Каждый вносивший свою долю в ее состав имел свой взгляд на народности, свое этнографическое понимание, а позднейшие составители свода заботились только о том, чтобы придать своему труду внешнее (хронологическое) единство, вовсе не думая о единстве внутреннем. Впрочем, можно, кажется, принять, что в Начальной летописи все население Иафетовой части разделяется на следующие народные группы: варяги или немцы, греки, Литва, к которой относят ятвягов, и славяне⁴³. В этом этнографическом ряду стоят совершенно уединенно, особняком, загадочные колбяги, о которых упоминает «Русская Правда»⁴⁴.

Вопрос о происхождении и значении слова «варяг» разрабатывался в русской исторической литературе с особенным усердием и имеет обширную литературу. Но многочисленные исследования привели к различным, не всегда согласимым результатам. Большая часть исследователей, признавая за варяжским названием германское происхождение, утверждают, что оно имело этнографический смысл и обозначало исключительно норманнов. Это так называемая Норманнская шко-

ла, которая считает в рядах своих большую часть исследователей древней русской истории — Байера, Шлёцера, Эверса, Круга, Куника, Погодина и др. Другие же отрицают этнографическое значение слова «варяг» и думают, что это было название вольных дружин: «Сличив различные толкования ученых, — говорит С. М. Соловьев (История России с древнейших времен. Т. 1, с. 85), — можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волей или неволей покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых». По мнению уважаемого историка, это название, как видно, образовалось на западе у племен германских; на востоке — у племен славянских, финских, у греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин была русь (рось) (там же). По резкому отличию от всех других обращает на себя внимание мнение г-на Геденова («Исследования о варяжском вопросе»). Он полагает, что название варягов составилось у венедских славян под влиянием литовского начала (в древнебалтийском словаре, найденном Потоцким, — см. Буткова в «Сыне Отечества», 1836, № 1 — Wareng из древянского — на нижней Эльбе — наречия), что никогда и нигде это слово не обозначало особой народности, что оно было у поморских славян общим наименованием нормано-венедских пиратов, подобным же, каким было у норманнов — викингар, и что оно зашло к восточным славянам из западно-славянской (венедской) колонии, образовавшейся будто бы в Новгородской области еще до призвания Рюрика. Положительным и бесспорным можно признать только одно: Начальная летопись употребляет

слово «варяг» преимущественно в значении географическом, обозначает им, с одной стороны, вообще западноевропейское население, с другой — территорию западной или, по крайней мере, северо-западной Европы. На такое значение его указывают выражения: «бе путь из варяг в грекы» (Лавр., с. 3); «притти из варяг», «итти в варягы» и т. п. Этнографическое значение его крайне неопределенно. Нет сомнения, что варягами были названы первые иноплеменники, может быть, пришельцы из Западной Европы, с которыми ознакомились восточные славяне на северо-западной равнине. Но затем это название было перенесено на все вообще западноевропейское население неславянского происхождения⁴⁵. Следы такого широкого значения его остались, как мы видели, в объеме Варяжского моря Начальной летописи и в перечне земель и народов, где поселения варягов показаны по всему побережью Варяжского моря от Симова предела на востоке до Хамова племени на Полуденъи. Мы видели также, какие именно племена разумеет перечень под варягами. Такая перемена в понятиях народа, обусловивших воззрения летописца в тех случаях, когда им не руководила византийская литература, могла произойти тем скорее, что ему не было известно все разнообразие западноевропейского населения. Но по мере ознакомления с Западной Европой, по мере того, как завязывались с ней непосредственные сношения, из общего понятия варяг стали выделяться частные народные единицы, каждая со своими национальными особенностями, со своим народным именем, и при этом, естественно, слово «варяг» сокращалось, суживалось в своем значении. Это видно из рассмотрения дальнейших употреблений его в ле-

тописи. В предании о призвании князей варягами называются русь, свое (свеи), урмяне, гѣте (готы), англяне. Сравнительно с исчислением, которое представляет перечень, здесь опущены племена юго-западной Европы (фрязи, галичане, волхва и др.), что, впрочем, могло произойти и по случайности. С развитием событий от варягов обособляется русь. В Олеговых походах — из Новгорода в Киев и затем в Грецию — принимают участие вместе со словенами, чудью и другими варяги (Лавр., с. 10, 12), и из умолчания летописи о руси можно бы было заключить, что в этих преданиях русь еще поглощается словом «варяги». В официальных документах, в договоре с греками 912 года и в Игоревом договоре 944 года дело ведется уже от имени руси (Лавр., с. 13, 19). В Игоровых походах на греков русь отделены от варягов. Первый поход совершен им без участия варягов (там же, с. 18). Для второго он собрал варягов, русь, полян и пр. (там же, с. 19). То же мы видим и в событиях при Владимире Святom и его детях (Лавр., с. 32—64). В XI веке Новгородские славяне узнали готов; о них говорит известный «Устав Ярослава о мостех» (Русские достопримечательности. Т. II, с. 292), в XII веке донов (датчан) и сеев (шведов). В последний раз варяги упоминаются в Начальной летописи в описании битвы с печенегами под Киевом в 1036 году (Лавр., с. 65). Встречаясь затем в Новгородских летописях в изложении событий XII века, оно имеет там, очевидно, местное значение; к XIII веку оно вышло, кажется, уже вовсе из употребления⁴⁶. Оно заменилось однозначным с ними «немец», словом, которое с X века стало входить в употребление также для обозначения вообще западноевропейца, и только впоследствии,

как увидим ниже, получило теперешнее свое значение. По всей вероятности, название «немец» явилось на юге ранее, чем на севере; по крайней мере оно встречается в первый раз в южнорусском рассказе Летописи о крещении Руси. Заметим также, что оно употребляется там не как этнографический термин, а скорее как церковный — для обозначения христиан католического исповедания. Под 986 годом записано известие о приходе в Киев немцев от Рима (Лавр., с. 36). «Немцы и греки, говорят казарские жида Владимиру, веруют его же мы распахом» (там же, с. 36, 37). Далее ясно различаются законы болгарский, немецкий, жидовый, греческий (Лавр., с. 45). Впоследствии слово «немец» является в значении этнографическом и географическом. В Новгороде жили немцы уже в первой половине XI века; под 1056 годом есть известие о бегстве в немцы Дуденя, холопа новгородского владыки (Новг. II, с. 199); в 1075 году к Святославу, княжившему тогда в Киеве, приходили послы из немец (Лавр., с. 85)⁴⁷.

Такое же значение, какое имели варяги для запада Европы, имеют для Италии владыки, о которых мы имели случай говорить выше (см. прим. 20), и греки для юго-восточной Европы и для некоторых частей Малой Азии, входивших в состав Византийской империи. Без всякого сомнения на Руси знали греков как отдельный народ, отличающийся от других племен империи языком, происхождением, нравами. Но Начальная летопись разумеет под этим именем по большей части вообще все население Византийского государства, обозначая им также и его территорию, — греческую землю (Лавр., с. 12, 74). Мы заметили уже, что перечь земель и народов занимается почти исклю-

чительно землями, которые составляли область бывшей Римской империи и из которых многие во время летописца принадлежали Византии. Поддерживая постоянно торговые и затем церковные сношения с Грецией, русские, и помимо греческих литературных источников, знакомились с ее географическим положением. Походы Олега, Игоря, Святослава и двух Владимиров — Святославича и Ярославича — охватывали северное и южное побережье Понта, окрестности Царя-града и Подунайские земли. Из жития св. Георгия Амастридского видно, что русские проникали в Вифинию и Пафлагонию⁴⁸. Договоры наших князей Олега и Игоря свидетельствуют об оживленных торговых сношениях еще языческой Руси с греками. С принятием христианства связь с Грецией окрепла, и сношения усилились. Религиозное почитание христианских святынь Востока пробудило в русском народе стремление к паломничеству. Начались хождения в Царьград и Палестину, и в тот год, когда игумен Сильвестр оканчивал свод первой русской летописи, из Палестины возвращался уже паломник Даниил, игумен русской земли, первый, описавший свое хождение к святым местам, но, конечно, не первый, совершивший такое хождение. Дружинники, купцы и паломники приносили сведения исторические и географические о Греции, которые, вместе с заимствованиями у греческих хронографов, заносились в наши летописи. Таков источник большей части географических данных Начальной летописи о греческой земле. В пределах ее она упоминает (на Балканском полуострове): Царьград с гаванью Судом (Лавр., с. 9, 12, 18), области — Фракию (землю Фрачьску; там же, с. 11) с градом Оньдреянем (Адрианоподем)

иже град Орестов нарицашеся, сына Агамемнон (там же, с. 8), Маке(и)донию (там же, с. 8, 18) с Селунем, родиной просветителей славян, Кирилла и Мефодия (там же, с. 11), св. Гору (там же, с. 68) и Черную реку⁴⁹ (866 год; там же, с. 9, — как кажется, бухта Буйюк Чекмадей при устье Афира, к югу от Царьграда); в Малой Азии — Мирликийский, Вифаньскую страну с городами Никомидией и Ираклием на Понте (там же, с. 18), Фафлагонскую землю (там же) с Синопией (с. 3); наконец, на северном берегу Понта Корсунскую область, простиравшуюся от Тмутараканских границ на востоке до Белобережья, днепровского устья на западе. Здесь были города Корсунь (Лавр., с. 18, 16, 46) с гаванью (лимень), водопроводами и церковью св. Василия, основанной св. Владимиром на торговой площади посреди города, и Крчев, упоминаемый в известной надписи на Тмутараканском камне (теперешняя Керчь)⁵⁰.

Переходя к северу и северо-востоку Европы, мы встречаем на южном побережье Варяжского моря большое литовское племя. Оно расселилось в области Немана между Вислой, Западным Бугом и Двиной и разделялось на несколько отдельных народов. Из них летопись знает пруссов⁵¹, которых она помещает по варяжскому побережью, между ляхами и чудью (866 год; Лавр., с. 2), и на восток от них литву, зимиголу, летьголу (в Лавр. списке ошибочно «сетьгола»), нерому (норову)⁵² и корсь и причисляемых к ним новейшими исследователями ятвягов (явтяги)⁵³ и голядей⁵⁴. Как кажется, из этих племен ранее других стали известны на Руси ятвяги (явтяги)⁵⁵. Имя одного из русских послов, заключивших мир с Грецией в 945 году, Явтяг (Лавр., с. 20) дает некоторое основание

предполагать, что выходцы из этого племени уже тогда служили в княжеских дружинах. Впрочем летопись сохранила весьма мало известий о сношениях Руси с ятвягами. Под 983 годом отмечен поход на них св. Владимира (Лавр., с. 35), под 1038 годом — поход Ярослава (там же, с. 66). По таким скудным известиям нельзя, конечно, сделать никаких прямых заключений о месте тогдашних поселений этого племени, теперь уже совершенно исчезнувшего. В подробных известиях о нем XIII века, представляемых нашими летописями, древнейшим и достовернейшим источником его истории, оно является далеко на севере, за Наревом и Бобром в теперешней Озерной области Восточной Пруссии, на северных границах царства Польского. Но ранняя связь его с вновь возникшим Русским государством приводит к мысли, что в эпоху Начальной летописи оно жило гораздо южнее, гораздо ближе к коренным славянским поселениям и к русским пределам. В самом деле, при всей краткости летописных известий нельзя не заметить, что походы на ятвягов Владимира и Ярослава, о которых говорят наши летописи, стоят в какой-то связи, с одной стороны, с присоединением к русским владениям области Западного Буга и Днестра, так называемой Червенской земли, с другой — со столкновениями ее с Литвой. Первому предшествовал поход Владимира на ляхов в 981 году, когда он «зая грады их Перемышль, Червень и ины грады», а второму — поход Ярослава и Мстислава в 1031 году, в который эти князья возвратили под свою власть червенские города, отнятые Болеславом Лядским в уобицу 1019 года. Предприятие Владимира окончилось покорением ятвягов, но неизвестно с

точностью, какой результат имел поход Ярослава. Наши позднейшие летописные своды (Никон. и Воскр. лет.; ср. также: *Карамзин Н. М.* История государства российского. Т. II. С. 17. Прим. 35.) сообщают, что Ярослав не мог взять ятвягов. Известие Новгородской летописи (Новг. III, с. 211) о заложении града Новгорода на весну после похода на ятвягов не решает дела, ибо неизвестно, о каком Новгороде говорит она, — о Великом или о Понеманском (Новогрудке). Но по литовско-польским сказаниям⁵⁶ предприятие Ярослава увенчалось полным успехом: ятвяжская земля была снова покорена, и в ней были будто бы тогда основаны и населены русскими колонистами города по Бугу — Дрогичин, Мельники, Брянск, и, может быть, Бельск. Часть ятвягов была переведена в Русь, другие отодвинулись на северо-запад к Нареву и границам прусской Галиндии. Вслед затем Русь вошла в столкновение с Литвой, на которую, по известию нашей летописи, Ярослав ходил два года спустя после ятвяжского похода, в 1040 году (Лавр., с. 66). Соображая все эти известия, нельзя не придти к тому заключению, что первоначальные поселения ятвягов до первой половины XI века находились между собственно Русью, червенскими городами и ляхами с одной стороны и Литвой — с другой; между старославянскими поселениями в области Немана, Припяти, Западного Буга и старолитовскими по правую сторону Немана, в области Вилии, то есть, что они занимали тогда пространство по Неману и по его южным притокам — Молчади, Шаре, Зельве, Роси и Свислочи. От водораздела с Припятью и Побужьем — на северо-запад до того места, где Неман принимает северное направление, у Гродна.

Здесь, господствуя над течением Припяти, они могли действительно отрезать пути сообщения Киева с Побужьем и Поднестровьем с Червенской областью, так что присоединение этих областей к Русскому государству естественно налагало на русских князей обязанность или покорить ятвягов, или отодвинуть их далее на север и северо-запад. Это предположение о поселениях ятвягов Начальной летописи тем более имеет за собой вероятия, что оно поддерживается теперешней номенклатурой населенных мест Понеманья, сохранившей много ятвяжских названий, свидетельствующих о древних поселениях ятвяжского племени в этом крае. Здесь, начиная с водораздела Немана от Припяти, и теперь мы имеем село Ятвезь у реки Лососны, притока Зельвы (в юго-западном углу Слонимского уезда, к северо-востоку от Пружан), сколько нам известно, самый южный пункт ятвяжского наименования (карта Шуберта № 34). Затем — в Новогрудском уезде два селения Ядзины (Ядзвины по белорусскому говору, Jaduwiny) у левого берега Немана, на северо-восток от Несвижа; Ятвизь к западу от Несвижа на дороге из Снова в Ляховичи; Ятвизь к югу от Новогрудка у озера Свитеза; Ятвизь к юго-западу от Новогрудка у реки Молчади. Далее на северо-запад ятвяжские названия переходят на правый берег Немана, в Лидский уезд. Здесь на границах с Гродненской губернией, в области, в XIII веке носившей название Денова и Ятвези, — безразлично⁵⁷, — находятся селения Ятвеск польский и Ятвеск русский и несколько на юг от них Ятвеск в Гродненском уезде. Затем опять по левую сторону Немана Ятвизь под Волковысском, несколько ниже его на реке Роси; Ятвеск на реке Рудавке,

правом притоке Свислочи; близ него Ятовцы (карта Шуберта № 28) и к югу от местечка Свислоча на водоразделе между Неманом (река Свислочь) и Наревом (река Колонна) село Ятвезки. Наконец, на севере Ятвице на левом берегу Немана, ниже Гродна, Ятвизь Большой и Ятвизь Малый на реке Каменке, через Бобр впадающей в Неман, в 14 верстах к востоку от Суховоля⁵⁸ и на юг от них. Ядешки, Большой и Малый Яшвили — на юго-западе Яски⁵⁹.

Таким образом первые походы русских князей окончились подчинением ятвяжского Понеманья, усилением в нем славянорусов и передвижением ятвягов далее на северо-запад в соседство родственных им жмуди, пруссов и бортов, где их и открывает наша история в XIII веке. Этот переворот, сблизив границы Руси с Литвой, повел за собой столкновения между этими двумя народами. Русские летописи сообщают краткие известия о двух походах на Литву великого Ярослава в 1040 и в 1044 годах (Лавр., с. 66 и Новг. III, с. 211). Куда именно были они предприняты, эти известия умалчивают. Но польские историки Литвы говорят, что Ярослав разбил литовцев где-то в окрестностях Слонима, затем перешел Неман и болота, разграничивавшие славянские поселения от литовской Пелузии (как называлась часть области по реке Виленке), и подчинил себе Литву по левый берег нижней Вилии. Старолитовское поселение Ghurgani сделалось будто бы центром русского управления покоренной области и получило название Трок (теперь Старые Троки. См.: Narbutt, Dzieje Nar. Litewsk. III, с. 225, 232, 233). За этими известиями следует признать некоторую долю вероятия тем скорее, что и Начальная ле-

топись называет в числе племен, плативших дань Руси в XI веке, Нарову или вернее (по Ипатьевскому списку) Нерому⁶⁰. Собственно Литва занимала пространство по Неману, захватывая левый берег его от устьев Дубиссы до верховьев Бобра близ Гродна, и главным образом по правым притокам его Вилии и Меречанке, примыкая на северо-западе к Жмуди у реки Невежи, на западе к славяно-мозовецким поселениям, а на юге и юго-востоке сперва к ятвягам и кривским поселениям славян, а затем только к славянам по черте, которую можно провести, основываясь на данных топографической номенклатуры от устья реки Ротницы к верхнему течению Котры, вверх по притоку Котры, Пелясе, к Жижемe и Дитве и от истоков Дитвы по реке Ошмянке к Вилии и на правой стороне ее через озеро Свирь к притоку Дисны, Мядзиолке и далее на север по системе озер, идущих от устья Мядзиолки (Опсы, Пеликана, Дрисвяты, Ричи, Сомки, близ которого села Рубеж, Шиловки и др.) к Креславлю на Двине, кривичам на север и Кревну на северо-запад от Новоалександровска, как кажется, крайним на западе славянским местностям в Двинской области. К северу от собственно Литвы по левому берегу Двины жило племя зимигола (Лавр., с. 3, 5), прилегая на востоке непосредственно к владениям полоцких князей, к которым оно равно стало во враждебные отношения. Известия о племени зимигола восходят к 1106 году, когда оно разбило полоцкого князя Брячислава Вячеславича (Лавр., с. 120). Зимиголы и летьголы, поселения которых простирались к северу от Зимиголы, по правой стороне Двины, между землями полочан, псковских славян и чудского племени ливов, были

только областными (географическими) названиями особой ветви литовского племени, которая называла себя *latwis*, а землю свою *Latweiu zemme*, то есть латвежская, литовская земля. Летьгола, или лотыгола (*latwingalas*), объясняется как «Литвы конец». Зимигола (*zemegolas*) — конец земли. Лотыши селились под Витебском (к юго-востоку). Лотышова к югу от Полоцка, в северо-восточном углу Лепельского уезда, и Лотыголь в десяти верстах к югу от Сенна могут указывать на то, что первоначально обиталища летьголов лежали гораздо дальше вверх по Двине и ее притокам, откуда они были вытеснены наплывом славян. К ним примыкала на западе родственная лотве корсь, занимавшая Балтийское побережье к югу от Рижского залива. Вообще в XI веке на Руси только начинали завязываться сношения с литовскими племенами, и о географическом положении их не было ясных понятий. Что касается голяди, то, как уже было замечено выше, только сходство ее названия с прусской Галиндией позволяет видеть в ней особое племя и причислять ее к Литве. Начальная летопись только однажды называет ее, передавая краткое известие под 1058 годом: «Победи Изяслав Голяди» (Лавр., с. 70). Но из половины XII века мы имеем положительное указание, что люди голядь жили в пределах Смоленского княжения где-то близ реки Поротвы, правого притока реки Москвы (1146 год; Ипат. с. 29). Объяснить появление этой литовской ветви так далеко на востоке довольно трудно. Очень может быть, что еще в глубокой древности голяди были оторваны от массы литовского племени движением славян с юга на север, или же они явились на Протве и вследствие переселения с запада,

что могло стоять в связи с переселением с запада же славянских племен вятичей и радимичей, по известию летописи, пришедших от ляхов на Оку и Сожь. Как следы этого народца следует заметить: село Голяди в западной части Дмитровского уезда на реке Бунятке, левом притоке Яхромы; Голяди — деревню в Клинском уезде (по левую сторону шоссе и Николаевской железной дороги); реку Голяду, впадающую в Москву с левой стороны несколько ниже столицы, под селом Люблиным (берет начало в Белом озерке у Косина); село Голяжье в Брянском уезде на реке Десне, значащееся еще в брянских писцовых книгах начала XVII века. Нельзя не заметить также, что в области Западной Двины, Немана и Западного Буга встречается множество населенных мест и урочищ с названиями, по-видимому, близким к имени голядей, каковы — Головск, Гольск, Голоды и т. д. Но имеют ли они какое-нибудь отношение к голяди, определить пока невозможно.

Глава 3

Чудь. Ее расселение в эпоху Начальной летописи. Что такое заволоцкая чудь? Собственно чудь. Разноречивые известия о ней летописца. Вожане, очела, ссола. Чудь поволжская: весь, меря, мурома, мордва, черемиса, мещера. Заволоцкая чудь. Пермь, печера, ямь. Летописные известия о ней и возможные следы ее в теперешней топографической номенклатуре русского севера. Угра. Географическое положение ее по летописным известиям по эту сторону Уральского хребта. Угры белые и угры черные. Различный характер сведений летописца о финском северо-востоке и северо-западе

На север и северо-восток от литовских племен Начальная летопись знает племена финские, которые, сколько можно судить по некоторым данным, издавна носили на Руси общее название чуди. Нет сомнения, что это первобытное население Восточно-Европейской равнины занимало в древности большую часть ее, что жилища его спускались гораздо южнее той области, где застает его наша история. Следы его, до сей поры сохранившиеся в географических названиях средней и даже западной и юго-западной Руси, могут послужить исследователям руководящей нитью в определении первоначальных этнографических границ финских племен. Но в эпоху составления Начальной летописи, в конце XI и в начале XII веков, финны были уже отодвинуты на север наплывом славян и являются в южной части Озерной области, на побережье Балтийского моря и Финского залива, к западу и северу от Чудского озера, отделяясь

от Ильменя уже сплошным славянским населением. Далее на восток они группировались на Северной Покатости, в Заволочьи, тогда как в Верхнем и Среднем Поволжье и на волоке, водоразделе бассейнов каспийского и беломорского, держались только слабые остатки их, теснимые колониационным движением славян из области Днепра, Десны и Верхней Оки. В Начальной летописи мы находим два исчисления финских народцев: одно — в общем перечне племен, другое — в перечне племен, обязанных данью Руси. Оба они немногим отличаются друг от друга, и при рассмотрении их нельзя не видеть, что порядок, в котором они называют финские племена, соответствует действительному размещению этих племен на восточной равнине, и что следовательно оно было, хотя в общих чертах известно летописцу. Он разделяет их на две группы: южную — по эту сторону волока, и северную — в Заволочьи. На это указывает выражение «заволоцкая чудь», которое стоит в первом перечне племен перед племенами перми, печеры, ями и угры, жившими по ту сторону волока. Вопреки мнению Шегрена⁶¹, который видит в заволоцкой чуди летописи карелов, — мнению, ничем, впрочем, не подтверждаемому, — следует, кажется, признать, что это имя употреблено летописцем в первом перечне именно для обозначения всех вообще племен, населявших Заволочье: оно нигде более не встречается ни в исчислении даннических племен, ни в изложении событий Начальной летописи, ни у ее переписчиков и продолжателей, тогда как о кореле они говорят довольно часто с половины XII века⁶². Во втором перечне замечаются незначительные отмены в порядке исчисления племен и названы черемисы,

которых нет в первом. Краткие сведения, представляемые о финских племенах этнографическим вступлением Начальной летописи, дополняются немногими известиями ее об отношениях их к Русскому государству.

Самым крайним на западе финским племенем была собственно чудь; она жила на восточном побережье Варяжского моря, и, по понятиям летописца, соседила с пруссами, хотя, как известно, ее поселения начинались только от устья Западной Двины, примыкая к землям зимиголы и лотыголы. Об отношениях чуди к славяно-русскому миру мы находим два ряда совершенно противоположных известий, которые, очевидно, относятся к двум различным частям этого племени. С одной стороны, мы видим чудь в самой тесной связи с племенем новгородских славян и кривичей: вместе с ними она подпадает в половине IX века под власти завоевателей варягов, изгоняет их, призывает русских князей (Лавр., с. 8) и участвует в походах Олега из Новгорода в Киев и из Киева в Царьград (там же, с. 10, 12). Из этого племени Владимир Святой выводил колонистов в основанные им на юге порубежные города (Лавр., с. 52). Выходцы из него служили в княжеских дружинах (боярин Чудин и брат его Туки) и жили в Новгороде (Чудинцова улица, Чудинцовы ворота). Несомненно, что при таких близких отношениях к Руси чудь должна была войти в состав Русского государства с самого основания его, и что, следовательно, искать ее надо в пределах крайней на северо-западе славяно-русской области — области Новгородской, в ее коренном финском населении. Но таким населением были водь, или вожане, которые уже в первой половине XI века составляли одну из пяти

волостей или пятин новгородских, названную по их имени Водской или Вочской. («Устав Ярослава о мостех». «Русские достопримечательности». Т. II. С. 292). Остатки их до настоящего времени сохранились на побережье Финского залива, в Нарвском уезде, особенно в селах Каттиле и Соикине, в малочисленном финском народце, называющем себя *watialajset* или *waddialaiset*⁶³. Объем этой пятины, занимавшей весь северо-запад собственно Новгородской области, сходство теперешнего наречия воды с наречием ижоры (в Ораниенбаумском уезде) дают основание думать, что первоначально это племя было гораздо распространнее, чем теперь. А если основываться на водских названиях теперешних селений — Водовой у Нарвского залива, на левой стороне Наровы, Водского (Новоселки) в Лужском уезде на реке Оредежи (близ его Чудиново), Водосьи на левом берегу Волхова в Новгородской губернии на границе с Петербургской (близ него Чудский Бор на притоке Волхова Тигоде), Воцкого на Пидьбе к северу от Новгорода, Водосьина на правой стороне Мсты к северо-западу от Боровичей, Водоси на Ловати (1136 год), — то можно предположить, что поселения воды простирались первоначально от финского побережья и Наровы на юг к Ильменею и за Ильмень, на восток к Мсте, откуда они были вытеснены племенем новгородских славян. Озеро Вожинское, соединяемое рекой Горыпью с Колпью (в Тихвинском уезде), в окрестностях которого находятся речка Чудля, приток Соминки, и на ней Чудцы, и к селам Чудская на Ретеше, южном притоке Паши, составляет, кажется, самый восточный пункт водского наименования в этой области. Местное название племени воды или вожан

могло быть неизвестно южному летописцу, или же он считал за лучшее заменить его в своем рассказе более общим и распространенным названием чуди. Но вожане прямо называются в одновременных с ней известиях новгородского летописца, и, во всяком случае, вне этого народца положительно негде искать, среди финских племен, русской чуди IX—X веков. Может быть, даже имя води или вожан вошло в общее употребление у русских не ранее начала XI века, в отличие русской чуди от чуди, неподвластной русским князьям (эстам), которая жила далее на запад, за Чудским озером, и известия о которой встречаются в наших летописях не ранее первой половины XI века.

Отношения к этой чуди имели совершенно иной характер. Стремление новгородских славян овладеть варяжским побережьем и обеспечить торговые пути, шедшие к нему из их области, рано привело их во враждебные столкновения с западными финскими племенами и вызвало ряд походов их дружин за Чудское озеро. Эта борьба открылась походом Ярослава в 1030 году, который, победивши чудь, основал город Юрьев (теперь Дерпт) и тем положил начало русским владениям к западу от Чудского озера. Затем в 1054 году на чудь ходили новгородцы с Изяславом Ярославичем или с посадником Остромиром и взяли осек (то есть лесное укрепление) Кедипив или Солнечная рука (Никон. I, с. 114), положение которого остается неизвестным, а Мстислав Мономахич после победы, одержанной им в 1113 году над чудью где-то на Бору, овладел в 1116 году их городом Медвежьей Головой (Новг. I, с. 4). Это важное пограничное укрепление чуди указывают в теперешнем селе Оденпе (на карте Шуберта — Оден-

пя) на юг от Дерпта, в гористой местности, близ верховьев реки Эльвы, южного притока Эмбаха. К собственной чуди прилегали, составляя части ее, племена сосолы и очелы, о которых говорят северные летописи, — новгородская и псковская. На очелу ходил Мстислав Мономах в 1111 году (Новг. I, с. 4). Где были жилища очелы положительно не известно, но на близкое соседство ее с русскими владениями указывает, кажется, то обстоятельство, что поход этот состоялся ранее победы над чудью на Бору и завоевания Оденпе. Думают, что очела наших летописей тождественна с отелой (otela), упоминаемой в договоре дерптского епископа Германа с Немецким орденом, подтвержденном Папой Григорием IX в Перуджии 12 ноября 1229 года⁶⁴. По нашим летописям, в последней четверти XII века очела, при нападении на их землю князя Мстислава Ростиславича с двадцатитысячным отрядом новгородцев, удалились к морю (1179 год; Новг. I, с. 17), может быть, на юго-западное побережье Финского залива, где к востоку от Гапсала и к югу от Ревеля находятся теперешние села Осла и Охтель* (карта Шуберта № 12). Несколько яснее положение племени сосолов, или сосолов. В 1060 году они были покорены великим князем Изяславом Ярославичем и обложены данью будто бы в 2000 гривен. Но, по рассказу летописи, они тогда же составили союз и выгнали сборщиков дани, а на весну напали на Юрьев, пожгли деревянное городовое укрепление и строения и дошли до Пскова. Тут их встретили псковичи и новгородцы и нанесли им страшное поражение:

* Селений с названием Охтель на карте Шуберта № 12 показано три.

«паде Руси 1000, а Ссол без числа» (Псковск. I, с. 176). Из этого известия можно предположить, что сосолы жили в соседстве с Юрьевом (Дерптом) и Псковом, то есть на юг от реки Эмбаха, и это тем вероятнее, что и теперь там находятся местности с названиями, напоминающими Ссолов; таковы: Сосилла к юго-западу от Дерпта, верстах в десяти; Сосуль к югу от Вендена, на одном из притоков Мариенбаха; Сиссегаль на Абсе и на пространстве от Западной Двины по реке Аа до озер Верциерва и Бурженика множество населенных мест с подобно звучащими названиями — Суйслок, Сисла, Салле, Салло, Салис, Осуль, Саленек, Оселинг и т. д. С юга к чуди и сосолам прилегали поселения ливов (либь, ливь, Лавр., с. 2, 5), племени, которое летопись относит кажется, к Литве. По крайней мере она помещает его отдельно от других финских племен и в одном ряду с литвой, зимиголой и корсью. Теперешнее село Ливо — к югу от Дерпта на Волгаме, правом притоке Эмбаха; Либба — между Валком и Верро на верхнем течении Шварцбаха, впадающего в Аа; Ливес — к западу от реки Педдец к северу от Верро: Ливенберден — к югу от Рижского залива на Берде, притоке Болдер Аа; Ливенгоф — на Двине между Динабургом и Якобштадтом. Ливо в недалеком расстоянии к востоку от Себежа указывают на прежнее широкое территориальное распространение этого племени⁶⁵.

Далее к востоку Начальная летопись называет весь, мерю, мурому, мордву и черемису — племена, занимавшие область Волги на восток от Оковского Леса. Жилища веси она указывает на Белом озере. Но сродство племенного названия этого народца с названием води⁶⁶ дает основание думать, что они доходили на западе до водских поселений,

то есть до Ладожского озера и реки Волхова, у которых и теперь еще есть пять деревень с весскими наименованиями: Весь к западу от Старой Ладogi на реке Базловке, Весь у правого берега Волхова между Старой Ладогой и Иссадами, Веси (Кисельня) на реке Елене, в 17 верстах, Весь в 28 верстах, Весь и Весь за ручьем — обе в 36 верстах по Архангельскому тракту от города Новой Ладogi в его уезде. На севере весь прилежала к заволоцкой чуди, сходясь с ней на волоке, за которым, кажется, нет местностей весских наименований. Таким образом, она занимала области Тверцы, Мологи и Шексны, где до сей поры сохранились следы ее в названиях: село Вески к северо-западу от Торжка; города Весь-Егонска на Мологе; село Веси или Избищ против устья Мологи; село Вешка к северу от Устюжны (карта Шуберта № 19); речка Веси, при впадении которой в Колпь (почти на границе Тихвинского уезда с Белозерским) находится село Весь, или Ильинский погост⁶⁷; река Визмы, вливающаяся в Шексну через Андогу и Суду и селения на ней — Везгумы, к югу от Белозерска; село Перевесье на верховьях реки Согожи, впадающей в Шексну несколько выше Мологи; на самом Белоозере — село Севесь старая, известное с XV века (1486 год; «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 300). Крайний северо-восточный пункт, известный нам, представляет речка Векса, левый приток Костромы, берущий начало близ Галицкого уезда. Что жилища веси находились и на юг от Волги, доказывает целый ряд населенных мест и урочищ с весскими названиями в области волжских притоков Шоши и Нерли и Окского-Клязьмы. Так, мы видим село Вески в Волоколамском уезде (1486 год; «Со-

бране государственных грамот и договоров», т. I, с. 332); Вязму, приток Шоши, Вески село на Нерли к югу от Калязина, реку Верску или Веску, как называется верхнее течение Большой Нерли по выходе ее из Переяславского озера, на юго-западном побережье которого деревня Веслева на реке Вельейке и близ него село Вескова⁶⁸. Далее на восток, в южной части Ярославской губернии, близ границы с Владимирской, встречаются четыре местности с вескими наименованиями. На юго-восток от Переяславского озера в области Клязьмы: Виоска на одном из притоков Суходы, впадающей в Нерль в Юрьевском уезде; Виоски на реке Солекше к северу от Юрьева Польского; Виоска и Вель к северу от Суздаля; Веснево на Ухтоме, притоке Увода в Ковровском уезде (карта Шуберта № 25). Сколько нам известно, на юг от Клязьмы веских названий не встречается, за исключением, может быть, села Вешки к востоку от Судогды и речки Висы в Перемышльском уезде. Таким образом племя веси занимало все Верхнее Поволжье, примыкая непосредственно к коренным славянским поселениям кривичей. Поэтому область их рано должна была подвергнуться славянской колонизации. Вероятно уже в эпоху образования Русского государства удержались только слабые остатки этого разбросанного на обширном пространстве племени. По крайней мере Начальная летопись, упомянув его в этнографическом очерке своем, не говорит уже о нем в изложении событий⁶⁹. Несколько далее оно могло сохранять свою независимость на северо-западе, на водоразделе между волжскими притоками и притоками озер Ладожского и Онежского, куда славянские колонии проникали медленнее, чем на восток, и

где, как полагает Шегрен, оно смешалось с заволоцким племенем еми⁷⁰.

В соседстве с всею жило племя меря. Поселения ее Начальная летопись указывает у озера Ростовского (Неро) и Клещина (Плещеева, Переяславского), таким образом к юго-востоку от Веси. Но, если принять во внимание данные, представляемые топографической и хорографической номенклатурой Среднего Поволжья, то озера Неро и Переяславское должны составлять только часть древней области мери. То же подтверждается и курганными раскопками⁷¹. По этим данным, область мери должна занимать все Среднее Поволжье. Ее северные пределы надо положить на волоке-водоразделе Поволжья с Беломорским бассейном, западные по Шексне и волжскому изгибу от устьев Шексны и Мологи до устьев Медведицы и Шошы, юго-западные и южные — по верховьям Клязьмы и Москвы-реки, по течению Москвы-реки, мимо области голядей, к Окскому бассейну, где окраины мери соприкасались со славянскими племенами кривичей, северян и вятичей; юго-восточные и восточные сходились с поселениями мещеры, муромы и перми. На северо-западной и западной границе отмеченного нами пространства мерянские названия местностей переплетаются с весскими, обстоятельство, которое усиливает значение их для исторической этнографии, ибо, как увидим ниже, вообще племенные названия удержались за местностями главным образом на этнографических порубежьях. На всем этом пространстве и теперь, и в древних географических памятниках мы находим значительное число селений и живых урочищ с названиями, напоминающими мерю. Самые северные из них указываются

в трех селениях Вологодской губернии (Мериново на южной стороне Кубенского уезда; Мериново в том же уезде в 25 верстах от уездного города; Мериново Устюжского уезда), то есть в Заволочьи и на Волоке. В Поволжье известны: Белозерская волость Мара (1603 год), Галич, до сей поры удержавший название Мерского у Галицкого озера, к юго-западу от которого — село Омерина при истоках реки Вексы и в уезде которого, близ села Воронья, вытекает река Меря, вливающаяся в Волгу у села Николья, несколько ниже Кинешмы. К западу от них — Мерлево по правую сторону реки Сегожи, левого притока Шексны (в Пошехонском уезде); Мерзлина (Даниловского уезда) и Мерлина (Рыбинского) на реке Угоре; затем по Волге — выше устьев Шексны — Мерзлеево старое, на левом берегу Сити; Мерлуха на самой Волге (Рыбинского уезда); Мерлино и Меркалово к югу от Кашина; Мерилова на реке Сози к северу от Корчева; Перемерка на Волге несколько выше Корчева; Меренова на Тверце (Новоторжского уезда), Мермеринцы Старые и Новые близ Твери к югу (кажется то же, что на карте Шуберта) и Мерли на Волге у границ Тверского и Старицкого уезда; при этом селении — городище. С этой стороны на водоразделе с Озерной областью замечается село Мериново в Бежецком уезде. По правую сторону Волги — Меревкино или Мерейкино в Зубцовском уезде по Волоколамскому тракту; Воймерова — к югу от Зубцова верстах в семи; Мерялова в Клинском уезде на Сестре реке, один из притоков которой в XV веке носил название Станимерки («Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 331). Мерский стан XVI века по реке Курбе в Переяславском уезде и в нем те-

перь селения: Мерередево, Мериново — у верховьев Курбы и Мервиново в 25 верстах от уездного города. Здесь же, в области Дубны, следует искать Водомерскую деревню, упоминаемую в грамоте 1504 года, на границах Дмитровского и Радонежского уездов («Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 365), и вблизи показанное там же село Мерлино на Воре (там же). Далее Большая Нерль, название которой родственно с племенным названием мери, и на ней Мериново Переяславского уезда и два селения Нерльских в Калязинском уезде. Замечено, что в древней Переяславской области мерянские названия местностей перепутываются с весскими так же, как и по западным окраинам описанной нами области. Наконец, последние следы мери по южной стороне Волги — на восток от Б. Нерли — замечаются по Которости, которая берет начало из озера Неро и на которой находится Немерово в южной части Ярославского уезда; Унемерь несколько ниже ее; здесь же следует искать Лаксомерь 1453 года (Акт археологической экспедиции, с. 96), может быть, в теперешней Лахости, на речке того же имени, впадающей в Которость с правой стороны почти на границе Ярославского и Ростовского уездов. Река Нерехта с городом того же имени представляют крайний восточный пункт мерянского наименования на южном побережье Волги. Несколько далее на восток они простираются в области Клязьмы, на юго-восток от Ростовского озера по течению Клязьменского притока Малой Нерли, близ которой находится село Мереховица (у небольшого озера в южной части Ростовского уезда), к нижнему течению Клязьмы, где на излучине ее, при перемене ее северо-восточного

течения на юго-восток, находится селение Мередище на границе Ковровского и Вязниковского уездов; южнее его — Меркутин, на юго-западе от Вязников и близ него — три села: Мерзлеево, Мерелева, Мершина. Далее на восток начинаются уже местности с мордовскими, муромскими и черемисскими названиями, между которыми в Нижегородской губернии замечено только четыре, напоминающих собой мерю. От нижней Клязьмы на юго-запад по водоразделу ее с Окой встречается несколько мерянских местностей, смешивающихся с муромскими. Таковы Тимерево и Чимерево в Судогодском уезде; Нерахина на юго-западе от Владимира; далее на юг, уже в северной части Рязанской губернии, погост Унамерь и село Ушмар и на озере Великом. Несколько южнее Покрова берет начало Нерская река, в XII веке носившая название Мерской (1176 год; Лавр., с. 161). Она вводит нас в область Москвы-реки, в которой теперь известно одно только мерянское название — село Мери на дороге из Бронниц в Богородск в 22 верстах от Богородска. Но еще в XVI веке грамоты называют там село Устьмерску, которое было известно с XII века, Мерю Старую, Мерку Малую и близ них болото Мерское в Звенигородском уезде недалеко от дороги в Можайск и селенье Меринцово в Рузском стане («Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 363, 365; 1504 год). На крайнем юге и юго-западе следы мери замечаются в области Оки, Угры, Верхней Москвы и даже Верхнего Днепра. Тут могут быть указаны: Мерлино близ Рязани; река Меринка, впадающая в Проню с левой стороны, несколько выше Пронска, у села Мещерского — это самый южный пункт, известный нам; Немерино к югу

от Каширы и к северу от погоста Мордвези (см. ниже); Мереновка, левый приток Протвы, к югу от Малоярославца и на ней селение того же имени; Мерловка, речка в Медынском уезде, через Городенку впадающая в Истру; Мерлино, Мерлиновка (и Морятин) в Алексинском уезде, Меревское в Калужском; Меренищи в Козельском (к юго-западу от уездного города), Немерска, левый приток Жиздры, на самом водоразделе Окского бассейна с Деснянским. Как далеко на запад простирались поселения мери, как близко они подходили к коренным славянским поселениям, указывают село Меренищево на верхнем течении Москвы-реки в Гжатском уезде и речка Мерейка в Смоленской губернии⁷² под городом Красным. Естественно, что при таком близком соседстве, лишь только началось колонизационное движение славян на северо-востоке, и это племя, подобно веси, должно было поступиться и жилищами, и народностью перед славянами, и немногим пережило в истории своих северо-западных соплеменников. В последний раз летопись называет его под 907 годом в числе племен, ходивших тогда с Олегом на Грецию. В эпоху составления «Повести временных лет» сохранилось только предание о том, что в Ростове первыми насельниками была меря, и едва ли не в смысле такого же предания о давно минувшем — относительно этой эпохи — следует принимать известие летописи о Мерянской области у озер Ростовского и Клещина.

В близком племенном сродстве с мерью были жившие в соседстве с ней, на восток и юго-восток, племена муромы, мордвы и черемисы⁷³. Из летописного известия об их расселениях можно вывести заключение, что составитель «Повести»

знал о племенном различии их между собой, но о географическом положении их относительно друг друга имел весьма смутное представление: он помещает все эти три племени «по Оце реке, где потече в Волгу»⁷⁴ и только о муроме говорит определеннее, что оно составляло первоначальное население города Мурома. Таким образом, для изысканий о пространстве, какое могли занимать прежде эти племена, остаются только данные теперешней топографической и хорографической номенклатуры вместе с известиями более позднего времени.

Основываясь на этих данных, можно допустить, что область муромы простиралась от города Мурома вверх по Оке, на запад до пределов мери, где теперь, вблизи указанных нами мерянских названий Унемери и Ушмары, находится озеро Муромское (в Егорьевском уезде Рязанской губернии), и на северо-запад и север до водораздела между Окой и Клязьмой, где надо искать Сельцо Владимирского уезда Муромское XVII века (1630—1631 годы) и где теперь видим село Муромцево к югу от Судогды также вблизи мерянских местностей. Поселения муромы вдавались клином между землями черемисы, лежавшими на северо-восток от нее, и мордвы, область которой могла первоначально простираться по южному побережью Оки и по правым притокам ее, вдоль южных границ Муромы и Мери, далеко на запад в соседство славянского племени вятичей. На такое положение указывают — относительно черемисы — теперешнее селенье Черемись на северо-западе от Горбатова, на Сувороше, между Клязьмой и Окой, и Черемиха на северо-востоке от Коврова; и — относительно мордвы: Мердуш-

ское болото, к югу от Муром, Мордва на Цне* XV века в Рязанском уделе (1496 год; «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 322), два селенья Мордасова в Рязанском уезде; два селенья Мордвинова в Касимовском уезде; Мордово на реке Вире в Рязском уезде на границе с Шацким; Мордвезь в Веневском уезде по дороге в Каширу; погост Троицкое, что на Мордвези или Мордвезь на реке Мордвези, через Хотынку вливающейся в Осетр, в Каширском уезде; Мордвино к югу от Можайска⁷⁵. Таким образом, по этим данным, область мордвы и черемисы отмечается гораздо западнее, чем полагают обыкновенно, и догадка эта подтверждается отчасти вышеприведенным свидетельством Начальной летописи, отчасти позднейшим известием о переселении их с распространением русского владычества в этой области на восток⁷⁶.

Таковы были финские племена по эту сторону волока⁷⁷. Что касается заволоцкой чуди, то летопись в этнографическом вступлении своем относит к ней четыре племени, называя в порядке размещения их с юго-запада на северо-восток, — пермь, печера, ямь, или емь, и угра, или югра, и кроме того в изложении событий упоминает самоедь. За исключением последнего племени, которое в конце XI века едва ли не было известно на Руси только по имени, и югры эти племена были обязаны данью Русскому государству. Полагают, что под именем перми летопись разумеет не только предков теперешних пермяков, которые еще в XIV веке занимали область, ограниченную Камой и Вычегдой, но и соседей их зырян, племенное название кото-

* Вероятно, по Цне, левому притоку Оки, в Егорьевском уезде.

рых нашим летописцам неизвестно. Часть зырян, жившая к северу от Перми по Вычегде и до реки Печеры, называлась, кажется, печерой⁷⁸. В связи с летописной пермью несомненно стоит Биармия норманнов, которые обозначали этим именем область нижнего течения Северной Двины и беломорское побережье. Но ни в этой области, ни на Поморье население никогда не состояло из пермяков: там искони жили карелы — племя, неизвестное летописцу; и таким образом в нем следует искать норманнских биармов. Норманны могли пользоваться именем перми для обозначения карельской земли или потому, что пермь имела тогда обширную известность на севере Европы благодаря своей обширной торговле и торговым путям, пролежавшим через нее из Белого моря к Каспийскому⁷⁹, или же оба эти народа стояли в какой-нибудь связи между собой, в зависимости один от другого.

Что касается еми (емь, ямь, впоследствии гам⁸⁰), то Начальная летопись не дает о географическом положении ее никаких точных указаний. Из подробных известий о столкновениях еми с Русью в XIII—XIV веках область ее открывается, как доказал Лерберг в превосходном исследовании своем о жилищах этого племени⁸¹, в южной части Финляндии, где до сей поры остатки или потомки его тавасты удержали за собой название гэмов (Häme, Hämeäläin, множ. Hämeäläiset). Но едва ли тут можно искать жилища еми нашей Начальной летописи. Напротив, из всех летописных известий видно, что летописец знал и полагал это племя не на северо-западе, а на северо-востоке нашей равнины. Так, в списке инородцев, плативших дань Руси, он помещает его рядом с печерой, а в перечне населения Иафетовой части — между печерой и

югрой; и там, и здесь, упомянув эти племена, он переходит к группе племен литовских, из чего нельзя не видеть, что они были, по его представлению, крайними племенами в чудском Заволочьи (Лавр., с. 2, 5⁸²). Далее с половины XI века мы имеем известия о борьбе Руси с заволоцким финским населением. При всей своей краткости и отрывочности они указывают, с одной стороны, что эта борьба велась если не исключительно, то главным образом емью, с другой — что она шла где-то у новгородских границ, близ Ладоги, то есть в южном Заволочьи. Так, из XI века известен поход сухопутьем князя Владимира Ярославича из Новгорода на ямь, которая была побеждена (Лавр., с. 66); затем под 1079 годом летопись говорит о гибели князя новгородского Глеба Святославича в Заволочьи, причем позднейший Татищевский свод летописи прибавляет, что он был убит от еми (Лавр. 85; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. С. 112). В XII веке новгородский летописец (I, с. 3) говорит о походе новгородцев «в Ладогу на войну» в 1005 году; в 1124 году — о зимнем походе князя Всеволода Мстиславича на ямь, которая, по словам Татищевского свода, была разбита на Свири (*Татищев В. Н.* Указ соч., т. II, с. 218). Под 1142 годом — о нападении еми на Новгородскую область, причем ладожане избили весь емский отряд в 400 человек (Новг. I, с. 9). Под 1149 годом — о нападении еми зимой на водь (там же, с. 11). Сопоставляя эти известия с указаниями этнографического введения летописи о положении еми, следует предположить, что в эпоху Начальной летописи емь должна была занимать южное Заволочье на пространстве от Ладожского озера до Северной Двины. В таком случае она

соприкасалась на юге с весью Новгородской области, на севере — с карелами, о борьбе которых с ней до нас дошли многочисленные известия из XII—XIII веков⁸³, на северо-востоке и востоке, согласно со свидетельством летописи, — с югрой и печерой. Такое предположение о положении емской области в эпоху Начальной летописи, высказанное Татищевым, было поддержано и оправдано академиком Шегреном⁸⁴, который привел в пользу его из области современной этнографии финнов доказательства, делающие его почти несомненным. Остатки этого племени он указал в теперь немногочисленном⁸⁵ финском народце у Онежского озера, который у соседних русских известен под именем чуди, а сам себя зовет *liudi*, и язык свой *liudi kiele**. Он живет в северо-западной части Белозерского уезда по границе с Лодейно-Польским, и в северо-восточной части Тихвинского уезда к северу от Ояти; в Лодейно-Польском уезде он занимает всю южную часть его до самого уездного города, за исключением нижней Ояти, занятой русскими; в Петрозаводском же ему принадлежит длинная полоса западного побережья Онежского озера почти до Петрозаводска с одной стороны, с другой — до реки Ивины, впадающей в Свирь через Мужену. Филологические наблюдения над языком чуди привели академика Шегрена к заключению, что, по основному своему типу, он имеет близкое сродство с языком финляндской еми (тавастов) и что, следовательно, хотя это племя образовалось из смешения различных финских народцев, но емь вошла в него главным и существенным элементом.

* *Liudi* — племя, *kiele* — язык. Слово «*liudi*» Кастрен считает русским переводом (люди) какого-то собственного племенного названия этого народца, теперь утратившегося.

Что емя не была здесь позднейшим пришлым населением, что она исстари занимала эту область, доказывает целый ряд живых урочищ и населенных местностей в южном Заволочьи с названиями, напоминающими это племя. Они замечаются на пространстве не только от Ладожского озера⁸⁶ до Северной Двины, но на юго-запад от него до Чудского озера и области Западной Двины, а на северо-восток за Двину к Вычегде, Выме и Сысоле, где до сей поры сохранилась в народе память о гамах, составлявших первоначальное население теперешнего Яренского уезда. В этих названиях нельзя не видеть следов старинных обиталищ еми, хотя, конечно, нельзя думать, чтобы она занимала такое обширное пространство за один раз в одно и то же время. Вероятнее, что племя это, жившее первоначально гораздо далее на юго-запад, в соседстве с одной стороны с прибалтийской чудью, из языка которой объясняется племенное название еми*, с другой — с кривичами, постепенно передвигалась на северо-восток, уступая движению других чудских народов, вызванному колонизацией славян и непосредственно наплывом самого славянства. Любопытно, что на водных путях восточной равнины из бассейна Балтийского моря в Заволочье встречается много хорографических названий, родственных племенному названию еми, а хорографические названия принадлежат, как известно, к древнейшим и скорее других могут быть приняты как свидетельство старинных поселений того или другого племени. В таком движении Начальная летопись застаёт племя еми на отмеченном выше пространстве от Ладожского

* Nām на эстонско-дерптском наречии значит «сырой», «влажный», «водянистый».

озера до Северной Двины уже в борьбе с Русью и славянством, врывавшимися в его область с юга. В XII веке борьба эта окончилась в пользу Руси. Емь частью была покорена и слилась с пришельцами; но главные массы ее двинулись на запад, в гористую Финляндию⁸⁷, где они и являются с XIII—XIV века сильным и воинственным населением и где потомки их живут и доныне. Другая же часть отошла, может быть, на восток, за Северную Двину, и там исчезла, смешавшись с туземным населением.

Еще менее сведений, чем о еми, летопись сообщает о крайних северо-восточных племенах — югре и самояди. В эпоху Начальной летописи эти племена или не были покорены Русскому государству, или оно только что начинало утверждать над ними свою власть. Мы видели, что о самояди летопись не говорит в своем этнографическом вступлении и упоминает ее только однажды, случайно, по поводу рассказа новгородца Гюряты Роговича о югре. Такое же случайное упоминание делает о ней и летопись XII века, говоря о старых людях, ходивших будто бы за югру⁸⁸ и самоядь. Относительно югры мы имеем более данных. В перечне народов она показана крайним северо-восточным населением в Заволочьи. Но в числе даннических племен ее нет. Затем в известной вставке о людях, заклепанных в восточных горах Александром Македонским, — вставке, уже упомянутой нами, — мы имеем рассказ очевидца, из которого можно вывести заключение о географическом положении югры. «Послах отрок свой — говорит Гюрята летописцу — в Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему

к ним и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и седять с Самоядью на полунощных странах» (Лавр., с. 107). По прямому смыслу этого известия Югорская земля представляется лежащей за Новгородскими владениями в Печере, к северу от этого племени. Но, если верно, что это последнее занимало область между Камой и Вычегдой, то в таком случае югорско-самоедские поселения или кочевья следовало бы полагать далее на север, за Вычегдой до тундр поморья, по восточным притокам Двины, по Мезени и по Печоре. То же подтверждается положением, какое дает летописец Югре относительно поморской части северного Урала. «Югра же рекоша отроку моему, продолжает Гюрята, дивно мы находим чудо, его же не есмь слышали прежде сих лет; се же третье лето поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе, и в горах тех кличъ велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не розумети языку их; но кажють на железо и помавають рукою, просяще железа, и аще кто дасть им нож ли, ли секиру, дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом; тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощьи» (Лавр., с. 107). Таким образом, область югры лежала к югу или вернее к юго-западу от Северного Урала и довольно на значительном от него расстоянии. Что этот хребет был мало известен тогда самой югре, указывается отчасти баснословностью рассказа о загорных обитателях и торговых сношениях с ними, выражение же «чудо, его же не есмь слышали прежде сих лет; се же третье лето поча быти» можно объяснить

только тем, что сами югорцы получили первые сведения об Урале весьма незадолго до прихода к ним Гюрятина отрока, то есть не ранее самого конца XI или начала XII века. На юге и юго-западе Югорские земли прилегали к поселениям пещеры на вычегде и еми на Сухоне. Там, где соприкасались эти племена, до сей поры за некоторыми местностями удержались названия югорских. Таковы река Угроньга, приток Ваги в Вельском уезде, Угорма, приток Кубины в Кадниковском уезде; Югорская и Югина в Тотемском уезде, в области Сухоны; Югринская деревня на юге в Никольском уезде, Гурганская на верхней Сыsole в южной части Усть-Сысольского уезда. Югина в северной части Костромской губернии и названия рек Ухры, левого притока Костромы, и двух притоков Оки Нугря и Угры могут указывать, как далеко на юг в область мерян простирались югорские поселения в более раннюю пору. Заметим также, что к северо-западу от Вычегды до Уральского хребта, сколько нам известно, не встречается местностей с подобными названиями.

К такому заключению о географическом положении Югры до XI века приводит разбор известий о ней, сообщаемых древнейшими сводами Начальной летописи. Оно подтверждается рядом известий о сношениях и столкновениях Руси с Югрой в XI—XIV веках. Самое раннее из них восходит к 1032 году. Под этим годом Никоновский летописный свод говорит о неудачном походе новгородца Улеба на Железные ворота⁸⁹ (Никон. I, с. 132). Позднее в XIV веке под именем Железных ворот на Руси был известен теперешний Дербент; но, конечно, здесь дело идет не о Дербенте, а о какой-либо местности в Заволочьи,

где новгородцы начинали тогда утверждать свою власть и вступили в упорную борьбу с местными финскими племенами. Это подтверждается и Татищевским летописным сводом; он сообщает, что в походе 1032 года новгородцы были разбиты югрой. В Северной России кроме проливов на Белом море и Ледовитом океане, известных под именем Железных ворот, есть три местности с такими названиями: именно река Железные ворота, впадающая с юга в Чагодошу в Весьегонском уезде; урочище Железные ворота (Городок, Кариль) на правом берегу Сысолы в 80 верстах от Усть-Сысольска близ села Водчи⁹⁰ и далее на северо-восток село Железные ворота на реке Цыльме, с запада впадающей в Печеру. Если принять в соображение, что, с одной стороны, весь рано, еще в IX и X веках, вошла в состав новгородских владений, с другой — что целое столетие спустя после похода 1032 года крайние северо-восточные владения Новагорода не доходили до Мезени и оканчивались на Пинеге, левом притоке Северной Двины, и что, следовательно, ни чагодошские, ни цылемские Железные ворота не могут быть приняты в соображение при объяснении известия о рассматриваемом походе, то остается только принять сысольские Железные ворота, лежащие именно там, где должна была начинаться Югра нашей летописи. В связи с этим стоит ряд известий об отношениях Новагорода к Югре в XII—XIV веках. Все они указывают на близкое знакомство югры, с одной стороны, с Печорой, с другой — с Устюгом и Двинской областью. Так, первых упоминаемых в летописи югорских данщиков в конце XII века мы видим в Печере и за волоком. В 1187 году, говорит

новгородский летописец, «избиени быша Печерьские даньники и Югрские в Печере, а другие за Волоком» (Новг. I, с. 19). В грамотах XIII века (1264) Югра называется одной из новгородских волостей вместе с Пермью и Печерой⁹¹. Известия 1323 и 1324 годов открывают, что путь в Югру из Новагорода шел мимо Устюга и Двинской земли, то есть по Сухоне и Двине, из которой прямой путь на восток идет вверх по Вычегде. То же подтверждается рассказом о событиях 1325 года⁹². Подчинение Югры Новгороду, по всей вероятности, относится или к началу XII, или к самому концу XI века. Но по обстоятельствам новгородцы никогда не могли утвердить над ней прочной власти и ограничивались простым сбором дани. Прежде всего они были стеснены в своих завоевательных стремлениях на крайнем северо-востоке постоянным противодействием со стороны поволжских князей, которые очень рано овладели важным пунктом на водном заволоцком пути — Устюгом — и перерывали сношения их с югорской землей. Новгород отправлял в Югру своих даньщиков, подкрепляя их значительными военными силами как для отпора обычным нападениям устюжских князей и двинян, так и для борьбы с югорцами, от которых они должны были постоянно ожидать сопротивления. При таких условиях Новгород, конечно, не мог, хотя и называл Югру своей волостью, ни завести в ней славянские поселения, ни дать ей своего управления. Югра управлялась своими князьями, вела с даньщиками упорную борьбу, из которой новгородцы выходили не всегда с успехом и — явление, общее для всех северных инородцев в их столкновениях со славянством, — отступали.

В течение нескольких столетий они постепенно передвинулись за Урал, на берега Иртыша и Оби, где и застаёт их XV век и где они были покорены уже московскими войсками. По всей вероятности, двигались вслед за ними и новгородские дружины, привлекаемые богатством соболей, серебра и всякого узорочья. Но прямых известий о знакомстве Руси с Сибирью в XII—XIV веках мы не имеем, за исключением одного темного и довольно сомнительного известия о походе новгородцев на Обь реку в 1364 году⁹³. Память о таком переселении югры с берегов Двины и Югры, где она жила когда-то под именем югорски, за Урал, еще в прошлом столетии сохранялась у ее потомков вогулов⁹⁴.

Кроме югры на крайнем северо-востоке летопись знает угров на юге, в подунайской земле. Она говорит об уграх белых, которые явились на Дунае в VII веке при императоре Ираклии и персидском царе Хозрое (Лавр., с. 5) и были современники обров (аваров). Другие — угры черные — перекочевали на юго-запад в конце IX века и при Олеге стояли вежами на Днепре под Киевом. Оттуда они двинулись на запад, перешли Карпаты, втеснились между закарпатскими славянскими племенами и образовали Угорское (Мадьярское) государство. По их собственному преданию, записанному в летописи Анонима, они вышли из Заволжья и переправились через Волгу на Суздаль (Susudal). По нашим летописям они шли горой, то есть сухим путем, что — заметим мимоходом — не противоречит предположению, высказанному выше, о жилищах нашей летописной югры в Заволочьи. Сродство теперешних мадьяр, потомков черных угров, с сибирскими

вогулами, потомками заволочской югры, может считаться теперь не подлежащим сомнению⁹⁵. О белых уграх, однако, ничего не известно. Как кажется, до XII века Русь приднепровская не имела никаких сношений с закарпатскими уграми. Только в X веке, когда Святослав утвердился на некоторое время в Подунайской Болгарии, у Руси завязались с ними торговые сношения (Лавр., с. 28). Что же касается отношений их к местной Закарпатской Славянщине, к Закарпатской Руси, то они составляют пока весьма важный вопрос, не тронутый еще исторической наукой.

Югрой завершается ряд финских племен, указываемых летописью на северо-востоке равнины. Рассмотрев ближе известия ее о них, можно теперь несколько точнее определить границы ее географического кругозора на севере. Эту границу следует провести от Ладожского озера на восток к Белому озеру и оттуда на северо-восток к Вычегде и племени самоедов, которых летопись знает по слухам. Нельзя не видеть при этом, что о северо-востоке она имеет более сведений, чем о северо-западе. По справедливому замечанию академика Шегрена, в то время как там ей известны не только печера и югра, но и отдаленная самоядь, она ничего не знает ни о Северной Двине и Онежском озере, ни о населении их побережий — корелах на Северной Двине и лопи у Онежского озера. Объяснение этому академик Шегрен находит в том, что вообще главная масса славянских племен распространялась первоначально во внутренних и средних частях России, таким образом — на востоке; что переселенцы в эту сторону распространяли и утверждали господство Руси гораздо прочнее, чем отдельные походы новгородцев,

которых существенную цель составляла добыча, и что поэтому и сведения о северо-востоке должны были быть на Руси полнее и обстоятельнее (Ueber die Wohns. d. Jemen. S. 309—310). Но, кажется, с этим мнением нельзя вполне согласиться. Не говоря уже о том, что военные походы вообще более способствуют расширению географических сведений, чем медленное колонизационное движение, которое чаще всего является только последствием этих походов. Мы знаем также, что о югре, самояди и Уральских горах составитель летописи получил сведения от новгородцев, которые не успели еще там колонизироваться, но только ходили туда или для добычи, или для сбора дани. С другой стороны, прионежская лопь уже в первой половине XI века не только платила дань Новгороду, но непосредственно входила в состав его владений; по крайней мере в Уставе Ярослава «о мостех» лопьская рель показана вместе с волховской и лузской как часть Обонижской волости. И тем не менее Начальная летопись не знает ее, как не знает вожан, или води, очелы, сосолов, обозначаемых в ней общим именем чуди. Весьма вероятно, что новгородцы имели гораздо более сведений о соседнем им севере, чем можно было бы о том судить по Начальной летописи. Очевидно, что большее знакомство летописи с северо-востоком и меньшее с северо-западом должно иметь другие основания. Эти основания открываются именно в том обстоятельстве, что северо-восточные русские владения, соприкасавшиеся с племенами перми, печеры, угры, были в XI веке в зависимости от южнорусских князей, которые или сами там жили, или же посылали туда своих мужей для управления и сбора дани.

Финский северо-восток был таким образом лучше известен в Киеве и Переяславле, чем северо-запад, и, естественно, южнорусский летописец сообщает о нем более обстоятельные сведения, тогда как о северо-западе говорит в общих чертах, или вовсе не зная, или же не считая нужным исчислять все инородческие племена, с которыми у северных славян шла тогда упорная борьба. Что главный источник сведений начального летописца о чуди был не новгородский, видно также и из того, что он признал необходимым отметить особо сведения, полученные им от новгородца Гюряты Роговича.

Глава 4

Славяне. Известия Начальной летописи об их расселении. Славяне на Восточно-Европейской равнине. Мнение С. М. Соловьева о порядке их расселения по эту сторону Карпат. Предание о выходе их с берегов Дуная. Предел коренных славянских поселений на восточной равнине. Общий обзор этнографического распространения восточных славян в эпоху Начальной летописи. Племена и земли. Образование населенных мест. Образование земельных рубежей. Соединение земель под властью Руси. Отношение земель к княжеским уделам и волостям в эпоху Начальной летописи

Древнейшие поселения славян Начальная летопись указывает на Дунае, в области, называемой ею Илириком⁹⁶. Летописное предание говорит, что с незапамятных времен они разошлись отсюда на север и северо-восток и разделились на племена. Каждое племя назвалось своим именем, «где седше на котором месте». Ранее других выделились западно-славянские ветви, из которых главнейшие были известны летописцу: моравы на реке Мораве, чехи (чахи, чеси, Лавр., с. 11, 85, 103), хорваты белые, серебь, хорутане (там же, с. 3). Позднее совершилось выселение по эту сторону Карпат, в область Вислы, Днепра, Западной Двины. Это выселение летопись связывает с известным нашествием влохов на Дунай, с покорением и утеснением ими дунайских славян. Географические сведения ее о западных славянах ограничиваются простым перечнем уже названных выше ветвей. Несколько больше сведений она представляет о

славянском населении на Дунае и о славянах-ляхах, занявших область Вислы. Славяне по Дунаю, названные в предании о Кие дунайцами (Лавр. 4; в Никон. и Тверск. лет. — Дунаи), смешавшись с болгарами, происходившими, по объяснению летописца, «от Скуф, рекше от Казар», усвоили себе их племенное название (болгаре дунайские)⁹⁷. В их земле Начальная летопись насчитывает 80 городов (Лавр., с. 27); но из них называет только Деревстр (Дерьстер 902 год; с. 12, 30, теперешняя Силистрия), Переяславец на Дунае, любимый город Святослава⁹⁸, и городище Киевец⁹⁹, на месте небольшого городка, основанного на Дунае Кием. Что касается ляхов, то они заняли все пространство по Висле (между Западным Бугом и Одером) на север до Варяжского моря, где они соседили с пруссами (Лавр., с. 2). От чехов они отделялись, по представлению летописца, пустыней и Чешским Лесом¹⁰⁰. Они распадалась на отдельные ветви — полян, лутичей, поморян (Лавр.) и мазовшан (с. 3 — Мазовъшаны 1041 год; Лавр., с. 66). В их области летопись знает крайний на юго-западе город Глогову («Поучение Мономаха». Лавр. 103, теперешний Глогоу на левом притоке Одра). Вообще скудость и краткость этих известий объясняются редкостью сношений тогдашней Руси с юго-западным славянским миром.

Гораздо подробнее выступает география славян, расселившихся на северо-восток от низовьев Дуная, Карпат и водораздела между Вислой и Западным Бугоми, вошедших в состав Русского государства. Начальная летопись дает три перечня их в своем этнографическом вступлении и затем сообщает о них сведения в изложении событий. Перечни этнографического очерка не одинаковы.

Первый из них исчисляет не все восточно-славянские разветвления. Изложив известное предание о влохах и о расселении с Дуная лядских и русских славян, летопись называет (Лавр., с. 3): полян, поселившихся по Днепру, древлян, «за не седоша в лесех», дреговичей между Припятью и Двиной, славян на Двине, назвавшихся полочанами «речки ради, яже втечеть в Двину именем Полота», славян у озера Ильмеря, которые «прозвашася своим именем», то есть славян по преимуществу (новгородские славяне), и север — племя, расселившееся по Десне, Сейму и Суле. Таким образом, здесь открывается население западного побережья Днепра, верхнего течения Западной Двины, юго-западной, весьма незначительной, части Озерной области (у Ильменя и Чудского озера) и к востоку от Днепра — население области, омываемой Десной, Сенью и Сулой. Далее, переходя от древнейших (киевских) преданий снова к славянским племенам, летопись называет, кроме исчисленных выше, кривичей, которые «седять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днепра» и которых она как будто бы выводит от полочан и новгородских славян¹⁰¹, и бужан («зане седоша по Бугу»), позднее получивших название волынян, или вельнян. Тут же северяне представляются не более, как разветвлением кривичей. Несколько дальше предание об обрах открывает другое древнейшее название бужан — дулебы (Лавр., с. 5). Наконец, последний перечень дополнен радимичами и вятичами¹⁰², происходившими по летописному преданию, очень темному и загадочному, от ляхов и приведенными братьями Радимом и Вятком на Сож и Оку, улучами и тиверцами, жившими по Днестру до Понта и Дуная, и хорватами

(Лавр., с. 5). Было замечено, что во всех этих перечнях как будто бы соблюдена некоторая последовательность, что первый из них пополняется вторым, который в свою очередь пополняется третьим. И это обстоятельство дало С. М. Соловьеву¹⁰³ повод предполагать, что летопись исчисляет племена по мере выселения их с берегов Дуная, по мере того, как они появляются на Восточно-Европейской равнине, — как будто летописец имел в виду указать порядок и постепенность размещения восточных славян. «Если принимать известие летописца буквально, говорит он, то выйдет, что славянское народонаселение двигалось по западной стороне Днепра на север (поляне, древляне, дреговичи, полочане, новгородские славяне) и потом спускалось на юг, по восточной стороне реки (кривичи, северяне). Дулебы же или бужане, улучи, тиверцы, вятичи, радимичи и хорваты¹⁰⁴ должны в таком случае явиться позднее других, особо от них, не вследствие борьбы с влохами, а по каким-то иным причинам». Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса, по самой сущности своей относящегося к области славянских древностей, следует, однако, заметить, что сама летопись не дает никаких оснований приписывать составителю ее намерение показать порядок размещения славян на Восточно-Европейской равнине. Основывать же на ее известиях какие-либо выводы о том, как действительно произошло это размещение, тем труднее, что, даже допустив в них то значение, какое приписывает им г-н Соловьев, нельзя не видеть в них явных противоречий. Характер этих известий, последовательно дополняющих друг друга, ближе всего объясняется позднейшими переделками и вставками, кото-

рым, видимо, подверглась «Повесть временных лет», или же, что еще вероятнее, безыскусственностью изложения, которая позволяла составителю летописи от рассказа стародавних преданий (о Киеве после первого перечня и обрах после второго) возвращаться каждый раз к исчислению племен, дополняя то, что было им пропущено раньше. Сверх того, самое предание о нашествии влохов на Дунай и о выселении оттуда славян, без сомнения, жившее в народной памяти и оттуда занесенное в «Повесть временных лет», едва ли первоначально имело в народном понимании такое широкое значение, какое придал ему наш летописец. На Восточно-Европейской равнине славяне представляют такое же древнейшее исконное население, каким в других частях Европы признаются литва, германцы, фракийцы, кельты. К северо-востоку от Карпат, по крайней мере, до верхних течений Днепра и его притоков, они составляют не только древнейшее, но и единственное первобытное население, которое заняло эту область с незапамятных времен, возделало ее и оставило неопровержимые следы своего исключительного господства в ней в ее географической номенклатуре в чисто славянских названиях ее населенных и рукотворенных мест и живых урочищ. Географические названия, «в которых звучит язык, это первое свидетельство, первый акт исторического существования народов¹⁰⁵», доказывают, что в отмеченной нами области не было другого коренного племени, кроме славян. То же подтверждается рядом древнейших исторических известий о северо-восточной равнине, в которой они являются, начиная с Геродота, под различными именами¹⁰⁶. Образуя оседлое земледельческое население,

привязанное к возделанной им почве, славянское племя выдержало в этой области и в области по ту сторону Карпат натиск кельтийских и германских народов, приливавших с запада и северо-запада, и азийских кочевников, для которых степная часть равнины, непосредственно сливающаяся с равнинами Азии, служила обычным и легким путем из Азии в Европу. Наплыв этих народов отрывал от восточно-славянского мира ту или другую ее часть, увлекая ее в своем движении, или составлял окраинное славянское население, не чувствовавшее себя в силах устоять в борьбе с воинственными соседями, искать убежища в глубине страны, занятой его единоплеменниками. Особенно сильны были такие движения с юго-запада, где славянство с глубокой древности приходило в столкновение с кельтами, римлянами и германскими народами, на северо-восток — в глубь Восточно-Европейской равнины. Но эти переходы не были явлением общим для всего славянства, каким оно изображается в летописи, не были расселением племени из одной местности с Дуная в незанятые страны по Мораве, Висле, Днепру и т. д. Они имели характер частных, местных явлений и мало изменяли общее географическое положение славянского мира. Покоренные или теснимые инородцами племени выселялись не все; часть оставалась на своих прежних местах, переселенцы же находили на новых местах, по эту сторону Карпат, родственные и по языку, и по обычаям племени. С течением времени они сливались с ними и только в преданиях сохраняли память о своих первоначальных жилищах, об обстоятельствах, которые вызвали их выселение, о родоначальниках или вождях, которые их вывели. При естественном в

каждом народе стремлении объяснить свое происхождение и прошлое эти частные предания переселенцев со временем могли делаться общими для всей славянской ветви, среди которой они переселялись. По всей вероятности, так было с преданием о первоначальных жилищах славян в Подунайской земле¹⁰⁷ и об изгнании их оттуда влахами (влохами). Если справедливо предположение, что под именем влахов в летописи скрываются кельты, то в основе всего предания лежит событие, совершившееся еще в IV веке до Рождества Христова, — движение кельтов с запада в Иллирию и Паннонию и борьба, которую они начали там с местным славянским населением. Вследствие этой борьбы значительная часть славян выселилась на северо-запад и северо-восток от Карпат и нашла себе приют у славян поднепровских, повислянских и полабских. Предания этих выходцев о первоначальных придунайских жилищах, о тихом Дунае, о борьбе с влахами с течением времени сделались общим достоянием тех славян, среди которых они поселились, частью перешли в их поэзию и затем в письменные исторические памятники. Но в продолжение веков, со времени выселения до появления у славян первой летописи, они должны были замутиться, потерять свой первоначальный смысл и полноту. С именем влахов, волхвы соединялось уже понятие не о кельтах, а о романском населении Италии. Подробности о борьбе с ними или сгладились, или, будучи отнесены к другому событию, вошли в другой цикл преданий, так что от сказаний о переселении с Дуная, сложившихся в глубокой древности, ко времени возникновения у славян гражданственности и письменности в народе сохранился один только остов, темное воспоминание

о жилищах их предков на Дунае и об изгнании их оттуда. В таком сухом и сжатом виде это предание вошло в летопись русскую, а несколько позднее в хроники польские и чешские, причем наша «Повесть временных лет» или же, что не лишено вероятности, ее позднейшие редакции, как видно, усвоившие себе идею единства славян¹⁰⁸, воспользовались им, чтобы объяснить причины этого единства и доказать его непреложность.

В течение двух с половиной веков, обнимаемых Начальной летописью, этнографические границы русского славянства подверглись значительным изменениям. Прилегая на юге к степям, где происходила непрерывная смена враждебных кочевых орд, оно постепенно отступало на север, в глубь страны, пока не оградилось от их набегов отчасти рядом укреплений, отчасти самими же кочевниками, которые, подчиняясь ее цивилизирующему влиянию, освоились с оседлостью и по всей южной и юго-восточной Украине образовали живой оплот против своих «диких» сородичей¹⁰⁹. В то же время потери на юге и юго-востоке вознаграждались для русского славянства приобретениями на северо-западе по Неману и Вилии за счет Литовско-Ятвяжских земель и на северо-востоке, в Озерной области и в области Волги — за счет финских народцев. Ядро славянского населения на Восточно-Европейской равнине составляла область, простирающаяся к северо-востоку от Карпат и Авратынских гор и ограниченная на северо-западе водоразделом бассейнов Неманско-Вилейского и Западо-Двинского, с одной стороны, Припятского, Березинского и Днепровского — с другой; на юге Урало-Карпатской грядой, тогда как северо-восточные и восточные пределы ее терялись в верховьях Днепра

и по течению его левых притоков. Она занимала таким образом полости южного Буга, Днестра и западную часть полости днепровской. Но уже в глубокой древности славянство перешло из Поднепровья в Озерную область и в Поволжье, где первоначальное исконное население составляли инородцы¹¹⁰; здесь поступательное движение его уже не прекращалось. На западе, где этнографический рубеж с лядскими славянами совпадал с государственным рубежом и закреплялся им, и на севере, где Олонецкие горы и гористая Финляндия, занятые воинственной емью, и по самой природе не представляли ничего привлекательного для поселенцев, — с этих сторон этнографические пределы славянства представляют более устоя. На север первые дружины проникли только в XIV веке. Таким образом, в первые два с половиной столетия этнографическое распространение восточного славянства характеризуется движением с юга и юго-востока на северо-запад и северо-восток. Предоставляя себе изложить более подробное разъяснение его при рассмотрении княжений, возникших в эпоху Начальной летописи, мы ограничимся здесь общим очерком этнографических рубежей его, как они представляются в эту эпоху Начальной летописью, по соображению известий ее с известиями последующего времени.

«Повесть временных лет» застаёт славян расселенными на огромном пространстве Европейской равнины, в области нижнего Дуная и его правых притоков, а также Днестра, Буга, Днепра, в юго-восточных частях бассейнов Вислы, Вислока, Буга и Западной Двины, в южных — Озерной области (Чудское озеро и Ильмень) и в юго-западных Волги. Если принять исходной точкой низовья Дуная,

до которых, по известию «Повести», еще в эпоху образования Русского государства доходили поселения улучей и тиверцев, то западная окраина русского славянства охватывала юго-западные склоны Карпат до самых истоков Вислянских притоков Дунайца и Вислока, затем по этим рекам подходила к южному побережью Вислы, шла вдоль его на восток до водораздела между Вепрем и Западным Бугом; здесь поворачивала на север, почти руслом Вепря шла до устьев Нурца. Здесь поселения побужских славян прекращались, и этнографический рубеж, склоняясь круто на восток, вступал в полость Верхнего Немана, охватывая левые притоки его, Рось, Зельву, Шару, — область, как кажется, уже ко второй половине XI века отнятую русским населением от ятвягов. У устьев Березины пересекал Неман, затем через верхнее течение Вилии, заселенное, несомненно, славянским племенем, мимо полости Березины (Днепровской) и правых притоков этой реки и по западно-двинским притокам Друйке и Дисне подходил к Западной Двине. На севере Западной Двины этнографический рубеж совпадал с водоразделом реки Великой, с одной стороны, и правых притоков Западной Двины и речек, вливающихся в Рижский залив и Чудское озеро, — с другой. На севере, у побережья Финского залива, славянское население сходилась с чудским народцем водью, который русел очень медленно и еще в XIII веке не потерял своей этнографической особенности. Отсюда рубеж шел на восток уже известным нам волоком, мимо поселений еми, областью Тверцы к Волге. Здесь славянство представляло, может быть, до X века не сплошное население, но колонии, рассеянные среди местного финского населения, веси,

мери, муромы и отчасти мордвы и поддерживаемые, между прочим, рядом княжеских городов и укреплений¹¹¹. Но таким колонизационным путем уже к началу XII века русские славяне утвердились в области, окружаемой течением Мологи, и еще раньше по Шексне и на Белоозере. Крайний на востоке предел их составляли, кажется, водораздел между Шексной¹¹² и Костромой и черта, которую можно провести от устья Шексны прямо на юг к низовьям Клязьмы, где Муром, до самого основания Нижнего Новгорода (1224 год), оставался украинным русским городом на мордовских пределах¹¹³. В области Средней и Верхней Оки мы встречаем опять славянское население вятичей, хотя и пришлое, о прибытии которого на Оку с запада от ляхов «Повесть временных лет» сохранила народное предание, но тем не менее население сплошное и цельное. Очень вероятно, что расселения этого племени простирались в область Дона, на плодородные побережья донских притоков Сосны, Воронежа и Северного Донца и в эпоху сильного казарского ханства, долгое время служившего крепким оплотом для восточных славян против азийских кочевников, спускалось вниз по Дону, к побережьям Азовского моря и к низовьям Кубани. С падением Хазарского царства степные орды отчасти истребили, отчасти отодвинули на север славянское население, но следы его сохранились в русской Тмутаракани, существование и связь с Русью которой нельзя объяснить, не допустив в населении ее славянской основы, и, наконец, еще в начале XII века чувствуются в городском населении черты подонских половцев. Что касается южных границ славянского племени, то они шли по северному Донцу и Ворскле, на восточной сто-

роне Днепра, тогда как на западной первоначально они спускались от Днепровского лимана через Буг и Днестр к устьям Дуная и только с усилением кочевых орд в половине X века отодвигаются на север, за Карпатскую гряду, перерезывающую течения Восточного Буга и Днестра.

Рассеянные на таком обширном пространстве славяне разделялись на группы или ветви, которые теперь принято называть племенами. Как мы видели, таких племен летопись насчитывает до тринадцати, а именно: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне новгородские, кривичи, бужане (волыняне и дулебы), северяне, радимичи, вятичи, улучи, тиверцы и хорваты. Сверх того несколько других племенных названий приводят современные нашей летописи иностранные писатели — Константин Порфирородный, упоминающий сербов и ленчицан, Географ Баварский и мусульманские писатели, известия которых, впрочем, сильно запутаны, собирались, очевидно, по слухам и потому могут быть приняты в расчет лишь настолько, насколько они сходятся с известиями нашего отечественного летописца¹¹⁴.

Каждая ветвь, каждое племя занимало определенную область, имело свое имя, и в понятиях летописца представлялось особью или единицей, точно отличавшейся от других. «Имаху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав» (Лавр., 6). Но вместе с тем мы не находим у него прямого объяснения, в чем именно заключались эти отличия, чем именно выделялась каждая ветвь из ряда других. По прямому смыслу летописного изложения все эти отличия сводятся к неравности нравственного и общественного развития и, может быть, к различию некоторых

обычаев и обрядов в частном и общественном быту. При этом следует заметить, что в глазах летописца-христианина эти отличия, вытекавшие из первобытного языческого строя славянства, могли представляться с большей резкостью, чем то было в действительности. Так, отличительные черты полян, в которых христианство водворилось ранее, чем у других, он полагает в превосходстве их над другими именно по нравственным понятиям и по формам общественного быта. Их обычай кроток и тих: у них — брачные обряды, тогда как древляне, радимичи и вятичи живут в лесах, подобно зверям, и браков у них нет, но игрища межи селы. «Схождахуся на игрища, на плясание, и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашася; имяху же по две и по три жены». Погребальный обряд их — тризны, сожжение трупов и выставка праха «в малой судине на столпе, на путех» — обряд, соблюдавшийся еще во время летописца у вятичей, соблюдался прежде и у кривичей (Лавр., с. 6). Ясно, что такие обрядовые отличия, вызванные у славян водворением у них нового жизненного начала, — христианства, такое неравенство в общественном и нравственном развитии не могли служить первоначальной основой для такого выделения и обособления ветвей из общей массы восточнославянского населения, с каким они являются нам не только в изложении Начальной летописи, но и в самой исторической жизни Руси первых веков. Эти ветви, как увидим ниже, легли в основу удельного расчленения русской земли и в первое время придали ему особенную прочность и определенность. Многие из них различались на Руси еще в половине XII века (кривичи, дреговичи, радимичи). Также мало могли обособляться

ветви языком, различия в котором состояли не более как в говорах, религиях, и тем менее началами и формами общественного и семейного быта, которые носили на себе печать единого славянского происхождения. И потому при разъяснении истинного значения так называемых восточнославянских племен необходимо устранить всякую мысль о внутренних этнографических отличиях их друг от друга и искать иных условий и оснований их обособления. При внимательном рассмотрении свидетельств о быте восточных славян нельзя не видеть, что эти условия и основания заключались, с одной стороны, в географической отдельности поселений каждого племени, а с другой — во внутренней связи ее составных частей, которые сплачивались задатками государственной жизни, обнаруживающимися в разных концах восточнославянского мира уже до половины IX века. Так что каждая ветвь славянского языка составляла не этнографическую, а политико-географическую единицу. На такое именно значение племен указывают все известия Начальной летописи. Древнейшее предание о пришествии славян с Дуная ставит в связь появление славянских ветвей именно с географическим их расселением: «разидошася, говорит оно, по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте». Самые имена некоторых ветвей объясняются у летописца топиически: «поляне или поли — занеже в поле седаху (Лавр., с. 12), древляне — за не седоша в лесех, полочане речки ради Полоты...» Что касается политической отдельности, отдельности внутреннего управления, то она свидетельствуется всем ходом образования Русского государства, всем ходом подчинения ему восточнославянского мира. Видно,

что к половине IX века, восточнославянские ветви выработали уже в себе в значительной мере и внутреннее единство, и внешнюю самостоятельность, и сознание своей особенности. С таким развитием отдельности и самостоятельности являются новгородские славяне и полоцкие кривичи в призвании князей, которое, если и совершилось, то не иначе как на обоюдных условиях с той и другой стороны. Кривичи, поляне и другие южные племена, соглашающиеся добровольно подчиниться Руси; улучи, тиверцы, хорваты в борьбе с Русью за независимость, в борьбе, которая у вятичей длилась до конца XI века. Особность восточнославянских ветвей была таким резким, выдающимся фактом в эпоху сложения Русского государства, что летопись почла необходимым объяснить ее происхождение преданием, записанным ею в известной легенде о Кие и его братьях. До этих братьев, говорит она, поляне жили особо, каждый род на своем месте. Но после основания Киева и «по сих братья держати почаша род их княжение в Полях, в Деревлях свое, а дреговичи свое, а словене свое в Новгороде, а другое на Полоте и же полочане» (Лавр., с. 5).

Таким образом так называемые теперь племена в славянском мире уже в эпоху до образования Русского государства представлялись в понимании летописца княжениями. Как кажется, они весьма рано усвоили себе название земель (польская или полянская земля, Лавр., с. 9; деревьская земля, там же, с. 24), название, более точно выражающее их внутренние и внешние отношения. Почти нет сомнения, что основой всего последующего общественного развития славян, зародышем, из которого вышли их княжения и земли, был родовой быт,

в котором они жили первоначально. Отдельные роды под властью родовых старейшин или родоначальников были рассеяны по побережьям рек и проточных озер небольшими поселениями. Очень вероятно, что, живя разрозненно, роды рано увидели необходимость оборонных мест против внешних нападений и по возможности укрепляли свои поселения. Так возникли городки на местах, удобных для защиты, обыкновенно на гористом берегу реки или озера. Остатки их сохранились во многих из городищ, которые разбросаны по всему пространству коренных славянских поселений и их древнейших колоний в инородческих землях и о которых, между тем, за немногими исключениями ничего не сообщают исторические памятники¹¹⁵. Такие же следы древнеславянских сооружений представляют, вероятно, многие из населенных мест, которые до сей поры удержали название городков, городцев, городисков, городенок, городней и т. д. Естественное размножение населения обусловило выход из родового быта в быт общинный, с общинным землевладением, судом и управлением. Вместо разъединенных родовых поселений и городков возникли более многолюдные села, занятые одним или несколькими разветвившимися родами. Из сел могли выделяться обособившиеся веси¹¹⁶, деревни. Между ними устанавливалась связь как в силу родственных союзов, так и благодаря географическому положению, то есть удобствам сообщения и общности местных интересов. Эта связь укреплялась необходимостью общей защиты от внешних неприятелей и от враждебных соседей и стремлением более почетных и могущественных родов возвыситься над другими и подчинить их своей власти. Так образовались

волости или, как утверждают, погосты¹¹⁷ и затем последовательно из союза волостей — земли или княжения, которые управлялись или вечем волостных старейшин, или же племенными князьями, теми же старейшинами, но выделившимися из ряда других своим влиянием и значением. Как видно, более влиятельные роды передали всему союзу свои родовые названия. Иначе нельзя объяснить происхождение отечественных (*patronymica*)¹¹⁸ или племенных названий славянских ветвей, очевидно происшедших от имен родоначальников колен, — каковы кривичи, дреговичи, вятичи, радимичи. Это предположение находит подтверждение в известном летописном предании о Радиме и Вятке, родоначальниках и вождях радимичей и вятичей.

В связи с такой переменной в общественном быте славян стояло развитие городов с тем значением, с каким мы видим их в эпоху образования Русского государства и в первый период его исторической жизни. Города явились у славян вместе с утверждением у них некоторой центральной власти, была ли то власть веча старейшин или власть племенных князей. Предание о Кие и его братьях связывает основание Киева с началом княжения у полян и их обособления от других славянских ветвей. Как видно из этого предания, город — деревянное укрепление (столпье 1161 год; Ипат., с. 90) с земляным валом (Лавр., с. 95, 97, Ипат., с. 24, 43, 62 и пр.) и рвом (гробля или гребля 977 год; Лавр., с. 31, 32), через который вел один или несколько мостов к градным вратам, — строился на заселенных уже местах, занятых родом, который приобрел большее значение и преобладающее влияние в среде других родов. Поставленный в наиболее выгодные условия для обороны, он де-

лался центральным местом убежища для более или менее обширного округа или волости. При этом прежние родовые городки, конечно, должны были потерять свое прежнее значение и обратились по большей части в запустелые городища. Как у других славян, где город ставился и поддерживался соединенными силами всей волости или жупы, и у восточных славян обязанность поддерживать город, вероятно, распространялась на весь прилегающий к нему округ. В то же время город делался сосредоточием, если не административным, то религиозным и политическим, своего округа или волости. Здесь собиралось вече, творились суд и расправа, здесь могли быть общественные святыни, могли совершаться общественные моления и жертвоприношения. При образовании земель некоторые из таких городов получили в общем союзе волостей большое значение, сделались выражением политического единства земли и ее особенности. Как велико было это значение уже к половине IX века, видно из того, что многие земли получили от них свое название, стали обозначаться их именем, и эти городские имена отчасти вытеснили собой первоначальные родовые и племенные названия, отчасти сделались равнозначущи с ними. При этом некоторые обширные земли, первоначально составлявшие по происхождению одно целое и носившие одно племенное или родовое название, распались под влиянием городов на отдельные земли или же из них выделились отдельные городские волости, достаточно обширные для того, чтобы сделаться совершенно самостоятельными. Во всяком случае такие земли являются с названиями, заимствованными от городов. Намеки на такой важный переворот в по-

литической жизни восточных славян сохранились в Начальной летописи. Так, мы находим в ней славян, может быть, ветвь обширного кривского племени, колонизовавшую финский северо-запад и равнозначащих им новгородцев, полочан, западную ветвь кривичей (от Полоцка, где первые насельники — кривичи, Лавр., с. 9) и собственно кривичей «их же град есть Смоленск». Обширное племя дулебов два раза переменило свое земельное название вследствие перенесения политического центра из одного города в другой. Это побужское население в эпоху летописца называлось вельнянами (от города Вельня, или Волыня. Лавр., с. 85). Но раньше, чем назваться этим последним именем, оно называлось бужанами — «за не се-доша по Бугу» объясняет летопись (там же, с. 5), но вернее от города Бужьска, как полочане от Полоцка, кияне от Киева, куряне от Курска и т. д. Затем северо-западная часть дулебов выделилась как червенская земля, на раннее существование которой указывает город Червень, отвоеванный Владимиром Святým у ляхов в 981 году (Лавр., с. 38), и ервенские города, занятые Болеславом в 1018 году (там же, с. 62). Разложение земель под влиянием городов должно составлять одну из важнейших сторон восточнославянской жизни в дорусский период. В самую эпоху образования Русского государства мы видим, что центральные города решают участь всей земли, которая от них зависела. Так, подчинение Смоленска Олегу повело за собой подчинение русской власти всего собственно кривского племени. Киев признает власть Аскольда и Дира над всей польской землей. Убиение Игоря коростенцами было сигналом к общему восстанию деревской земли. К Новго-

роду были приписаны волости, занимавшие всю область ильменских славян. В тех землях, где ни летопись, ни другие источники не указывают таких городов в дорусский период, но которые тем не менее являются в этот период цельными и самостоятельными землями с общим управлением и общим представительством, все-таки мы находим позднее города, очевидно, не княжеского происхождения, каковы например: Коредна (конца XI век), Корачев, Мценск (XII век) и другие у вятичей; Переяслав (X век), Чернигов (X век), Курск (XI век) — у северян и, может быть, Гомеи (Гомель, XII век) у радимичей.

Отдельность земель сама по себе заставляет предполагать, что они были более или менее точно разграничены между собой, имели более или менее определенные межи, рубежи, пределы и грани. Нет сомнения, что исконные поселения славян были расположены по рекам и проточным озерам, представлявшим удобнейшие пути сообщения. Все исторически известные поселения славян и следы древнейших их обиталищ — городки и городища — мы находим именно на таких речных и озерных побережьях, тогда как сама Начальная летопись также распределяет расселения восточнославянских ветвей по рекам и озерам. Теми же водными путями должно было идти и дальнейшее распространение населения вследствие его естественного размножения. Это открывается, между прочим, в том любопытном факте, что и теперь еще многие реки, сближающиеся между собой устьями или истоками, носят одинаковые названия, очевидно, перенесенные расселявшимся племенем с одной на другую. Таковы: Буг Западный и Буг Восточный; две Случи, из которых одна

впадает в Припять с севера (Минской губернии), другая — с юга через Горынь, с которой сливается в недалеком расстоянии от Припяти (Волынской губернии); две Березины, правый приток Немана и левый приток Днепра; две Нерли в Поволжье; в соединительных водах между бассейном Западной Двины и южной частью Озерной области мы встречали уже несколько одноименных рек и озер¹¹⁹. Образование волостей и их слияние в земли и княжения шло также вдоль водных путей. Лесистые, часто болотистые волокы между рек, водоразделы, оставаясь незанятыми, составляли естественные пределы между группами тяготевших друг к другу родов и волостей и затем между возникшими из них землями, расположенными на разных речных системах. То были единственные естественные пределы на Восточно-Европейской равнине¹²⁰, где судоходные и спокойные реки не разделяли, а сближали между собой побережное население. Исключение составлял многоводный и широкий Днепр, который в среднем течении своем отделял поселения радимичей и северян с одной стороны от дреговичей и полян — с другой; тогда как верхнее течение его по обеим сторонам было занято обширной кривской ветвью. С течением времени, с размножением населения, волокы стали заселяться. В глуши их лесов стали прокладываться пути, чиниться гати, делаться росчисти, на которых возникали селения, может быть, те же дворища, которые мы видим в белорусских лесах позднее, в XVI веке. Но уходившее в глубь лесов население не теряло связи со своими сородичами и земляками. Таким образом с двух противоположных сторон волокa сближалось население разных волостей и земель, и здесь естественным

путем устанавливались между ними грани, межи и рубежи¹²¹. Такое сближение могло вести соседившие племена к распрям и столкновениям, память о которых сохранила Начальная летопись в преданиях об обидах, нанесенных древлянами полянам¹²². В силу того здесь, на волоковых порубежьях и сумежьях, возникли ряды сторожевых укреплений, даже городков, о которых хотя и не сохранилось прямых летописных известий по их незначительности в последующем ходе русской исторической жизни, но следы которых явны и теперь в названиях волоковых урочищ и населенных мест, как например, Стража, Стражница, Стражник и т. п., Рубежевичи, Межи, Городок и т. п. Из них наибольшего внимания заслуживают места с названиями Сутень или Сутеск¹²³, а также Ворота, Твердь и Осек. Термином Сутень, Сутеска (Сутейск, и, может быть, Хутиска, Хучиска, Утиска, Ситина и др.), как кажется, обозначались первоначально вообще порубежные места, позднее, после сложения Русского государства, после того, как созрело сознание его единства и целостности, получившие названия украин (въкраин Ипат., с. 170). Ворота исторически известны на поземельных порубежьях, где сторожевые и укрепленные пункты естественно должны были устраиваться с большей заботливостью и в больших размерах. По точному смыслу летописного определения «Ворота» были не что иное, как проезжий путь на рубеже, укрепленном природой, — лесами, болотами, реками, и, может быть, искусством — засеками и завалами, — может быть, оберегаемый стражей. Летопись указывает их на рубеже галицко-лядском, как кажется, по дороге от Решова (милях 2,5 от него) в Судомир, где теперь видим

селение Пржевратно (Приворотье); затем на рубежах галицко-угорском и волынско-ятвяжском. Память о Воротах¹²⁴ могла сохраниться в знаменитых «богатырских заставах» народного эпоса, а также в подобноименных названиях местностей, которые встречаются именно там, где, на основании положительных исторических данных, можно провести древний земельный рубеж (Воротново, Привратно и т. п.). Почти то же надо сказать об Осеке и Тверди¹²⁵. Твердь мы видим на галицко-угорской границе. Осеки¹²⁶ указываются летописью в XIII веке в Польше и у ятвягов. То были, как кажется, окопы, устраивавшиеся в лесах, где окрестные жители в случае нападения находили себе убежище. Известий о таких укреплениях на Руси летописи не представляют, но многие урочища и населенные места с названиями «Осек» указывают их в русских пределах и именно там, где проходило порубежье, где, по меньшей мере, есть другие основания предполагать его. Все подобные местности могут служить некоторым руководством и указанием к восстановлению древних земельных или племенных рубежей. Сверх того, нельзя не заметить, что сходявшееся с двух противоположных сторон волока население различных ветвей, племен, земель, сближаясь между собой, охотно давало своим поселениям и урочищам, занятым и возделанным им, свои племенные и земельные наименования. Иначе трудно было бы объяснить на порубежных волоках хорографические и топографические названия, очевидно происходящие от древних племенных или земельных названий восточного славянства. Так, мы видим кривские и дреговские названия селений и урочищ на водоразделе Припяти, Березины и Немана; хорват-

ские и дулебские — по Днестру и Бугу; на левой стороне среднего течения Днепра — северянские названия, сливающиеся с кривскими и вятичскими. Там, где восточное славянство сходилось с инородческим населением, это явление выступает резче и крупнее. Многочисленные факты такого рода из географической номенклатуры мы будем иметь случай увидеть ниже.

Зачатки государственного строя у восточных славян, которые обнаружили к IX веку довольно сильно в образовании земель, нашли себе могущественную опору в русских князьях и в объединяющих элементах, которые они внесли в жизнь славян, то есть в самом понятии княжеской власти, в княжеской дружине, члены которой сетью раскинулись по всей русской земле как органы вновь возникшего, общего для всех земель правительства, в духе общих для всех земель предприятий, и из них особенно в борьбе с инородцами, которая наиболее способствовала росту общенародного сознания, наконец, в христианстве и его учреждениях. Обособленность земель не могла устоять при наплыве таких сильных объединяющих элементов. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о племенном происхождении Руси, которую, как мы видели, летопись причисляет к варягам, нельзя, однако, не заметить, что многие данные заставляют признать за ней скорее славянское, чем германо-скандинавское происхождение, и что в ряду этих данных видное место занимает легкость, с какой в самое непродолжительное время — в течение почти одного столетия — на таком огромном пространстве Русское государство могло не только возникнуть, но и сложиться, произведя при этом существенные перемены в возникавшем политическом строе всего

славянства. Ясно, что в лице Руси действовала родственная сила, поднявшаяся из среды самого славянства, с пониманием как его нужд и потребностей, определенных предшествовавшим ходом его жизни, так и ближайших средств их удовлетворения. Возникновение Русского государства тесно связано с освобождением славянских земель от зависимости и даннических отношений к сильным инородцам — варягам на севере, казарам на юге, и, так вероятно, ляхам на западе. По прямому смыслу летописного предания, у восточных славян в одно и то же время возникли два русских государства, два государственных центра (862 год): на севере — Новгород, к которому тяготели, кроме новгородских славян, полоцкие кривичи и колонизационное славянское население Поволжья (Ростов, Белоозеро) и нижней Оки (Муром); на юге — Киев. Первый центр возник после того как соединившееся население восстало на своих поработителей — варягов («изъгнаша варяги за море и не даша им дани») вследствие внутренних смут, поднявшихся после освобождения, когда явилось сознание необходимости поискать себе князя «иже бы володел нами и судил по праву» (Лавр., 8). Второй южнорусский центр образовался вследствие недовольства населения зависимостью от полукочевых казаров. Летопись говорит, что первые южнорусские князья (Аскольд и Дир) господствовали только над польской (полянской) землей, которая позднее действительно по преимуществу называлась Русью, Русской землей, но если принять в расчет — не говоря уже о свидетельствах мусульманских и византийских источников — наши известия об обширных предприятиях южной Руси на Византию, а также предания об Аскольдовых

войнах с болгарами, печенегами, и о влиянии, какое имел в то время Киев на северо-западную Русь, не без вероятия можно допустить, что власть первых киевских князей распространялась гораздо шире, не ограничивалась одними полянами, и, если не могла распространяться на восток от Днепра, где господствовали Хазары, то утвердилась на западном берегу его над дреговичами и волынянами (дулебами)¹²⁷. Через двадцать лет после образования этих двух русских государств они сливаются в одно, причем северная Русь одержала верх над Русью южной, но значение центра во вновь возникшем государстве осталось за Киевом. При этом в состав его вошла обширная земля собственных кривичей, остававшаяся прежде независимой и от Новгорода, и от Киева. Затем область Руси увеличивалась на счет славянских земель почти с каждым годом. К 883 году летопись относит покорение древлян, в следующие два года было подчинено население восточного побережья Днепра — северяне (884 год) и радимичи, платившие до того дань казарам. К началу X века (907 год) уже весь восточнославянский мир, за исключением улучей и вятичей, соединился под властью русских князей для общей исторической жизни, а к концу того же столетия не только были подчинены земли, остававшиеся еще непокоренными, но даже прекратились всякие стремления и попытки отдельных земель возратить свою независимость. Исключение составляли только вятичи, окончательно подчинившиеся в последней четверти XI века. К эпохе введения христианства Русское государство, по крайней мере извне, географически, было уже сформировано.

Всматриваясь в ход образования его, нельзя не видеть, что присоединение к нему земель вообще

не нарушало их целости¹²⁸. Земли подчинялись русским князьям в своих прежних рубежах или по соглашению, или после борьбы, которая велась также общими средствами всей земли. Исключения представляют уличи, и, может быть, тиверцы, разбившиеся, впрочем, не столько в борьбе с русскими князьями за независимость, сколько вследствие наплыва кочевых степняков, которые отодвинули их в земли соседних хорватов и дулебов. С такой же целостностью земли являются в попытках возвратить утраченную независимость в восстаниях против русских князей. Тем не менее новая государственная жизнь очень скоро обнаружила на них свое влияние и прежде всего в расширении значения городов, в которых установились центры управления князей или их посадников. Город гораздо сильнее тяготел над областью, когда в нем утвердился князь или его посадник с дружиной, чем в былое время, когда в нем сидел племенной князь в зависимости от старейшин и лучших людей, управлявших землей. Мало-помалу значение земли ступеневалось, уступая место княжеской воласти. Новые отношения произвели перемену и в географической терминологии. Старые племенные названия исчезали; исчезали даже некоторые названия земель, происшедшие, как можно думать, от старославянских городов, и имя центрального княжеского города делается выражением целой области, обозначает всю княжескую волость, которая к нему тянула. Начальная летопись представляет данные, по которым можно судить, как выходили постепенно из употребления старославянские земельные и племенные названия, заменяясь новыми — городскими. Ранее других исчезают дулебы (907 год) и уличи (922 год?); затем поляне

и тиверцы в 944 году, со времени похода Игоря на греков (Лавр., с. 19); несколько долее держатся имена хорватов (до 992 года; там же, с. 52), словен (до 1018 года; там же, с. 62), северян (до 1024 года; север; там же, с. 64). Радимичи, кривичи, дреговичи, вятичи и, как кажется, древляне исчезают окончательно только в XII веке. Вместо этих старых названий являются города и горожане: Киев, кияне (кыяне, киевские людие) для полян, Новгород и новгородцы (новгородьские людие) для словен. Вновь основанный княжеский город Володимер обозначает древнюю область дулебов. Туров стал обозначать землю дреговичей; Перемышль — землю хорватов; Смоленск и еще ранее Полоцк — кривичей. Отделившаяся еще ранее от дулебов часть червенской земли переменилась в Теребовльскую волость, впоследствии часть Галицкого княжения. Такое возвышение городов не могло, однако, уничтожить прежнего земельного деления, прежние рубежи. Напротив, они не только должны были послужить рубежами для новых городских или княжеских волостей, но, вместе с тем, как заведенные исстари и освященные временем, придавали им более устоя и прочности. В первое время расчленения Руси на уделы, когда благодаря малочисленности членов княжеского рода и обширности русской земли и княжеские волости могли быть обширны, в основание этого расчленения принималось прежнее земельное деление. Впоследствии, когда размножившиеся члены княжеского рода стали добиваться для себя особых волостей или уделов, причем началось дробление земель, это дробление встретило сильное противодействие в самих землях, в понятиях и интересах самого населения. Поэтому-то в тех княжеских

усобицах, которые были вызваны не родовыми счётами и столкновениями, а территориальными вопросами, замечается деятельное участие населения. Такие усобицы тяжело отзывались на самом населении и имеют существенный интерес в историческом ходе древнерусской жизни и ее политического склада. Из них напомним здесь усобицу, возникшую за отчуждение от Червенско-Волынской земли Теребовльского княжения, за полоцкое Поднепровье и за Минскую волость кривичей, за Посемье. Но раздробление земель началось в самом конце эпохи, обнимаемой Начальной летописью, так что все известия ее о русской территории касаются княжеских волостей, когда они еще состояли из одной или нескольких старославянских земель, но всегда в их цельном составе. В этом обстоятельстве открывается возможность хоть приблизительно восстановить положение, пространство и пределы прежних славянских земель, определив положение княжеских волостей на основании Начальной летописи и принимая в соображение известия позднейшего времени XII—XV веков, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу и могут содействовать его уяснению. При этом нельзя оставлять без внимания и данные, представляемые топографической и хорографической номенклатурой, в которых, как мы видели, должны были сохраниться следы давнего распределения населения, хотя нельзя конечно, основываясь исключительно на них, делать заключения или выводы. Приступая к опыту такого труда, мы начнем с юго-западных расселений восточных славян — от Карпат и низовьев Дуная, в полости Днестра, Буга и нижнего Днепра.

Глава 5

Юго-западные русско-славянские племена. Расселения хорватов, тиверцев и улучей. Различные мнения о названии и географическом положении улучей. Дулебы и земельные названия их, бужане, вельняне. Червенская земля. Подчинение дулебов и хорватов Руси. Образование Володимиро-Волынского княжения и Перемышльской области. Отделение Червенской земли от Володимирского удела. Галицкое княжение. Границы Перемышле-Теребовльской земли с Лядской и Угорской землей. Придунайская Русь. Степное порубежье на юго-востоке Перемышле-Теребовльской земли. Киевский и Волынский рубежи. Населенные места Перемышле-Теребовльской земли. Обзорение рубежей Володимирского княжения. Лядско-Волынское и Киево-Володимирское порубежья. Населенные места Володимирского княжения

В юго-западном углу Восточно-Европейской равнины, по склонам Карпат и по течению рек, сливающихся с них на северо-восток и юго-восток, Начальная летопись указывает поселения хорватов, улучей, тиверцев и дулебов, которые в разное время носили разные названия (бужан, вельнян или волянян). Хорватов она указывает в соседстве улучей, тиверцев и дулебов, но точного положения их не определяет. Тем не менее самое название этого племени дает основание думать, что оно расселилось по склонам Татранских Карпат, которые до сих пор у галицких русских называются Горбы (Хърбы, Хрипы), и составляло, вероятно, отрасль великого племени белохорватов, о которых говорит и сама Начальная летопись, и Константин

Порфиородный¹²⁹. На их обширное распространение именно в Прикарпатской области могут указывать многочисленные местности, удержавшие донныне хорватские названия от истоков Вислока, Белой и Сана на юг до Тиссы и по ее притокам Гернаду, Бодрогу по Сомошу и Красной до Прута, на восток до Днестра, на север до Вислы. Так мы видим, населенные места по ту сторону Карпат, в теперешней Венгрии: Horwatzik, к юго-западу от Кошицы (Кашау), на реке Бодве, притоке Шайо; Грабко на запад от Пряшева (Эпериеша); Гарбовцы к юго-востоку от Кашау, Erdő-Horváthi (Хорватский Лес) близ Шаторалья Уйгель, Грабовцы на Ондаве, Храбоч близ верхней Унга; Гарбочь близ Самоша к северу от Сатмар-Немети, Horváthi на верхнем течении реки Красны, к северо-западу от Клаузенбурга, а еще южнее, у Клаузенбурга Горбо. По эту сторону тех же гор, в Галиции: Грибов, город на Белой, село Граб у истоков Вислока, Чисто-горб (оба недалеко Дукли). К северу от них Хорибина на реке Лонке в Решевском округе; Хорбаче на реке Ширеце, притоке Днестра, к югу от Львова; селенья Грибовец и Хоровь на юг от Володимира Волынского; Горбов, Горбаков, Хоровы, Хоравятинская близ Ровна и Острога свидетельствуют о распространении хорватов до области Западного Буга и Припяти. Далее на юг Корбы на Днестре, Балагуровка на реке Чернявке, левом притоке Прута, оба в Коломыйском округе, Хербинцы к северо-востоку от Букареста; Карпачь на Пруте у границ Хотинского уезда с Белецким, Балагорешть на Пруте же в Кишиневском уезде, Хорешки и Карбуча к югу от Кишинева на реке Ботне, правом притоке Днестра; Белохорешти на Пруте в Кишиневском же уезде

и др. На восток и юго-восток от хорватов жили улучи и тиверцы. Начальная летопись определенно указывает эти многочисленные племена в области Днестра до Понта на юге и Дуная на юго-западе: «Улучи и тиверцы, говорит она, сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеву; бе множество их; сядяху бо по Днестру оли до моря» (Лавр., с. 5). Как из этого свидетельства, так и из другого известия летописи о борьбе улучей и тиверцев с Олегом, видно, что эти племена не только соседили, но и стояли в некоторой связи между собой¹³⁰. Раннее подчинение тиверцев русским князьям дает основание думать, что поселения их занимали ближайшую к Киеву северо-восточную часть днепровской полости, простираясь, может быть, на восток до среднего течения Восточного Буга, где теперь в Винницком уезде, к югу от уездного города, мы видим на Буге село Тивров напротив Сутеска. На северо-запад тиверские расселения могли занимать все среднее течение Днестра до области хорватов, может быть до сей поры оставив по себе память в топографических названиях Поднепровья, сходных с их племенным названием тирава, тернава, тарнова¹³¹. Что касается улучей, их географическое положение и самое имя вызвало много противоречащих мнений и предположений. Название улучей имеет в различных списках летописи множество вариантов — улучи, уличи, улици, угличи, улутичи, лютичи, лутичи, лучане, суличи — и каждый из них давал повод к своеобразным толкованиям, вопреки Шлёцеру, который утверждал, что под всеми этими названиями скрывается одно племя (Нестор I, с. 125). Так, Татищев, приняв в основание чтение «угличи», полагал, что они жили по реке Углу или Орели, левому

притоку Днепра, о которой говорится в южнорусской летописи под 1170 и 1183 годом (Ипат., с. 98, 128). Карамзин отличал лутичей, живших по Днестру вместе с тиверцами, от суличей, как он называл жителей побережья Сулы, не совсем впрочем отрицая и татищевских угличей. Надеждин в исследовании «О положении города Пересечна»¹³² также принял чтение «угличи» и объяснил, что такое название получило по своему географическому положению население нижней или степной части теперешней Бессарабии, то есть Угла или изгиба Черноморского побережья между устьями Днестра и Дуная, который до сей поры называется турецко-татарским словом буджак, что значит «угол». Это мнение наиболее принято и распространено в науке, хотя П.-И. Шафарик прямо высказался против чтения «угличи», полагая, что эта форма или ошибка писца, или же основания ее должно искать в особенном произношении имени угличи разными славянскими народами, то есть с прибавлением «г». Также разноречивы мнения, высказанные по поводу известия, которое сообщает Никоновский летописный свод о подчинении улучей (уличей)¹³³ русским князьям. По этому известию Игорь, покоривший улучей в 914 году, наложил на них дань и отдал их воеводе своему Свенельду (Свентельду), и, говорит летописец, «не дадесе ему един град именем Пересечен, и седе около него три лета и едва взят его. И беша сядяще Угличи по Днепру вниз и по сем придоша межи воин дестр, и седоша тамо» (Никон. I, с. 41). Это, без сомнения, испорченное место вызвало различные объяснения и догадки относительно географического положения улучей, из которых наиболее заслуживают предположения,

сделанные Надеждиным, а в последнее время Н. П. Ламбиным¹³⁴. Довольно сложная догадка Надеждина о происхождении имени улучей от угла, или буджака, значительно ослабляется тем обстоятельством, что в Древней Руси заливы и вообще изгиб морского побережья назывались лукоморьем, лукой моря¹³⁵; так что, если уже надо искать корня этого племенного названия, то всего скорее в слове «лука» — изгиб, залив; улучь — пространство у лукоморья, как убережь (1193 год; Ипат., с. 143) — пространства у берега. Следовательно, улучи (улучци) не могут ли быть приняты как жители излучистого поморья? Не настаивая на этом объяснении, нельзя однако не заметить, что в области, где Начальная летопись помещает это племя, до сей поры есть местности с названиями, ясно напоминающими улучей, и нет ни одного, которое указывало бы угличей. Уже это одно побуждало бы предпочесть чтение древнейшего Лаврентьевского списка летописи всем другим позднейшим вариантам и, между прочим, варианты «угличи». Но такое предположение подтверждается сверх того тем соображением академика А. Ф. Бычкова, которое он высказал в разборе упомянутого выше сочинения Н. П. Ламбина, что «все варианты этого имени указывают на то, что вероятное их написание было улыци (уличи), и что чтение угличи здесь не могло иметь места, потому что, если бы оно было написано в означенных известиях Нестора, то не исчезло бы бесследно из всех списков летописи»¹³⁶. Что касается географического положения улучей, то весьма вероятно, что поселения их простирались первоначально на юго-востоке по Бугу до Днестровского Лимана (сулицко-лиманское село против Никополя, меж-

ду Херсоном и Александровском). Но отсюда, по приведенному выше известию Никоновского свода, они передвинулись на запад и тем усилили тиверское население области Днестра: летописец обращает особенное внимание на многолюдность Поднепровья (Лавр., с. 5). Из приведенного выше известия Никоновского летописного свода нельзя заключать, что переселение улучей совершилось именно вследствие завоевания их Игорем и взятия города их Пересечна Свенельдом. Скорее следует кажется принять, что летописец, рассказав об этом завоевании, счел не лишним записать предание и о том, что прежде, в старину «беша сидяще улучи по Днепру, а по сем (то есть после, позднее) преидоша... и седоша тамо», то есть там, где был поставлен город их Пересечен, взятый Игорем или Свенельдом после трехлетней осады. Такое объяснение можно допустить тем скорее, что переселение улучей совершилось несомненно раньше завоевания их Игорем. Известно, что Олег, подчинив себе Поднепровье, обратился на улучей и тиверцев, но встретил у них сопротивление. Летопись не говорит о том, чем окончилась «рать» этих земель с русским князем, записанная ею под 885 годом (Лавр., с. 10). Однако через 20 с лишком лет он предпринимает поход на Грецию — явный знак, что дело обеспечения целости и безопасности своих владений он считал уже поконченным. В походе принимают участие вместе с другими тиверцы, очевидно уже подчинившиеся руси, но улучей мы не видим. Это умолчание летописи свидетельствует, что в то время улучи еще не были покорены русскими князьями, но так как Олег не мог, конечно, оставить независимым в среде подчиненных ему земель или на ближних

их окраинах это многочисленное и воинственное население, то необходимо предположить, что именно к этому времени, к последней четверти IX века, относится их передвижение, о котором говорит Никоновский свод летописи. Все противоречивые мнения о новых поселениях улучей, мнения, которые были вызваны испорченным текстом известия Никоновского свода, устраняются вариантом этого известия в списках Новгородской летописи, о котором заявил академик А. Ф. Бычков: они поселились «межи Бог и Днестр». Здесь, в Побужье, они сходились с южными расселениями древлян, о чем свидетельствует Константин Порфирородный¹³⁷; здесь они поставили город Пересечен, взятый у них Русью в 914 году. По догадке Надеждина, положение этого города приурочивается в Бессарабии к теперешнему селу Пересечина, почтовой станции по большой кишиневской дороге из Оргеева (в 24 верстах). Есть известие, что борьба улучей с Русью этим не завершилась, что она продолжалась и в 20-х годах X века. Следствием ее могло быть дальнейшее передвижение улучей на запад в Бессарабию, Молдавию и Валахию, в область Прута, Кулмуцуя и Яломицы, где знает их летописец, и где остатки их составляли основу славяно-русского населения Подунайской области до XIV века. Здесь память о них сохраняется в названиях населенных мест — Залучи на Пруте, в Хотинском уезде, Суличи на юго-восток от Батушан, в Молдавии, Лучиу на реке Кулмуцуе, к юго-востоку от Браилова, и, наконец, самый южный пункт, известный нам, — Улуйце на реке Яломице, левом притоке Дуная, к северо-востоку от Бухареста. Вблизи двух последних селений мы находим се-

ления Презичени и Пресычина, напоминающие летописный Пересечен (к юго-западу от Букарешта, на реке Аржисе и на одном из его притоков). В войне с Игорем, окончившейся их покорением, улучи являются в последний раз в истории¹³⁸. К концу XI века на Руси ходило только предание, что ими были основаны города на Поднестровье и Черноморском поморье. Весьма вероятно, что появление в южных степях кочевников, известие о которых летопись открывает рассказом об уграх, двинуло главные массы их на север, вверх по Днестру и левым притокам нижнего Дуная, ближе к Карпатам, в теперешнюю Галицию и северо-восточную Венгрию, где они усилили собой славянское население хорватской ветви. Память о таком движении славян в закарпатскую область сохранилась в мадьярских преданиях о переходе Арпада в Паннонию¹³⁹. Очень вероятно, что следы того же движения удержали доныне некоторые местности в северо-восточной Венгрии — два Уйлака (к северу от Сатмар-Немети), Улыч и Улыч Крива на одном из верхних притоков Унга; к востоку от Синна и по эту сторону Карпат, в Галиции — Улично на реке Ольшанке в Самборском округе (к западу верстах в пяти от Стрия) Сулуков, к югу от Стрия у реки Свечи, Улючь на Сане к северу от Санока, Уличне на восток от Любачева в Жолкевском округе. К востоку от хорват и к северу от первоначальных заселений тиверцев и улучей была расположена область дулебов, которые имеют в Начальной летописи и другие равнозначащие имена — бужан и велынян, или волынян. Древнейшее и, может быть, первоначальное название этой ветви были дулебы: еще из VII века летопись сохранила предание об утеснении их об-

рами (аварами). Подобноименные дулебы известны и у западных славян, у чехов, на Верхней Влтаве, что также говорит в пользу стародавности этого наименования¹⁴⁰. Бужане являются, как кажется, позднее, уже в эпоху составления Начальной летописи; по крайней мере в древнейшем предании (о походе Олега на греков) названы не бужане, а дулебы. Из летописного определения видно, что название бужан совершенно совпадало по значению с названием дулебов¹⁴¹. Наконец, третье название вельнян, или волынян, должно быть признано еще больше поздним. Едва ли даже замечание: «Бужане живяху по Бугу, гды ныне вельняне» не принадлежит позднейшему составителю свода, ибо термины «волынь и волыняне» входят в общее употребление только с XIV века. Перемены в географическом названии этой славянской ветви не могли быть случайны, они должны указывать на перемены в ее внутренних отношениях, в ее внутреннем строе, и едва ли будет слишком смело предположение, что эти перемены совершились под влиянием городов и усиления их политического значения. Происхождение названия бужан летопись объясняет рекой Бугом «за не седоша по Бугу». Но образование этого имени противоречит такому объяснению. В древнем географическом словаре нельзя найти для обозначения поречного населения «семян, росян, сулян, дунян», но встречаются посемцы (река Семь), поршане (Рось), посульцы (Сула), дунайцы (Дунай), тогда как жители города Киева, Смоленска, Пинска носят названия киян, смольнян, пинян; Чернигова, Турова, Римова, Выгошева — черниговцев, туровцев, римовцев, выгошевцев. Это дает некоторое основание видеть в бужанах летописи

не одних только жителей побережья Буга, но население области, так или иначе зависевшей от города Бужска, который, как увидим ниже, еще в конце XI и в первой половине XII века обособляется весьма часто из ряда городов Володимирского княжения или удела, и который, конечно, еще до образования Русского государства мог получить центральное значение и сгруппировать вокруг себя более или менее обширную землю, более или менее обширный союз волостей. Таким же путем объясняется и происхождение географического названия волынян или вельнян от города Вельня или Волыня остатки которого указывают в городище при впадении Хучвы в Западный Буг в 20 верстах ниже Володимира Волынского¹⁴². В бужанах и волынянах открываются названия земель, возникавшие в эпоху образования Русского государства на территории дулебского племени или колена, но еще не успевшие тогда вытеснить или заменить собой стародавнее племенное название. Что в области дулебов, задолго до вступления ее в состав Руси, могло начаться разложение земель под влиянием городов, видно из того, что не позже как в X веке западная часть ее является обособленной, тянувшей к Червеню (теперешнее Чермно, в юго-восточном углу Царства Польского, в пяти верстах от Тышовец, к югу от Грубешова). Под 981 годом летопись говорит о нем, как о представителе целой области, а несколько позднее, под 1018 годом, упоминает о червенских городах, о городах, зависевших от Червеня, следовательно, входивших в состав Червенской земли¹⁴³. Память о прежнем земельном значении Червеня могла удержаться в ходячем названии теперешней Галицкой Руси — Червонная Русь, в названии ко-

того, впрочем, не знают, сколько известно, наши летописи даже до XVI века. Расселения дулебской ветви славян летопись указывает по Бугу, не определяя, однако, ничем, о каком именно из двух Бугов (Западном или Восточном) говорит она. Так как нижнее течение и того, и другого было занято, несомненно, другим населением, восточного — тиверцами и затем кочевыми степняками, западного же — дреговскими и кривскими заселениями, то естественно принять, что дулебы занимали верхние течения того и другого Буга, простираясь на северо-восток до области Припяти, где и теперь находятся (село Дулбунов к югу от Ровна), дулибы к северо-востоку от Острога между Аннополем и Гущей и село Дулибы на реке Турьи близ Турыйска в Ковельском уезде. Западные же и юго-западные расселения их могли заходить в область Вислы и Днестра. Мы видим там местности: Дулибы на юго-восток от Львова, между реками Зубрьей и Липой, Дулибы близ реки Стрипы, к северу от Черткова (Дуплиска к югу от этого города), Дулибы на Стрые; несколько выше города Стрыя и село Дулонбен (Дулубен, Dulaben) на Вислоке Вислянском к юго-западу от города Ясла.

Из четырех племен, которые занимали юго-западный угол русского славянства и которых первоначальное географическое распространение определяется при недостатке летописных свидетельств так гадательно, только население верхнего Днестра, хорваты и верхних Бугов, дулебы вошли в состав Русского государства вполне, не утратив в первое время своей земельной особенности, не переменяя своих первоначальных жилищ. Южные окраинные тиверцы, подобно своим соседям улучам, должны были уступить наплыву степных

кочевников, которых появление совпадает с первыми десятилетиями жизни вновь возникшего государства, и, оставив не без борьбы, что видно из их многочисленных градов, о которых упоминает летопись, свои первоначальные обиталища, они отодвинулись вверх по Днестру и северным дунайским притокам, в более безопасные земли своих соплеменников. Летопись говорит о тиверцах в последний раз под 945 годом как об участниках в походе Игоря на греков (Лавр., с. 19) в то время, когда в Поднепровье усиливаются печенеги. Почти к тому же времени относится последнее, как мы видели, известие об улучах. После того эти племена навсегда исчезают из истории, не оставив почти никакого следа в ней. Но их переселенцы усилили численность хорватов и дулебов и дали им возможность выступить с большей самостоятельностью в первые же моменты образования Русского государства.

Оба эти племена весьма рано вошли в его состав. Начало их связи с Русью едва ли не относится еще ко времени первых русских князей, до соединения южной и северной Руси. По крайней мере летопись, подробно излагающая ход расширения русских пределов на юге, при князьях Рюриковичах, ничего не говорит ни о времени, ни об обстоятельствах подчинения их, а прямо называет хорватов и дулебов участниками в Олеговом походе на греков 907 года (Лавр., с. 12). Вместе с тем здесь они упоминаются в последний раз как особые племена или земли. Такое исчезновение старославянских названий объясняется, как мы уже видели, не иначе как возвышением в этих землях городов, сделавшихся центральными пунктами княжеского управления, в области хор-

ватов Перемышля, у дулебов — Бужска, Вельня и, может быть, Червеня. Эти города стали обозначать обширные области, тянувшие к ним, и, по крайней мере, городские названия бужан и вельнян в понимании летописца являются равнозначными с племенным именем дулебов. Вероятно, или при Святославе, занятом в Болгарии, или в усобицу между его сыновьями эти области отошли под власть ляхов. Под 981 годом летопись упоминает о войне, которую вел за владение ими с ляхами Владимир; «иде Володимер к ляхом и зая грады их Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью» (Лавр., с. 356). Очевидно, что под этими городами разумеется не один только город со своим округом или уездом, но вся область, которой он был административно-политическим центром. Перемышль обозначает горную Перемышльскую страну (Ипат., с. 179), область хорватов. С тех пор судьбы хорватской и дулебской земли надолго не разъединялись. Центром княжеского управления в них сделался вновь основанный княжеский город Володимер¹⁴⁴, в 988 году отданный в удел сыну великого князя Всеволоду (Лавр., с. 52). В пределы этого княжеского удела, кроме Бужска, Вельня и Червеня, которых земельное значение ослабело под влиянием нового центрального города, должна была входить и Перемышльская область хорватов, ибо при разделе земли между Володимириными сыновьями Володимер является самым крайним городом в юго-западной Руси¹⁴⁵, а между тем нет никакого сомнения, что хорваты зависели в то время от власти киевских князей. Могло быть, что уничтожение земельной особенности хорватов, к которому естественно должно было привести под-

чинение их новому княжескому городу, возбудило в них стремление к независимости и было причиной их восстания против Руси. Этим объясняется краткое и темное известие нашей Начальной летописи о походе Володимира на хорватов и о войне хорватской в 992 году (Лавр., с. 52). Смуты, поднявшиеся на Руси, по смерти Володимира, повели к отпадению юго-западной Руси под власть Болеслава Лядского. Известие Дитмара о ссоре Володимира с сыном Святополком Туровским, женатым на дочери Болеслава, участие которое принимал в ней Болеслав¹⁴⁶, указывает, что уже в это время лядский князь старался утвердить свое влияние на дела Руси и проложить путь к захвату ее богатой юго-западной окраины. Как известно, он достиг своей цели, воспользовавшись усобицей, поднявшейся между Ярославом и Святополком, и в 1017 году захватив червенские города (Лавр., с. 62). Захват не был, однако, продолжителен. В 1030 году Ярослав отнял Бельз, который следует отнести к числу червенских городов, а в следующем году были возвращены и остальные червенские города¹⁴⁷. Той же участи подверглась, по всей вероятности, и Перемышльская земля, хотя летопись не сообщает о ней ничего. В ряду уделов ярославовых сыновей Перемышльская и Володимиро-Волынская земля являются опять одной княжеской волостью, с одним центральным городом Володимиром, который был отдан князю Игорю Ярославичу. Как известно, по переходе Игоря на Смоленский стол, эта волость перешла к внуку Ярославу Ростиславу Володимировичу¹⁴⁸. Смуты, начавшиеся на Руси изгнанием Изяслава Ярославича из Киева, дали повод Болеславу Смелому возобновить попытки своего «храбро-

го» предшественника утвердиться в юго-западной Руси. По польским известиям, вслед за походом на Киев, который он предпринял, помогая Изяславу, он овладел Перемышлем (1071 году) и отсюда делал постоянные набеги и наезды на Киевское, собственно Володимирское княжение¹⁴⁹, которое, между тем, перешло в род Изяслава, сделавшись уделом сына его Ярополка. Ослабление Польши, следствие известных раздоров Болеслава с духовенством и рыцарством, слабость правления преемника его Владислава Германа дали возможность предприимчивым Ростиславичам отнять в свою пользу Перемышль, захваченный ляхами, и восстановить таким образом прежнюю Перемышльскую волость. Известие об этом событии представляют польские летописцы¹⁵⁰. По нашим летописям, Рюрик Ростиславич в первый раз упоминается перемышльским князем под 1086 годом (Лавр., с. 88). Таким образом, благодаря предприимчивости Ростиславичей был отвоеван от ляхов захваченный ими окраинный угол тогдашней Руси и тем самым сделался законной частью князя-изгоя, его освободителя. В то же время перемены, происшедшие в Володимирском княжении, дали Ростиславичам случай захватить часть Червенской земли. Есть известие, что великий князь Всеволод отдал Теребовль, то есть юго-западную часть Червенской земли, Васильку Ростиславичу¹⁵¹. Это раздробление земли, нарушение прежнего деления, было причиной продолжительной борьбы на юго-западе Руси, усобицы между Ростиславичами, князьями — теребовльским и перемышльским, с одной стороны, и володимирским — с другой. Из обстоятельств ее видно, что володимирские князья мирились еще с потерей

отдаленной от их стольного города перемышльской земли, но не могли снести равнодушно потери исконной червенской земли. В продолжение целой четверти столетия они возобновляли попытки возвратить под свою власть Теробовльский удел, сгладить межи, положенные Всеволодом киевским между Теробовлем и Володимиром. Может быть, что первой жертвой этой борьбы был еще Ярополк Изяславич, убитый во время похода к Звенигороду¹⁵². Когда вслед за тем Всеволод отдал Володимиру Давиду Игоревичу, этот князь опять возобновил притязания на Теробовльский удел и тотчас после Любецкого съезда князей, на котором были утверждены, между прочим, права князей володимирского, теробовльского и перемышльского, он захватил в плен и ослепил Василька Теробовльского, вымогая у него уступки Теробовля (Лавр., с. 112, 113). Не добившись согласия на то своего пленника, Давид предпринял поход, «хотя переяти Василькову волость» (там же, с. 113). Как известно, поход окончился неудачно для Давида, который был принужден не только отказаться от своих замыслов на Теробовль, но и возвратить свободу Васильку. Затем, когда, по требованию Мономаха и других князей Святополк выгнал Давида из Володимира и Червеня (Лавр., с. 114), и этот князь обнаружил притязания на владения Ростиславичей; «нача думати, говорит о нем летописец, на Володора и Василька, глаголя, яко се асть волость отца моего и брата, и поиде на ня». Битвы на Рожне поле и под Перемышлем, в которых Святополк потерпел поражение, решили дело в пользу Ростиславичей: Перемышль и Теробовль остались за ними. Постановление княжеского сейма в Уветичах об ограничении удела Ростислави-

чей одним Перемышлем и, следовательно, о воссоединении прежней червенской земли точно так же встретило отпор со стороны Ростиславичей и не было приведено в исполнение (1100 год; Лавр., с. 117). Перемышль и Теребовль остались за ними, и по смерти их, когда сын Володаря Володимирко успел соединить их уделы под своей властью и перенес стол свой в Галич, из них образовалось особое Галицкое княжение, галицкая земля¹⁵³, никогда уже после того не сливавшаяся вполне с восточной частью червенской земли. Что касается остальной восточной области дулебов или бужан (впоследствии собственно Волыня), то во всю эпоху, обнимаемую Начальной летописью, она не могла достигнуть политической самостоятельности и отдельности, какой достигли уже тогда в ряду русских княжеских владений Перемышль и Полоцк, но стояла в постоянной зависимости от Киева. Мы видим, что каждый князь, переходя на Киевский стол, стремится посадить на Володимирский стол своего сына или, по крайней мере, поставить прежнего володимирского князя — обыкновенно своего племянника — в подручные отношения. Первый из володимирских князей, который по своему изгойству мог дать самостоятельное значение своему уделу, был Ростислав Ярославич¹⁵⁴; но его бегство в отдаленную Тмутаракань показывает, насколько непрочным и несамостоятельным, при притязаниях киевских князей, было в его глазах Володимирское княжение (1064 год; Лавр., с. 70). В кратких известиях летописи мы не находим указания, кому досталось после того это княжение; может быть, сыну Изяслава великого князя киевского, Мстиславу, который занимает такую видную роль в известной

усобице его отца с полоцким Всеславом-Чародеем (1068 год; Лавр., с. 74). Затем, когда Изяслав был снова изгнан из Киева уже своими родными братьями — Святославом и Всеволодом — и когда Киевский стол занял Святослав, на Володимирском княжении является сын Святослава — Олег. Это видно из «Поучения Мономаха»¹⁵⁵. Смерть Святослава и возвращение Изяслава на Киевский стол повели за собой перемену и на Володимирском столе: «И Святослав умре... и Олег приде (в Чернигов) из Володимеря выведен» (там же, с. 103). На его место был введен Изяславов сын — Ярополк; но смерть отца, великого князя, и для него была началом притеснений, зависимости от видов и целей нового великого князя. Город Дорогобуж, центр Погоринской области, которая в XII веке служила яблоком раздора между киевскими и волынскими князьями (Ипат., с. 146) Всеволод отдает племяннику Давиду Игоревичу — единственная мера, которую великий князь мог принять, чтобы прекратить захваты смелого изгоя на днепровском пути византийско-киевской торговли (1084 год; Лавр., с. 88). Попытка Ярополка оградить неприкосновенность своего удела не удалась. Не только не состоялся поход, задуманный им на Киев, но и сам он был принужден бежать в Ляхи (1085 год). Как кажется, возвращение на Русь и на свой удельный стол он должен был купить дорогой ценой — уступкой Ростиславичам западной части володимирских владений, составившей Теревольский удел Ростиславичей. В усобицах, которые поднялись вследствие этого отделения, Володимирское княжение является в прежней зависимости от Киева. Изгой Давид Игоревич, получивший Володимир после насиль-

ственной смерти Ярополка Изяславича (1086 год; Лавр., с. 88), в великое княжение Святополка уступает Володимир сыновьям его — сперва Мстиславу (1097—1098 годы; Лавр., с. 116), а по смерти его (1099 год; там же, с. 116) Ярославу. Переход великокняжеского стола к Мономаху вскоре повел за собой переход Володимира в род этого князя. Ярослав не мирился с тем подручным отношением, в какие поставил его Мономах, и погиб в безуспешной борьбе за Володимирский стол, который достался сыновьям Мономаха. С тех пор он составлял наследственный удел Мономахова рода, и только при сыне и внуке Мстислава Великого — Изяславе Мстиславиче и Мстиславе Изяславиче, которые должны были в борьбе с черниговскими и суздальскими князьями за Киевский стол опираться на местные силы своего удела, володимирская земля получает, наконец, самостоятельное политическое значение и окончательно отделяется от Киева, причем пределы его расширились на счет северо-западных побужских владений киевской земли¹⁵⁶.

Относительно границ или межей земель Перемышльской и Теребовльской, так же как и Володимирской, Начальная летопись представляет весьма скудные указания. Между тем уяснение их в эту древнейшую эпоху существования Русского государства важно во многих отношениях. С одной стороны, оно должно представить любопытные данные для решения вопроса вообще об этнографических пределах Руси на юго-западе, с другой — в них, как было замечено выше, остались довольно ясные следы древнего деления славян на племена или земли. Поэтому мы и остановимся здесь несколько на межах или, вер-

нее, сумежях Перемышльской и Теребовльской земель, и земли Володимирской. И так как ни прямые указания исторических источников, ни ход событий не представляют никаких оснований думать, чтобы они подверглись существенным изменениям в последующие два столетия, то мы позволяем себе, при определении их, принимать в расчет и несколько позднейшие указания XII—XIII веков. Теребовльско-Перемышльская земля лежала между ляхами на северо-западе, уграми на юго-западе, степными кочевниками на юге, Киевским и Володимирским княжением на востоке и севере. О границе с ляхами в Начальной летописи мы не находим никаких указаний. Самым крайним на северо-западе пунктом перемышльской земли мы видим Перемышль на Сане и Вагре (Лавр., с. 35), но так как этот город был центральным пунктом особой земли, особого княжения, то нет сомнения, что и до IX века Перемышльская земля простиралась гораздо далее на север, за Любачев¹⁵⁷, Ярослав, Перевореск (Przeworsk), галицкие города, известные уже с XIII века, и отделялась от лядских владений болотистыми низинами Сана и Лонки и до сей поры мало заселенными. В этой местности, как мы уже видели, летописные известия XIII века указывают порубежное укрепление «Ворота»¹⁵⁸, может быть, там, где теперь мы видим село Перевратно к северу от Решова милях в 2,5 от него по дороге в Судомирь. Западная граница с ляхами шла, кажется, по водоразделу между двумя Вислоками — Саноцким и Вислянским, и, захватывая верховья последнего и верхние течения притоков его Яслы и Ропы, спускалась в юго-западном направлении к Карпатам, к истокам Белой и Попрада. Здесь (к северо-востоку от Дукли в

одной миле) находятся село Роги, которое еще в XIV веке считалось в русской земле (*in terra Russiae*)¹⁵⁹, два селенья Брановицы, к северу от города Ясла, Осек к югу от него на реке Вислоке, Стражна, близ которого Русска на реке Ропице, правом притоке Ропы, устье Руски на Ропа, могли быть передовыми постами русских владений, как Грудек Стража Высша и Нисша, Стражня, Остружна на реке Белой и другие могли представлять ряд пограничных укреплений со стороны ляхов.

Еще неопределеннее юго-западная угорская граница Галицкой Руси. Как известно, за Карпатами, в Угорщине, большая часть комитатов шарошского (с городом Эпериеш-Пряшов), земилинского, унгварского, мункачского, мармарошского (с городом Сигетом) и административной области Кошицкой (Кашау) заняты русским населением, которого насчитывается до 500 тысяч. История Угорской Руси в древнейшие времена остается предметом неразъясненным, но нет сомнения, что это исконное население северо-восточной Венгрии составилось из ветви хорватского племени, которую усилили улучи, вытесненные степными кочевниками из области нижнего Дуная к Карпатам, а их первоначальное вероисповедание — православие — указывает, что они стояли в органической связи с Поднепровской Русью в то время, когда христианство не утверждалось еще у угров¹⁶⁰. К сожалению, наши летописи сообщают весьма мало об этой области и об отношениях, в каких она стояла к уграм, с одной стороны, и галичскому княжеству — с другой. Из событий XII века видно только, что Карпаты находились в галичских владениях (1150 год; Ипат., с. 42) и что проходы в них были защищены укреплениями,

твердью. В XIII веке на русско-угорской границе упоминаются города Бардуев (1240 год; Ипат., с. 179) — теперешний Бардиев, Бартфельд на реке Тополии, к северу от Эпериеша, Баня Рудна (1235 год; Ипат., с. 175), которая соответствует, кажется, древнему городу Старой Рудне в Быстрицком округе Седмиградской области, у истоков реки Большого Самоша¹⁶¹, и Брашев (1282 год; Ипат., с. 211) — теперешний Кронштадт в Седмиградской же области. Летописи нигде не говорят о принадлежности их к Галицкому княжению, но такую принадлежность следует, кажется, допустить отчасти потому, что они лежали среди сплошного русского населения, отчасти же потому, что летописец упоминает их для обозначения путей из Руси в Угры, и, конечно, имел здесь в виду, скорее, свои, русские, города, чем города в чужой и, как надо полагать, мало известной на Руси земле. Сверх того, в известном списке русских городов, составленном не позже конца XIV или начала XV века¹⁶², в числе русских городов по эту сторону Дуная указан «Немец в горах» (Полн. собр. русск. лет. Т. VII. С. 241), который приурочивается к теперешнему Немети в Седмиградии на Самоше. Исходя от этих четырех пунктов, отмеченных нашими летописями, можно предположить, что в XII—XIII веках галицко-угорская граница проходила на юг от теперешнего Бардиева или Бартфельда, может быть, захватывая Пряшов и Кошицу, по верхним течениям Германа, Ондавы, Унга, по Бодрогу, через Тиссу и Самош к верховьям рек, вливающих в Серет. Весьма вероятно, что тогда она совпадала с этнографическими пределами Руси¹⁶³. Между тем из хода червенно-русской истории не видно, да и нет ос-

нований предполагать, чтобы галицкие князья в XII—XIII веках делали какие-либо приобретения за Угорскими горами; следовательно, закарпатские славяне присоединены к Русскому государству еще первыми киевскими князьями, так что возникновение Угорской Руси должно отнести к концу IX и не позже, как к началу X века. На юг галицкие владения шли вниз по течению Серета (Дунайского) и его притоков, по Пруту и Днестру, до Дуная и Понтийского побережья, где, как мы видели, до половины X века были поселения улу-чей и тиверцев. Есть несколько известий, которые дают основание полагать, что и позднее, в X и XI веках, дунайские низовья — по крайней мере устья Дуная и поморье до Днестра — входили в состав русских владений. Договоры Олега и Игоря не представляют прямых указаний на принадлежность их к Руси, но, как кажется, только потому, что при заключении их вообще не имелось в виду определение порубежных отношений греков и Руси, сходившихся тогда только в Поднепровье¹⁶⁴. Походы Святослава в Болгарию, совет, который давал ему воевода Свенельд, возвратиться оттуда сухим путем, как самым безопасным, «пойти на коних около, стоять бо Печенези в порозех»¹⁶⁵, поход Владимира Святого на Болгарию¹⁶⁶, обстоятельства последнего, как известно, неудачного предприятия русских на Царьград¹⁶⁷ в 1043 году — все это заставляет думать, что во всяком случае сообщение между Нижним Дунаем и Поднепровьем было более или менее обеспечено, если не сплошным славянским населением (тиверцы и улучи), которое могло отодвинуться на север, при первом появлении кочевников, то по крайней мере рядом укреплений, ограждавших придунай-

скую и припонтийские окраины Руси от набегов. По свидетельству Константина Порфирородного, в его время на Днестре было шесть городов — Белгород, Тунгаты, Кракикаты, Салмакаты, Сакакаты, Гиаякоте, которые он называет, однако, уже запустелыми¹⁶⁸. Обращаясь затем к историческим свидетельствам несколько позднейшего времени, мы находим первые прямые указания летописи на эти окраины в истории борьбы князя Ивана Ростиславича Берладника с дядей его Володимирком Галицким, а потом с сыном Володимирка — Ярославом Осмомыслом. Из обстоятельств ее, записанных в южнорусской летописи, видно, во-первых, что галицко-русские владения действительно были на Дунае, во-вторых, что они принадлежали к уделу Ивана, бывшего князем в Звенигороде, по всем соображениям в том, что на Днестре¹⁶⁹. Так, после неудачного захвата Галича в 1144 году Иван, осажденный в этом городе Владимиром и отрезанный от него во время вылазки, бежал на Дунай и оттуда уже степью в Киев к князю Всеволоду Ольговичу, враждовавшему, как известно, с галицким князем. Между тем бояре, приверженцы Ивана, держались в Галиче еще целую неделю, конечно, не иначе как рассчитывая на помощь из Подунайской области. Через 15 лет после того летопись отметила новую попытку Ивана Берладника на галицкие владения, и мы видим его снова на Дунае: «еха, говорит о нем летописец, под 1159 годом, в поле (из Киева) и ста в городех подунайских, изби две кубари, и взя товара много в нею, и покостяше рыболовом Галичьским»¹⁷⁰. Ясно, что он стал в этих городах, имея в виду сделать необходимые приготовления к задуманному походу на галицкое Поднестровье, собрать

дружину, дожидаться нового прихода половцев и отряда берладников, запастись средствами хотя бы и грабежом торговых судов и галицких рыболовов. Между тем, мы не видим никакого противодействия со стороны Ярослава Галицкого. Он ограничивается только тем, что занимает своей засадой поднестровские города (Полн. собр. русск. лет. Т. VII. С. 84). Очевидно, Иван действует в области или прямо подчиненной ему, или стоявшей с ним в каких-то весьма тесных отношениях, еще не разъясненных историей. Очень может быть, что подунайские города составляли только часть бывшего звенигородского удела князя Ивана Ростиславича, которую он сумел удерживать за собой во все долгое время своей скитальческой жизни на Руси и которая делала его таким опасным врагом галицкого князя... Летописи не говорят, какие именно русские города были на Дунае, и указания на них мы можем искать только в упомянутом уже выше списке русских городов. Но, к сожалению, составитель этого списка не ограничился, как видно, собственно русскими городами, то есть городами на русской земле, с основным русским населением, но почел необходимым назвать и те города, которые временно были завоеваны русскими князьями. Так, в числе дунайских городов он приводит города в болгарской земле Видицов о семи стен каменных, Мдин (Медин) Тернов, по ту сторону Дуная, Дерестр (Дрествинь-Силистрия) и др. единственно на том основании, что они были в X веке завоеваны Святославом¹⁷¹. Вероятно, к этим же болгарским городам относится известие о попытке Владимира Мономаха утвердиться на Дунае в 1116 году (Лавр., с. 128; Ипат., с. 7). Но в том же списке должны скрываться, конечно, и

подунайские города Ивана Ростиславича и Яро-слава Осмомысла Галицкого, запиравшего, по выражению «Слова о Полку Игореве», ворота Дунаеви. Выше Силистрии их не могло быть; ниже ее список называет Дичин (Дицын), Килию, Новое село (Новосель), Аколятрю на море, Курнаку, Варну. Из этих городов Варна едва ли может быть принята в расчет. Курнака, Аколятря и Новосель остаются для нас неразъясненными. Развалины древней Килии находятся близ крепости Старой Килии на правом берегу южного рукава Килийского Дуная. Что же касается Дичина, то, по мнению Ходаковского (Пути сообщения в Древней Руси. С. 8), этот город одно и то же с Дедцином, который упоминается в Ипатьевской летописи под 1260 годом на пути из Олешья на устье Днепра в Берлад (Ипат., с. 86), но во всяком случае он находился между Силистрией и Килией, ибо между этими городами его показывает список городов, который в исчислении местностей придерживается более или менее определенного порядка. Здесь мы находим местности с подобноименными названиями: Девициной в Добрудже, верстах в 10 к востоку от Черновод по дороге из Базарджика в Гирсов (близ него к юго-востоку по дороге в Кистенджи, Ески-Бырлат, то есть старый Бырлат) и Титков на левом берегу Дуная к югу от Браилова (верстах в 50)¹⁷². Из всех этих свидетельств можно только заключить, что галицкие владения, спускаясь на юг по бассейну Серета, во всяком случае доходили до Килийского и, может быть, даже до Георгиевского Дуная, простираясь вверх по Дунаю по крайней мере до устьев Серета. Относительно юго-восточной границы от Прута и Дуная до Днестра нет никаких известий. С по-

явлением печенегов и затем половцев эта часть Понтийского побережья, по всей вероятности, запустела. Улучи и тиверцы, составлявшие оседлое население теперешнего Буджака, подвинулись на север, оставив поле степным кочевникам. Только по течению рек, преимущественно судоходных, были оставлены старые или устроены новые города для защиты от варваров как русского порубежья, так и караванов торговых судов. Этим объясняются слова летописца XI века о городах улучей и тиверцев, бывших в его время на Понтийском поморье: «Суть грады их и до сего дне». Рассматривая теперешние карты этой области, мы находим в ней множество местностей, названия которых Град, Граденица, Градешти, Бранешти едва ли не указывают на существовавший здесь ряд укреплений. Сюда же, может быть, относятся местности с названиями, обычными в древней Руси для княжеских городов (Володимир, Василев, Васильков). Так, по Пруту ниже Черновица (в списке городов Чернавский Торг) обращают на себя внимание селения Бранешти и два Василеуци (в Белецком уезде, выше Скулян), Влодомира на правом и Бранешти на левом берегу (к востоку от Гирлеу), Василина ниже Скулян, несколько на северо-восток от Ясс. Далее на восток: Болград (Табак) в северном углу озера Алпуха (на южной окраине Нижнего Троянова вала), Градина или Чейши на реке Катлабухе (почти на одной широте с Кагулом), Оструг на Киргидже, Градешти на реке Когильнике или Кундуке, Городище на реке Быке к северо-западу от Кишинева; по Днестру ниже Василеу, Бакоты, старой Ушицы и Калюса, упоминаемых летописью Василеуцы в Хотинском уезде, Броннице под Могилевом, Василькеу ниже

Сорок, при устье Ольшанки (близ него ручей Ситиска) и ниже его два городища, к западу от которых, на одной широте Геличены в Белецком уезде. Белград, теперешний Аккерман на Днестровском лимане существовал уже до X века, по свидетельству Константина Порфирородного. Все эти местности требуют археологических разысканий, которые одни могут привести к сколько-нибудь положительным результатам. Но нельзя не заметить, что, если оставить в стороне Аккерман и провести линию от Галаца и Килии к Днестру через самые крайние на юге из названных пунктов (то есть Болград, Градину или Чейши, Градешти, что на Когильнике, Пересечину, что между Оргевым и Кишиневом) к днестровским городищам или к Василькеу (в Сорокском уезде), то эта линия пройдет на север, с небольшим уклоном к востоку почти в прямом направлении — обстоятельство, которое отнимает у нее характер случайности и дает некоторое основание предполагать, что этот систематический ряд укреплений мог быть вызван порубежными отношениями галицко-русских владений на юго-востоке со степью. Впоследствии мы увидим, что здесь, в треугольнике, образуемом Днестром и этой линией, следует искать упоминаемых в летописи местностей Кучелмина (1159 год; Ипат., с. 86, 161) и Плава (1213 год; там же, с. 164).

Что касается северо-восточной границы Тербовльско-Перемышльской земли, то следует, кажется, принять, что она шла от крайних тербовльских владений на юге по водоразделу между Днестром и В. Бугом. Нет сомнения, что в начале XII века область Буга принадлежала киевскому княжеству. Под 1146 годом в ней указываются

киевские города Прилук (Лавр., с. 136), Меджибожье и Бужеск (Ипат., с. 25). Несколько же ниже их за Бугом — если взять со стороны Киева — начиналось Половецкое поле. В то же время поднестровские города Ушица (1144 год; Ипат., с. 11, 95), Бакота (1249 год; там же, с. 179), Калиус (1241 год; там же, с. 180) являются в галицких владениях, что и дает основание предполагать о принадлежности всей области Днестра с левыми притоками этой реки (Буша, Мурашка, Дерла, Немия, Карпец, Ушица, Студеница, Тернава, Смотричъ, Жванец, Збруч, Никлав, Серед) к тербовльской земле. При этом нельзя не заметить, что обыкновенно границей между галицкими и волынскими владениями полагается река Днестр, так что левые притоки его относятся к Волыни, и в то же время Ушица и Бакота, лежавшие на левом же берегу Днестра, к Галичу. Такое определение границ основывается на том, что Каменец, не раз упоминаемый в южнорусских летописях при изложении событий XII—XIII веков, как волынский город, приурочивают к теперешнему Каменцу Подольскому. Но из разбора всех летописных известий об этом городе оказывается, что его следует искать не на юго-западе Волыни, а на юго-востоке ее, не в Поднестровье, а в Погорыни, не на галицко-волынской меже, а на границе Волыни с Киевом и степными кочевниками¹⁷³. Несколько обстоятельнее определяется тербовльская межа со стороны Володимира, хотя и относительно ее мы находим немного в Начальной летописи. Она шла на северо-запад от истоков Восточного Буга отрогами Авратынских гор, по теперешней австро-русской границе, на юге Кременецкого уезда, следуя изгибу верхнего Серед. Здесь

позднее мы видим галицкие порубежные города: Збыраж (1211 год; Ипат., с. 160), теперешний Збараж, Моклеков (там же), может быть, там, где теперь деревня Милоков в одной миле к юго-западу от Олексинца, Быковен (там же), может быть, теперешний Биков, на запад от Милекова, по ту сторону истоков Западного Буга, и Плеснеск или Преснеск (1188 год; там же, с. 137, 173), которого следы, окопы и курганы, уже поросшие лесом, указываются у самых истоков Середа, близ селения Подгорца (карта Шуберта № 40 — Подгорче). От верховьев Середа межа направлялась прямо на запад, пересекая Западный Буг между Голыми горами, галицким поселением или урочищем (1144 год; там же, с. 20, 171), на месте теперешнего местечка Гологоры, и Бужеском (1097 год; Лавр., с. 113) теперешний Буск (в Злочевском округе Галиции,) принадлежавшим тогда Володимирскому княжению: здесь следует искать порубежную местность Рожне Поле (1097 год), которая, по ясному указанию летописного известия 1144 года, находилась именно между верховьями Середа и Голыми Горами¹⁷⁴. От Буга граница принимала снова северо-западное направление. В начале XIII века она шла между галицкими городами Звенигородом, что к юго-востоку от Львова, Щекатовым, следы которого указываются к северу от Львова, в городище близ села Глинска в Жолкевском округе и повете, и волынскими землями, Белзской и Червенской, может быть, по ручьям Полтеву и Ярычевке, на теперешний Потелич, под которым скрывается летописный Телич¹⁷⁵, к водоразделу между Саном (Любачовка, Танев), Бугом (Солоки, Гучва) и Вепрем, где начинался галицко-лядский рубеж.

Таковы были границы Перемышльско-Теребовльской земли. Относительно же границ между самими уделами теребовльским и перемышльским в конце XI века, совпадавших, как можно думать, со старыми перемышльско-червенскими межами, мы не имеем никаких данных. Заметим, однако, что в XIII веке, когда значение Червеня и Теребовля, центров червенской земли, перешло к Галичу, собственно Галицкая земля начиналась на западе от реки Бобрки — левого притока Днестра и простиралась до Ушицы с одной и Прута с другой стороны (Ипат., с. 169). Тогда как горная Перемышльская страна занимала верхнее течение Днестра, простираясь по Угорским горам и его отрогам (1226 год; там же, с. 179). Очень может быть, что именно это разграничение имело основу в старых земельных межах Перемышльской и Червенской земли, в этнографических границах древних хорватских и дулебских поселений. Это предположение подтверждается отчасти и топографической номенклатурой: к западу от Бобрки и Зубрьи мы видим хорватские названия местностей: Хорбаче на Ширеце, Хорбула и т. д.; к востоку — Дулебские и Бужские: Дулибы и рядом с ним Подбужье, близ реки Липы; тут же Черче (Червче), Буц и т. д.

В пределах Перемышльской земли, кроме упомянутых уже города Перемышля на реках Сане и Вягре и порубежного Рожня-Поля между Середом и Западным Бугом Начальной летописи известны еще только следующие города: Теребовль (1097 год; Лавр., с. 110), теперешний Трёмбовля на Гнезне, левом притоке Середы, Микулин («Почучение Мономаха», там же, с. 103) и Звенигород (1086 год; там же, с. 86), положение которых

определяется различно. В летописных известиях XII века Микулин прямо указывается на реке Середи, на правом берегу которого и теперь есть город Микулинцы между Тарнополем и Чертковым. К этому Микулинцу, без всякого сомнения, приурочивается Микулин «Поучения Мономахова»¹⁷⁶; по несколько позднейшему известию, в 1144 году, в войну Всеволода Ольговича Киевского с Володимирком Галицким, Микулин был занят союзником Всеволода Изяславом Давыдовичем вместе с Ушицей (Лавр., с. 135). Это известие подало повод искать Микулина близ Ушицы и приурочивать его к теперешнему селу Микулунцы к северо-западу от Винницы (Подольской губернии) на реке Згаре Бужского бассейна¹⁷⁷. Но такое предположение едва ли может быть принято. Оно опровергается отчасти тем, что Бужский бассейн вообще принадлежал киевскому княжению, и на нем не могло быть галицких городов, но более всего самими обстоятельствами похода 1144 года: Изяслав Давыдович шел на соединение с Всеволодом, стоявшим у верховья Западного Буга, с половцами, следовательно из степи, с юго-востока, и по дороге занял Ушицу на Днестре. Затем его путь лежал прямо на северо-запад к Середу, на берегах которого стояли Володимирко и Всеволод, и, следовательно, к Микулину на Середи, между тем, Микулинцы на Згаре лежат к северо-востоку от Ушицы. Очень вероятно, что именно появление Изяслава на правом берегу Середи заставило Володимирка уклониться вверх по Середу к Рожню-Полю, Голым Горам и Звенигороду, что подо Львовом. Относительно Звенигорода 1086 года надо заметить, что положение его неопределимо, так как из событий первой половины XII века от-

крывается, что в Галицкой земле было два Звенигорода: один на месте теперешнего Дзвинигорода к юго-востоку от Львова, а другой на левом берегу Днестра между устьями Середа и Збруча. Из известия же 1086 года не видно, который из них мог иметь в виду летописец.

Что касается Володимирского княжения, то как мы видели в период, обнимаемый Начальной летописью, оно является в зависимости от Киева, в тесной связи с ним. Оно было окружено с севера, востока и юга киевскими владениями, чем, может быть, и объясняется эта зависимость, с юго-запада лядскими. В эпоху Начальной летописи оно занимало юго-восточную часть Вислянского бассейна, верхнее течение Вепря до устья Быстрицы, Верхнее Побужье по Западному Бугу и его притокам Распе, Солокам, Гучве, Угеру и Влодаве, до устья Влодавы, и верхнюю часть Припяти по ее левым притокам, Выжве, Турьи, Стыри до Горынского бассейна на востоке. В основание его политических границ легли, вероятно, в общих чертах древние рубежи бужан или волынян с мазовшей, с одной стороны, с кривскими и дреговскими поселениями — с другой. Ближайшее определение этим границам можно сделать только на основании свидетельств XII—XIII веков. Начальная летопись указывает как пограничные или вернее ближайшие к лядской границе пункты Вошьнь (на Буге), Червень (на Гучве), Броды. Но нет сомнения, что и до XII века лядско-вошьнский рубеж шел далее на северо-запад или по Вепрю, или по водоразделу между Вепрем и Быстрицей и от устья Быстрицы на северо-восток по реке Влодове к Западному Бугу — между люблинской землю ляхов и вошьнской укройной (1213 год;

Ипат., с. 160), в которой в начале XIII века и, вероятно, уже ранее находились города Угровеск (1203 год; Ипат., с. 157, 160), теперешний Угрусск, и близ него Воля Угруйска к югу от Влодавы, несколько ниже устья Угера (на карте Шуберта № 33 — Изера) — Верещин (там же), Столпые (1203 год; там же, с. 157, 160), может быть, там, где теперь Столпа к северо-западу от Холма и Комов (там же; теперешний Кумов), к югу мильх в двух от Холма. Русские города и поселения Щекарев (1219 год; Ипат., с. 162, 210) на месте теперешнего Красностава, Орельск (1204 год; там же, с. 157), может быть там, где ныне Орлов, Древняны, Орловский Майдан, Воля (к югу от Красностава), Бусовно и Охожа (1248 год; там же, с. 182), вероятно, теперешнего Бусовна, на дороге из Красностава во Влодаву, на одной широте с Угровском, и к югу от нее села Оцкоржа, Андреев (1245 год; там же, с. 181; теперешнее Андреево на Влодаве, несколько ниже Верещина, и урочище Сухая Дорогва (1213 год; там же, с. 160, может быть, на месте теперешних двух деревень Сухавы на Влодаве же верстах в десяти от местечка Влодавы) — эти русские местности дают возможность точнее определить северо-западную границу Волыни со стороны Лядской земли.

С севера и востока к Володимирской земле прилегали владения Киевского княжения, в которых ближайшим к ней пунктом на Западном Буге мы видим город Берестье¹⁷⁸. Весьма вероятно, что с этой стороны граница, начинаясь от устья Влодавы, так как по этой реке находились володимирские поселения, шла к верховьям Припяти и по правой стороне этой реки, захватывая устья ее притоков, Турьи, Стохода и Стыри, затем на юг

по водоразделу между Стырем и Горынью до реки Вильи, впадающей в Горынь у Острога. На этой черте Начальная летопись указывает Волынские места: Турыйск (1097 год; Лавр., с. 114; теперешний Турыйск на реке Турьи в Ковельском уезде на дороге из Ковеля во Владимир) и Черторыеск (1101 год; там же, с. 116; теперешний Черториск на Стыри в Луцком уезде), а из киевских, кроме Берестья, Пинск и Дорогобуж (теперешний Дорогобуж на Горыни, к востоку от Ровна). В известиях последующих веков мы находим, однако, более подробные указания. Так, в половине XIII века в окрестностях Турыйска — ближе к Припяти — указываются города: Камень (1262 год; Ипат. в тексте ошибочно — Каменец, с. 200; теперешний Камень Каширский к северу от уездного города Ковеля), Мельници¹⁷⁹ (там же; теперешний Мельницы на реке того же имени, левом притоке Стохода, к востоку от Ковеля) и Небль — городище на озере Нобеле по левую сторону Припяти к юго-западу, милях в шести-семи от Пинска), стоявший, по смыслу летописного известия, на самой границе Волыни с турово-пинскими землями. На восточном порубежье ее следует, кажется, искать Городно, составлявший в первой половине XII века удел князя Всеволодка, внука известного Давида Игоревича. Если это действительно теперешнее местечко Городно в Пинском уезде на границе с Ровенским между Стырем и Горынью, в таком случае рубеж надо положить по левому берегу Горыни; впрочем Дубровица (1183 год; Ипат., с. 127; теперешняя Домбровица, милях в пяти к югу от Городна) Городеск¹⁸⁰, к которому может относиться известие 1257 года (там же, 197; теперешнее село Городеци милях в пяти к югу от

Домбровицы), Степань, о котором поминается в известии 1292 года (Ипат., с. 226; милях в трех к югу от Городца), принадлежавшие к турово-пинским землям (*Н. М. Карамзин. Указ. соч. Т. IV. С. 76. Прим. 175; С. М. Соловьев. Указ соч. Т. II. Прим. 471*). Все эти городки лежат на левом берегу Горыни и могли составлять ряд киевских (турово-пинских) укреплений на Волынском рубеже. Следя далее на юг вверх по течению Горыни, еще в половине XII века мы встречаем волынские города: Чимерин (теперешний Чемерин на севере милях в четырех от Дубна на реке Путиловке близ впадения речки с очевидно новейшим названием Миловидки, которая могла прежде называться Олыкой), Муравицу (1149 год; Лавр., с. 140; теперешняя Муравица на Икве ниже Дубна, милях в двух); Дубен, Кременец (1226 год; Ипат., с. 166) и против них киевские города: Пересопница на Стубле (1150 год; там же, с. 49) на северо-запад от Ровна, Зарецк (1150 год; Лавр, с. 142; Ипат., с. 54) и Мыльск (там же; теперешний Старый Мыльск) на реке Устьи, несколько выше Ровна и несколько ниже его киевский же город Рогачов почти прямо к востоку от Пересопницы. По этим указаниям Волынский рубеж с Киевской Погориной (то есть областью по реке Горыни) на юг от Туровского порубежья определяется довольно подробно волоком между параллельно текущими притоками Горыни Путиловкой с Миловидкой с одной стороны и Стублей — с другой, где теперь, по случайному совпадению или на старой основе проходит ровенско-луцкая граница, и вверх по Стубле к верховьям Горынских притоков, Збытенки, Устьи и Вельи (Вильи; Ипат., с. 172) по водоразделу между этими реками и Иквой.

Город Шумск на реке Вилии принадлежал, как кажется, в половине XII века к киевским городам (1149 год; Лавр., с. 140): по крайней мере под 1152 годом он назван в числе русских городов, в противоположность галицким, и сверх того рядом с Бужском и Выгошевым, несомненно, уже киевскими городами (Ипат., с. 69). Из описания событий XIII века видно, что тогда крайним южным пунктом волынских владений был Торчев¹⁸¹, или Торцевъск, лежавший в гористой местности к западу от Шумска и реки Вилии (1231 год; Ипат., с. 172, 173), может быть там, где теперь Старый Тараж в юго-западной части Кременецкого уезда, верстах в трех к югу от Почаева (на реке Икве). Что касается юго-западной галицко-волынской границы, уже описанной нами, то на ней известны волынские порубежные города, начиная от верховьев Гучвы: Бельз (1030 год; Лавр., с. 64; Ипат., с. 52), Бужск (1097 год; Лавр., с. 113; теперешний Буск в Злочевском округе), Перемиль (1195 год; Ипат., с. 142, 173; теперешний Перемель на Стири, в Луцком уезде, верстах в десяти от австрийской границы) и несколько ниже его на Стири же Боремль, Броды («Поучение Мономаха», Лавр., с. 103; теперешний Броды на реке Сухой Цильке, правом притоке Стиря) и Всеволож (1097 год; Лавр., с. 113), точное положение которого остается неопределимым¹⁸². В пределах Волыни, кроме упомянутых уже городов Червеня, Бужьска, Острога, Бельза, Турийска, Черторийска, Брод, Перемия, Начальная летопись знает еще Волынь, под которой в 1018 году была битва Ярослава со Святополком и союзником его Болеславом (Лавр., с. 62), а в 1077 году состоялся мир между Ярославичами — Изяславом и Всеволодом (там же,

с. 85). Положение его указывается в теперешнем селе Гродек при слиянии Гучвы с Западным Бугом. На восток от него — Володимир, стольный город Володимирского княжения (988 год; Лавр., с. 52, 72, 87, 88, 113, 110), Луческ (1075 год; там же, с. 88; теперешний Луцк на Стыри же); к северо-западу от него Шеполь (1097 год; там же, с. 112; теперешнее село Шепель на Ставе, левом притоке Стыря в Луцком уезде) и на юго-восток — Дубен (1100 год; Лавр., с. 116; теперешний Дубно на Икве).

Глава 6

Славяно-русские ветви на юго-западном побережье Днепра: дреговичи, древляне, поляне. Их первоначальные расселения. Подчинение их русским князьям. Образование Киевского княжения. Его границы. Лядско-киевский рубеж; рубеж ятвяжско-литовский. Область Новгородская. Полоцкое порубежье. Киевские владения по ту сторону Днепра. Южные границы Киевского княжения. Их изменения в эпоху Начальной летописи. Укрепленные места. Поросье и Побужье. Рубеж киево-галицкий и киево-волынский. Населенные места Киевского княжения

На северо-восток от дулебов или волынян, в области Припяти и к югу от этой реки, на пространстве между Стырем и Днепром расселились славяне дреговичи (дреговичи, другвичи), древляне (дерева, древляне) и поляне (поли). По указанию Начальной летописи, дреговичи¹⁸³ жили между Припятью и Западной Двиной, так что принимая это известие в буквальном смысле, следовало бы допустить, что кроме побережий северных притоков Припяти им принадлежали области Немана и Вилии с одной стороны и левых притоков Днепра — Дручи и Березины — с другой. Но, между тем, нет сомнения, что значительная часть Неманского и Вилейского бассейнов с глубокой древности была занята литовскими племенами, а полость Березины и Дручи, по точным определенным свидетельствам летописей, относящимся к событиям начала XII века, была заселена кривской ветвью славян. Так, в 1116 году Глеб Всеславич Полоцкий повоевал дреговичей и сжег город их

Слуцк, что на Припятском притоке Случи (теперешний уездный город Минской губернии), а Владимир Мономах в отпущение за это сжег полоцкий город Минск (Ипат., с. 7). В 1127 году Мстислав Мономашич отправил союзных князей на кривичей, на города их: Изяслав, Борисов, Логожск, которые, как и Минск, находятся в области Березины и на Дрыютеск (Лавр., с. 130; теперешний Друцк на Друче). Под 1149 годом Ипатьевская летопись называет главными пунктами всех дреговичей Клеческ (теперешний Клецк у верховьев Припятского притока Лани) и Слуцк (там же, с. 45). Ввиду таких ясных и положительных данных нет никаких оснований принимать дословно известие Начальной летописи о расселении дреговичей. Может быть, следует допустить только, что летописец, отмечая области их между Припятью и Двиной, имел в виду не более, как указать, что поселения этого племени, или земля дреговичей в его время, то есть в конце XI века, лежали к северу от Припяти по направлению к Западной Двине. Собственно область дреговичей ограничивалась на севере волоком или водоразделом между левыми притоками Припяти с одной стороны и с другой — полостью Немана, занятой, как мы полагаем, в эпоху Начальной летописи ятвягами, и полостью Березины, заселенной уже кривскими славянами. С подчинением ятвягов, когда главные массы их подвинулись далее на северо-запад, вниз по Неману, в соседство с пруссами, дреговичи с юга и кривичи с востока перешли в Понеманье, которого географическая номенклатура в области, лежащей ниже Неманских притоков Сервяча с левой и Березины с правой стороны, представляет признаки, общие всем землям, занятым позднейшей славян-

ской колонизацией, а именно, гидрографические названия преимущественно иноязычного происхождения (Щарья, Зельва, Жижма, Дитва, Котра и т. д.), топографические же преимущественно славянского. Следы дреговского или дороговского населения в области Припяти сохранились, может быть, в названиях теперешних населенных мест: Дороги и Старые Дороги на реке Орижне, притоке Птича (на шоссе из Слуцка в Бобруйск), Дричиново на волоке между Птичем и Свислочем Березинским, Дорошевичи на Припяти к востоку от Турова, Дрогичин к северо-западу от Пинска и близ него на севере Доргужа, рядом с Ятвезем; речка Доргобужа, текущая из озера Горного в Яцольду, на ней Здитов; затем — в области Немана: Дорогова или Дорогва на Сервяче близ селений Ятвизь и Литовщицна (к юго-востоку от Новогрудка), Дороглины между реками Щарой и Зельвянкой (в северо-западном углу Слонимского уезда); Дригиня речка, через Гривду вливающаяся в Щару (Слонимского уезда), и на ней несколько селений этого имени; к юго-востоку от них Деречин, Дорогичин между Зельвянкой и Россой, близ местечка Изабелина на юго-запад от Ятвезей, что под Волковыском; Деречин, предместье города Пружан и Дречаны на водоразделе между Неманом и Бугом, к юго-западу от Свислоча и находящихся близ него Ятвизей и Ятвезка. Как кажется, население дреговичей простиралось на запад в область Западного Буга, с которым Припять стоит в тесной связи через Мухавец, и таким образом оно охватывало северную окраину Дулебской области. К этой мысли приводят, во-первых, то обстоятельство, что Побужье, к северу от предположенных нами пределов Червенской земли,

первоначально принадлежало непосредственно к Киевскому княжению, во-вторых, названия урочища Сухой Дорогвы, в XIII веке бывшего близ границы волынской-польской, и селений, находящихся теперь в Побужье — Дорогуска на Буге, к западу от Холма, Дорогуча на Вепре, к северу от Красностава, и далее на север: Дорогичин на Буге — к северо-западу от него Дроглин на дороге в Брянск, Дорожки на Нареве, к югу от Белостока, Дрига, близ Суховоля и известных нам Ядвижей. Таким образом, поселения дреговичей, начинаясь у волока между Березиной и Птичем, тянулись на запад, сначала соприкасаясь с инородцами в области Немана, а потом занимая эту область, — к Бугу, за которым они сливались с Мазовецким племенем ляхов, — и на север к Нареву и Бобру, где они отделялись болотами и лесами первоначально от пруссов, а может быть уже с XII века от ятвягов. Южными окраинами своими они сближались с расселениями дулебов. По крайней мере на южных притоках ее до сей поры названия некоторых местностей обнаруживают сродство с племенным их именем, каковы, например: Старый Дорогинь к юго-востоку от Овруча на Норине, Доротици (?) на Случе, Дорогобуж (XI век) на левом берегу Горыни, Дорогощи у города Острога, недалеко от села Дулибы. Эти пункты могут указывать на крайние юго-западные поселения дреговичей, в области Горыни, или, как она была известна в древности, в Погорине. Заметим здесь, что причины раздора в XII веке между володимирскими и киевскими князьями, раздора, предметом которого служила Погорина со своим центральным городом Дорогобужем, могли скрываться в смешанности населения этой области (дулебы и дреговичи), и в

нарушении русскими князьями старых земельных межей, которое запутало права и притязания как с той, так и с другой стороны.

К востоку от дреговичей жили древляне (деревля, дерева), получившие свое название, по объяснению летописца, от лесистой местности, занятой ими: «за не седоша в лесех». Весьма вероятно, что первоначально «деревя» было нарицательным именем вообще для жителей Полесья, как теперь «полесовщик, полещук, полеха». Известно, что одна из новгородских пятин, отличавшаяся лесным характером местности, называлась Деревской. Но уже задолго до основания Русского государства древляне обособились от других славянских ветвей и возникла Деревская земля. Такими они являются уже в предании, сохранившемся из глубокой древности о том, что вскоре, по смерти Кия и его братьев, поляне «быша обидимы Древлями» (Лавр., с. 7). Для ближайшего определения положения деревской земли служат немногие известия, которые представляет Начальная летопись и которые дополняются отчасти летописными указаниями из XII—XIII веков. В половине X века из многих городов Деревской или Древлянской земли Начальная летопись называет Искоростень и Овруч, оба в области Уши, левого притока Припяти. Но нет сомнения, что, не ограничиваясь одной этой областью, она занимала гораздо большее пространство между дереговичами и полянами. Западная граница ее подходила к Туровской области, то есть к земле дреговичей. Это видно из раздела между детьми Владимира Святого, когда Святополк был посажен в Турове, а Святослав в «Деревех». Затем она спускалась на юг, параллельно Горыни и Случи, замыкая собой с запада обширный лес,

известный под именем Чортова, в этом лесу, который тянулся на восток от Случи (Ипат., с. 174) до реки Уши (Лавр., с. 141; Ипат., с. 54), еще в XIII веке река Деревная напоминала собой уже сгладившуюся тогда в русском мире Деревскую землю¹⁸⁴. На юге она соприкасалась, по известию Константина Порфирородного (*De admin. Imper. Сар. 37. Р. 166*), с одним из половецких племен: это было, по всей вероятности, в верхнем течении Случи, где теперь в Новград-Волынском уезде близ подольской границы находятся селения Деревич и Деревичка, может быть, в той самой местности, где в XIII веке был болоховский город Деревич¹⁸⁵. Далее на восток она прилегала к земле полян, собственно к киевской земле, захватывая, как кажется, область Тетерева. По крайней мере из известия о набеге половцев на киевскую землю в 1136 году видно, что деревская земля была недалеко от киевского Вышегорода, что на Днепре: половцы повоевали тогда до Вышегорода и до Дерев (Ипат., с. 14). В таком случае на северо-западе она упиралась в Днепр. Что касается северной ее межи, то, по известию Начальной летописи о расселении дреговичей на север от Припяти, ее следовало бы положить именно по этой реке. Но мы видели уже, что это указание летописи вообще нельзя принимать буквально. На отмеченном нами пространстве, кроме уже названных нами местностей деревского наименования, теперешнее село Деревище к западу от Мозыря, верстах в 25, Черездеревь ручей к югу от Мозыря могут напоминать собой древнюю Деревскую землю. Сверх того, в соседних областях мы находим Деревок к западу от местности Любимова, у Стохада, урочище Деревище к северо-западу от Нобля, Деревяни

в северной части Дубенского уезда. И в области Немана: Деревная близ Немана в восточной части Новогрудского уезда, Деревная, на юго-западе того же уезда, на Тартаке, к северо-западу от него Деревная на реке Иссе, правом притоке Щары, Деревянчицы к югу от Слонима верстах в пяти.

Ряд славянских племен в юго-западном углу нашей равнины замыкали поляне (поли), занимавшие нагорный берег Днепра. Пределы польской, или полянской, земли, насколько можно предполагать их, основываясь на немногих дошедших до нас сведениях, мы уже отчасти видели: на северо-запад, по Тетереву, она прилегала к Деревской земле, на западе, в Погрине, где на Случи и теперь есть старинный город Полонное, а к северу от него, в Ровенском уезде местечко Поляны, — к южным расселениям дреговичей, наконец, на юго-западе, по среднему течению Буга, к тиверцам и на юге, может быть, к улучам, впоследствии отодвинувшимся к Карпатам и за Днестр. Во всяком случае первоначальные поселения полян спускались довольно далеко на юг по течению Днепра и, вероятно, захватывали днепровское побережье до самых порогов, славянские названия которых известны уже с X века. По мере усиления на западном берегу Днепра степных кочевников поляне стали подвигаться к Киеву под защиту основанных поблизости его княжеских городов, оставляя степи во владение азийских пришлецов. Скоро, однако, они были принуждены уступить им и южную окраину своего княжения. Уже в половине XI века побережья Роси и Восточного Буга, составлявших южное порубежье киевских владений, были заняты так называемыми черными клобуками — кочевниками, признавшими над

собой власть русских князей и мало-помалу привлекавшими к оседлой жизни. В конце XI века, как увидим ниже, славянские поселения едва ли простирались на юг — с одной стороны далее Стугны, с другой — Восточного Буга в том месте, где он поворачивает на юго-восток (близ теперешней подольско-киевской границы).

Земли полян, древлян и дреговичей вошли в состав Киевского княжения, которому придавалось по преимуществу название Руси, Русской земли. Земля полян с городом Киевом сделалась центром русских владений Рюриковичей с 882 года. Древляне были присоединены к ним впервые в 884 году, а окончательно после известного восстания их против Игоря в 946 году. При Святославе они составили удел второго сына его Олега, а при Володимире Святom удел князя Святослава Володимировича, по смерти которого деревская земля уже не отделялась от киевского княжения во все время, обнимаемое Начальной летописью. Время подчинения дреговичей русским князьям неизвестно, но почти нет сомнения, что и они, может быть, еще при первых киевских князьях до-Рюриковичах вошли в состав Русского государства. По крайней мере известие о войнах Аскольда с полочанами дает основание предполагать непосредственное соседство тогдашних киевских владений с полоцкой землей, а следовательно, и зависимость дреговичей от киевского князя¹⁸⁶. Константин Порфирородный, которому они известны под именем другувитов (Дρουγούβιται) называет их в числе славянских племен, даннических Руси (De admin. Imper. Cap. 9. P. 79). Административным центром их земли был Туров. Владимир Святой отдал его сыну Святополку; так что Туров составил тогда

особое владение, примыкавшее с одной стороны к Волини, с другой — к деревской земле, уделу Святослава Володимировича¹⁸⁷. Но при разделе русской земли между сыновьями Ярослава Туров и тянувшая к нему земля дреговичей являются уже принадлежащими к киевскому уделу и состоят в полном распоряжении киевского князя¹⁸⁸. После вторичного изгнания Изяслава Ярославича, когда Киевским столом завладел Святослав, Туров был уступлен Мономаху, как то видно из его «Поучения»¹⁸⁹, и оставался за ним до перехода на Киевский стол Всеволода. Всеволод перевел Мономаха в Чернигов, придав Туров к уделу Ярополка Изяславича Володимирского (Лавр., с. 87). По смерти Ярополка Туров¹⁹⁰ отделился от Володимира, и в нем княжил некоторое время Святополк Изяславич (с 1088 года) (Лавр., с. 89); но большую самостоятельность как особый удел Туров получил, только перейдя в род Мономахов, хотя и тогда киевские князья предъявляли на него права, как на Киевскую волость (1141 год; Лавр., с. 135).

Таким образом, в половине XI века Киевское княжение лежало по нижнему течению Западного Буга, Припяти (за исключением юго-западных ее притоков), Тетерева, Стугны, Роси до Восточного Буга на юго-востоке. Оно было окружено ляхами на западе, пруссами на севере, Литовско-Ятвяжской землей и Полоцким княжением на северо-востоке, Черниговским на востоке, прилегая на юге к кочевьям степных варваров, а на юго-западе — к галицким и волинским владениям. Более точное определение его рубежей может быть сделано только приблизительно, на тех же самых основаниях, какие были приняты нами при определении границ Галича и Волини. Лядско-киевский рубеж

составлял продолжение рубежа лядско-волынско-го. Начинаясь у реки Влодавы, он шел прямо на север, захватывая западное побережье Буга, мимо Берестья (1018 год; Лавр., с. 62. Бреста Литовско-го), к западу от которого на реке Жне находится теперь село Ляховка; Дрогичина (1142 год; Ипат.), к югу от которого на реке, впадающей несколько выше его в Буг, мы видим теперь селения Межки и Русаков и к западу и северо-западу село Русски (на подороже к Соколову), Бучик Русский и Русска Страна (оба на дороге из Соколова в Нур). Близ них село Вратнов, наконец, мимо Нура (1102 год; Лавр., с. 117), к болотистым низовьям Буга. Отсюда русские владения переходили, по всей вероятности, на правый берег Буга, простираясь по лесистой и болотистой местности до самого Нарева. По крайней мере в XIII веке мы видим здесь местность Андреев на реке Броке, к которому приурочивается русский город Андреев, окрестности которого были опустошены в 1245 году ляхами (Ипат., с. 181), и несколько местностей с названием Русь, каковы, например: Русь на реке Мянке, правом притоке Буга к югу от Мазовецка, Русколонки к северо-западу от Андреева, близ села Дрогашева, Драги, Острожна. Порубежным на северо-западе Руси лядским городом было Визна, при впадении Бобра в Нарев, в 1146 году уступленная лядскими князьями Межком и Болеславом тогдашнему киевскому князю Всеволоду Ольговичу (Ипат., с. 18). Далее за Бобром, в теперешней восточной Пруссии, начинались земли, в XIII столетии, по указаниям наших летописей, занятые уже ятвягами, но в XI веке, по свидетельству Бруно, принадлежавшие еще пруссам. В рассматриваемую нами эпоху вся

болотистая и лесная область, замыкаемая этой рекой на севере, Неманом на востоке, верхним Наревом на юге, неманским притоком Свислочем на юго-востоке и Бужским — Броком и Нурцом на юго-западе, едва ли может быть причислена к русским владениям. Даже более — едва ли она не была занята в то время инородческими (ятвяжско-литовскими) поселениями, следы которых, как мы уже видели, заметны не только здесь, но и далее вверх по Неману и на юг, по водоразделу между Неманом с одной стороны, Бугом и Припятью — с другой. Эти следы исчезают на южном побережье верхнего Нарева. Только здесь начиналось сплошное славянское население, и здесь следует предположить ряд порубежных укреплений, которыми необходимо было оградить русские владения от хищных соседей. В XIII столетии крайними русскими городами на литовской границе мы видим Бельск на Орленке, левом притоке Нарева (1253 год; Ипат., с. 188), и основанный тогда же Каменец на Лосне, впадающей в Западный Буг (там же, с. 207). Рассматривая затем подробные карты того края, мы видим на левом побережье Нарева, к востоку от Андреева, целый ряд местностей, которых названия дают основание предполагать в них остатки древнего укрепленного рубежа. Таковы: Грудок на Нареве и в окрестностях его — Стражи, Васильков, Стражники, Гродиско и т. д. (все на юго-восток от местности Нарева). Затем несколько к северу Гродек на верхнем течении Супрасли, ниже его город Васильков, к северу от которого Городянска, Стражна на Сокольде, к северо-востоку от Василькова, Заслав — к северо-западу от Белостока, а к юго-западу от Белостока село Городненны на речке Городне. Они — по со-

седству с ятвяжскими местностями, отмеченными нами выше. Далее на восток от верховьев Нарева до истоков Щары и Сервяча, впадающих в Неман, первоначальный рубеж шел по Неману, Припятскому водоразделу, вдоль южных расселений ятвягов в понеманье. На него могут указывать теперешние селения (в Пружанском, Кобринском, Слонимском и Пинском уездах), по верхним течениям рек Яцольды и Щары: Городяны, Воротна и Городец (что на Днепровско-Бужском канале), к югу от Пружан, Осека и Подгородье к востоку от Пружан, и к югу от Ятвезя, Городечна приток Мухавца, Воротиничи на Мухавце, Стражовщина на Щарском притоке Гривде, три Городища у верхней Щары, Городники у самых истоков Щары и Городище у истоков Сервяча. Выше мы видели, что в области на восток от верховьев этих рек замечаются признаки уже сплошного славянского населения, тогда как в области, лежащей на запад от них, по Неману и его южным притокам, несомненные следы древних ятвяжско-литовских заселений. В XIII столетии Щара и Сервяч¹⁹¹ служили границей собственно русских земель (Пинск, Клецк, Несвиж, Копыль, Слуцк), от новгородской (новогрудской) земли, в то время уже захваченной Литвой. Это обстоятельство наводит на мысль, что и во время до присоединения этого края к Русскому государству именно по Щаре и Сервячу лежал русский северо-западный рубеж. Войны с ятвягами и Литвой, начавшиеся с X века, принудили эти племена покинуть свои южные расселения и двинуться вниз по Неману и перейти на правый берег его. Вслед за ними подвинулись от предположенной нами порубежной черты и русские укрепления, под защитой которых усилилось

славянское население в Понеманье путем колонизации из среднего и верхнего Поднепровья, из коренных земель кривичей, дреговичей, древлян и полян, оставивших следы свои в названиях многих селений этого края. Таким образом, явилась новая русская область, центром которой сделался Новгородок, основанный по всей вероятности, еще в XI веке¹⁹², а прежние русско-ятвяжские границы сделались теперь ее границами со стороны старорусских киевских владений. В XIII веке здесь известны Турийск на Немане (1253 год; Ипат., с. 207), по всей вероятности, теперешний Турейко, на правом берегу его несколько выше впадения Щары, Въслоним (1276 год; там же, с. 208), Волковыеск, Въсвислочь (1255 год; там же, с. 122) и Городно, передовое русское укрепление на Немане¹⁹³. К востоку от устьев Щары киевские владения охватывали, как кажется, всю область верхнего Немана с Несвижем, Припятские притоки Случь и Птичь и Днепровский приток Брагинку. Водораздел между этими реками и областью Березины Днепровой служил им рубежом с владениями полоцкими и черниговскими. Здесь, в XI—XIII веках, порубежными местами являются, с киевской стороны — Копыль, Слуцк и Брягин; с полоцкой — Минск; с черниговской — Речица. Как возможные следы старого порубежья в этой местности нелишним считаем отметить: Рубежевичи на реке Суле, правом притоке Немана, в западной части Минского уезда; к северо-востоку от него — Воротники; далее на север Граничи у верховьев Свислочи и Птича; Сутин и Сутина в южном углу Игуменского уезда, на границе с Бобруйском; близ них Горожцы и Горожа в Бобруйском уезде; Городок на Птичи в Слуцком;

Вышкомеж у истоков Брагинки; Сутава близ левого берега Днепра, почти против Любеча; Городище близ устья Припяти и т. д.

Восточную границу Киевского княжения вообще составлял Днепр, который отделял его от княжеств Черниговского и Переяславского. Левое побережье его носило название Черниговской стороны, правое — Киевской. Тем не менее и на левой Черниговской стороне замечаются киевские владения, тянувшиеся, как кажется, узкой полосой по днепровскому берегу от устьев Десны до речки Курани, которая сливается с Днепром напротив Треполя¹⁹⁴. Что же касается южного Порубежья, то оно, прилегая к степям, занятым ордами азийских кочевников, не представляло для киевских владений прочных и постоянных границ: они изменялись сообразно с положением, которое принимала Русь относительно бродячего населения западного Приднепровья, отступали или расширялись по мере его усиления или ослабления. Неизвестно, как далеко на юге простирались русские владения при первых киевских князьях Олеге и Игоре. Из договоров их с греками видна, однако, близость их к корсунским владениям греков. Днепровский лиман не принадлежал тогда Руси. Но те статьи Игорева договора, которыми Русь обязуется не зимовать «в устье Днепра Белбережи, но у святого Елферия», и в то же время не допускать черных болгар до нападения на Корсунскую область (Лавр., с. 21, 22), — эти статьи указывают, что земли ее доходили до корсунских границ, были, по крайней мере, близки к ним и отделяли их от Болгарии. Ясно, что Русь господствовала тогда над всем течением Днепра и Восточного Буга. Это предположение подтверждается также и отношениями к печене-

гам, которые впервые явились у русских пределов около 918 года (Лавр., с. 18). В течение целого полстолетия они остаются безопасными соседями Руси. При первом появлении своем они заключают мир с Игорем и только по соглашению с ним открывают себе путь к Дунаю. Несколько позднее они принимают участие во втором походе его на греков, причем нельзя не заметить, что они стоят в некоторой зависимости от русского князя: он берет у них тали, или заложников, и посылает их воевать в болгарскую землю (Лавр., с. 19). Затем о них не слышно в течение почти 25-ти лет. Но события второй половины X века, особенно войны Святослава в Болгарии, несомненно, должны были благоприятствовать их усилению в Западном Поднепровье, в котором они приобретают мало-помалу перевес. Прежде всего они утверждаются в «поле», то есть в степях, простирающихся к югу от Карпато-Уральской гряды, образующей, как известно, днепровские пороги: Святослав думает уже обезопасить киевские владения тем, что он после первого нападения варваров на Киев «собра вои и прогна Печенеги в поле» (там же, с. 29). Но вскоре они захватывают и днепровские пороги. На это указывают обстоятельства смерти Святослава и прямое свидетельство Константина Порфирородного¹⁹⁵. Естественным последствием их усиления было запустение Западного Поднепровья. К концу X века славянское население покинуло уже побережья Буга, Тясmini, даже Роси, сделавшиеся небезопасными. В усобицу детей Святославовых крайним на юге, ближайшим к печенежским кочевьям русским городом является Родня на устье Роси (980 год; Лавр., с. 33). Но скоро и он исчезает из истории. Как кажется, в

это время все пространство почти до самого Киева уже обезлюдело от опустошительных печенежских набегов. Для ограждения от них стольного города Владимир начал ставить города, но возведенная им линия укреплений, по прямому свидетельству летописи, не простиралась на правой стороне Днепра южнее Стугны¹⁹⁶. При этом Владимир не нашел уже здесь постоянного населения, и для того, чтобы заселить вновь поставленные города, был принужден «нарубати муже лучшие от Словен и от Кривичь и от Чюди и от Вятичь» (Лавр., с. 52). Архиепископ Бруно, бывший в Киеве в 1006 году и видевший порубежные укрепления, говорит, что они отстояли от города русского князя в двух днях пути, следовательно, были именно на водоразделе между Стугной и Красной с одной стороны и Росью — с другой. Энергическая борьба со степняками, память о которой сохранилась и в летописях, и в народном эпосе, доставила скоро перевес Руси над кочевниками, которые в свою очередь начинают отступать на юг. Границы Киевского княжения раздвинулись в первой половине XI века до Роси. Построение городов по побережьям ее принадлежит Ярославу, который населил их между прочим полоненными в походе на Польшу 1031 году ляхами. С тех пор область Роси оставалась до XII—XIV веков южной Киевской украиной. Появление половцев на запад от Днепра в половине XI века произвело важный переворот и в степном населении, и в отношениях к нему русских князей. Новые пришлецы в южнорусские степи нанесли решительный удар своим кочевым предшественникам, часть которых предпочла власть русских князей подчинению половцам и заняла южное порубежье Киевского

княжения. Это были торки, берендеи, коуи, может быть, ветви печенежского племени, известные под общим именем черных клобуков. Занимая все Поросье и верхнее Побужье, они мало-помалу привыкли к оседлости и к городской жизни, и в их городках, замыкавших Киевское княжество с юга, русское население получило твердый оплот со стороны степей.

Таким образом, в эпоху Начальной летописи южная граница Киевского княжества несколько раз переменялась, сначала отступая на север к Киеву перед наплывом печенегов, затем в довольно удачной борьбе русских князей с половцами снова отодвигаясь на юг. Эти изменения оставили по себе следы в укреплениях, которые в несколько рядов тянулись от правого берега Днепра на запад к Бугу. Древнейшие из них, относящиеся ко времени Владимира Святого, находились по водоразделу между Стугной с одной, Красной и Поросьем — с другой стороны. По летописным известиям Владимирово время, самыми крайними на юге Киевского княжения городами являются: Белгород, любимый город Владимира, в 997 году осажденный печенегами (Лавр., с. 84, 45, 55) и Василев, под которым была в 996 году битва с печенегами. Первый из них находился на реке Ирпени, на месте теперешней Белгородки, второй на Стугне, где теперь уездный город Васильков. Кроме этих городов были, конечно, и другие по Стугне и верхним течениям Унавы и Ирпени, которые летописец не имел случая упомянуть. Но, по приведенному выше свидетельству очевидца Бруно, города не составляли в то время единственного средства защиты со стороны степей. По его словам, русский князь обвел свои владения от нападений

кочующего неприятеля чрезвычайно длинным и крепким частоколом, находившимся в двух днях пути от его столицы. Для проезда в степи в нем были сделаны ворота¹⁹⁷. Следы этого укрепления, без сомнения, до сей поры сохранились в так называемом Змиевом вале, который тянется степью по южной части Киевского уезда от местности Триполья (при слиянии Стугны и Красны) на запад через село Барахтянскую Ольшанку мимо села Кодина и, перерезав большую дорогу, идущую из Белой Церкви в Васильков, проходит полянами селений Парадовки, Великой Скнятинки, Фастова и Павни в Сквирский уезд к селу Белки. На древность этого вала мы имеем несомненные указания в летописных известиях о битве русских князей с половцами в 1093 году у Трипольских валов и об известной Перепетовской битве 1150 года в усобицу Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем (Лавр., с. 95; Ипат., с. 62). В одной старинной записи города, лежавшие к югу от этого вала, названы завальскими и поросскими городами. Об укреплениях далее на запад при Владимире Святом нет никаких данных. Может быть, они охватывали верхнее течение Унавы, у верховьев которой находим селенья Городище и Городьска (у границ Волынской губернии), Ирпени (с селом Яроповцы — древний Ярополч 1160 года (Ипат., с. 86), у истоков Ирпени в Сквирском уезде) и притоков Тетерева, где находятся теперь селенья Халам-городок на Пустоле, Райгородок на Тетереве, в южной части Житомирского уезда, у подножья гряды холмов, составляющей водораздел между Восточным Бугом и днепровскими притоками. Другой ряд укреплений — города Поросские — возник, как мы видели, при Ярославле.

В известиях о событиях, совершившихся при этом князе, нет указаний, какие именно города были основаны им в Поросье. Важнейшим из них был Юрьев¹⁹⁸, которого основание, как показывает самое название его, следует приписать Ярославу и следы которого едва ли не скрываются в селениях Большой и Малый Ерчики на реке Ростовице в Сквирском уезде. Весьма вероятно, что еще Ярослав сделал этот город центральным пунктом княжеского и церковного управления всей образовавшейся при нем области в Поросье. Во второй половине XI века в Поросье упоминается несколько городов, которые могли возникнуть еще во время Ярослава. Таковы: Растовиц и Ятин¹⁹⁹ (Неятин), окрестности которых были опустошены половцами в 1071 году²⁰⁰, Святославль и Торческий (Торцинский) град или Торческ. Положение Святославля²⁰¹ (1084—1086 годы; «Поучение Мономаха», Лавр., с. 103) неизвестно²⁰²; Растовец и Ятин определяются речкой Растовицей, которая, получив начало в Бердичевском уезде, протекает по Сквирскому и впадает с левой стороны в Рось, несколько ниже Сквиры. На ней надо искать летописного Растовьца: на пространстве от этой реки до Повологи до сей поры сохранились еще остатки вала (в три сажени вышиной), поверх которого, по местному преданию, была когда-то стена из заостренного частокола²⁰³. Ятин 1071 года приурочивается с достаточной достоверностью к селу Ягнятину (на верхнем течении Растовицы), на полях которого указывают следы двух крепостей или замков²⁰⁴. Что касается Торческа, то он мог возникнуть уже по смерти Ярослава вследствие подчинения Торков русским князьям, при Изяславе, и никак не позже 1084—1086 годов, ибо «Поучение Владимира

Мономаха» говорит о нем именно в изложении событий этого времени²⁰⁵. Во всяком случае в конце XI века это был крайний порубежный город с половецкими кочевьями, может быть, на месте села Торчица на реке того же имени, с юга впадающей в Рось (в Таращанском уезде), или же там, где теперь местности Стеблев на Роси (к западу от Корсуни, в Каневском уезде), со следами древнего города²⁰⁶. Таким образом в конце XI века и в начале XII владения киевских князей не переходили на юге за холмистый водораздел между Росью, Тясмином и реками Восточно-Бужского бассейна (Тикичи Гнилой и Горский). За Росью, по Бугу простирались уже половецкие кочевья. Об этом ясно свидетельствует Мономах²⁰⁷. Но в XII веке, как было уже замечено, обстоятельства изменились. На юг от Роси по Тясмине и ее притокам и по притокам Синюхи утвердились черные клобуки, признавшие себя в зависимости от киевских князей. На границе их владений с половецкими кочевьями, отодвинувшимися к днепровским порогам и на Ингул, возникла целая система порубежных городков (Куныль-Такуниль 1150 год; Ипат., с. 50; на месте теперешней Конелы в Липовецком уезде, Чюрнаев близ реки Выси, Кульдеюрев), и укреплений, остатки которых видны и теперь в непрерывном ряде городищ на юге Киевской губернии от устья Тясмины до Буга в Гайсинском и Балтском уездах губернии Подольской. Как кажется, они не причислялись и тогда к собственно киевским владениям, но под защитой их Поросье достигло значительной степени благосостояния, и в конце XII века княжеские владения в нем считаются одними из выгоднейших в пределах Киевского княжения. На запад от истоков Роси

киевские владения шли к Восточному Бугу, охватывая течение Бужского притока Десны, на котором уже в половине XII века мы знаем киевский город Прилук (1146 год; Лавр., с. 136) на месте теперешнего Старого Прилука (Бердичевского уезда); затем простирались по верхнему Бугу до истоков Горыни, прилегая сначала к степям, затем к Галицким владениям. Здесь Начальная летопись называет Бужский Острог, куда был выведен из Володимира Давид Игоревич известным решением Долобского съезда князей (1110 год; Лавр., с. 113), может быть, теперешнее Забузье к северу от Литина на Буге, и Выгошев²⁰⁸ (1097 год; там же, с. 115), который в половине XII века был захвачен галицким князем Владимиром вместе с другими порубежными киевскими городами — Бужском, Шумском (на Вилии), Тихомлем и Гноиницей (на Горыни, к западу от Заслава верстах в 15—20): он был, вероятно, на месте теперешнего Вышгородка на юге Кременецкого уезда, на границе с Галицией к северо-востоку от Збаража²⁰⁹. У верховьев Горыни киевские владения сходились с волынскими. На рубеже с ними, который мы имели уже случай рассмотреть, Начальная летопись знает только Дорогобуж (1086 год; Лавр., с. 88) на Горыни, к востоку от Ровна и Пинск (1097 год; там же, с. 110) на Припяти. От устьев Горыни он поворачивал на запад и проходил, как можно предполагать, по Припяти к Западному Бугу, где у устьев Влодавы упирался в волынско-польский рубеж.

Таковы были границы Киевского княжения в IX—XI веках. Населенные места, которые называет Начальная летопись, группируются главным образом в Поднепровье, составлявшем самую важную часть его. Здесь известны: Вышгород

(945 год), в лесистой местности на Днепре, в 15 верстах от Киева, град Ользин, с деревянной церковью св. Василия, в которой были первоначально погребены князья Борис и Глеб (1015 год; Лавр., с. 57, 58), в 1072 году перенесенные в новую церковь, поставленную князем Изяславом, вероятно, во имя этих святых (там же, с. 78). Киев — стольный город русской земли на Днепре и вливающихся в него речках Лыбеди и Ручае или Почайне, на которой была пристань (там же, с. 26). Первоначально Киев был расположен только на Горе, на которой, по преданию, Апостол Андрей водрузил крест, но впоследствии распространился на соседние холмы и на низменное побережье Днепра — Подолье, соединявшееся с Горой Боричевым взвозом (Лавр., с. 23, 50). Уже при Ольге, по преданию, сохранившемся в XI веке, каменный терем Ольгин был вне града, за городской стеной. Подолье же должно было заселиться еще раньше, так как в этой части Киева находилась церковь св. Илии, существовавшая при Игоре. Собственно город был распространен в 1037 году Ярославом, который обвел стенами прилегавшее к нему поле. Остаток этих укреплений сохранился доныне в Золотых воротах, на которых Ярославом же была поставлена церковь Благовещенья (Лавр., с. 6). В XI веке, по свидетельству (может быть, преувеличенному) Дитмара, в Киеве было более 300 церквей и 8 торгов, но Начальная летопись упоминает только об одном торговщице, бывшем первоначально на Подолье, и в 1068 году переведенном на Гору (там же, с. 75). Важнейшие городские постройки находились на Горе. Здесь летопись называет церковь Василия, поставленную Владимиром Святым на холме, где

стоял прежде известный Перун (Лавр., с. 51), церковь св. Богородицы, (989—999 годы; там же, с. 52) на площади, украшенной четырьмя медными конями и двумя медными же статуями, вывезенными Владимиром из Корсуня. Близ нее — двор Деместиков, на месте бывшего Ольгина загородного теремного двора (там же, с. 10), митрополю церковь св. Софии, построенная Ярославом в 1037 году. Тут же на Горе были, по всей вероятности, монастыри св. Георгия, и св. Ирины, основанные Ярославом (там же, с. 65), монастырь св. Димитрия, построенный Изяславом Ярославичем в 1051 году с церковью св. Петра и Павла, в которой погребен строитель ее Ярополк Изяславич (там же, с. 69, 88. Ник. I, с. 189), церковь св. Петра и Павла, поставленная митрополитом Иоанном в 1008 году (Ник. I, с. 106), и женский монастырь св. Андрея, основанный Всеволодом Ярославичем в 1086 году и названный по имени дочери его Янки (Анны) Янчиным или Янциным (Лавр., с. 88; Ипат., с. 12, 15, 21; Лавр., с. 154). На Подолье стояла церковь св. Илии. Кроме того, есть известие, что в Киеве еще до основания названных монастырей были монастыри греческие. Из других построек летопись называет, кроме теперешнего двора Ольгина (Лавр., с. 23), ее городской двор и другой, княжий двор XI века (Ярославов или Великий; там же, с. 73, 110), а также дворы: Гордятин и Никифоров на месте старого города, Воротиславль и Чудин, где был городской двор Ольги (там же, с. 10), Коснячков и Брячиславль. В окрестностях Киева, по той же стороне Днепра, находились: урочище Угорьское, часть высокого и стремнистого берега Днепра, против устья притока, Черторыи, где была Аскольдова могила

(Лавр., с. 10). Здесь в XI веке стояли двор какого-то Ольмы и построенная им церковь св. Николая; далее Берестовое (980 год; Лавр.; в XI веке Берестов), село с княжеским двором (там же, с. 98) и с церковью св. Апостола, поставленной Ярославом (там же, с. 67); оно занимало место теперешней крепости; близ него могила Тугоркана (тестя Святослава) «межи путем идущим на Берестовое и другим в монастырь идущее» (там же, с. 99), монастырь Печерский, основанный вскоре после смерти Ярослава подвижником св. Антонием (ветхий монастырь; там же, с. 68), с каменной церковью св. Богородицы, построенной в 1073 году игуменом Феодосием (Лавр., с. 78, 79); церковь св. Феодосия (1091 год) и, наконец, Выдобычи (Выдубичи) с монастырем св. Михаила Всеволожим (там же, с. 75, 88) и с Красным (княжим) двором, построенными Всеволодом Ярославичем (там же, с. 98). Все эти места находились от Киева вниз по Днепру. На запад Печерского монастыря, между ним и городом — урочище Клов, на котором Стефан, прежде игумен Печерский, а потом епископ Владимирский, основал монастырь св. Богородицы Влахернской, сожженный в 1096 году половцами (Стефанечь монастырь) и в 1108 году возобновленный (Лавр., с. 121). Близ него — Германеч монастырь, может быть Германа, игумена монастыря св. Спаса на Берестовом (там же, с. 98). За ними далее на запад полагают село Предславино, отданное Владимиром Рогнеде (980 год; там же, с. 34). К северу от Киева, вверх по Днепру — гора Щекавица (теперешнее Скавица) с Олеговой могилой (там же, с. 16) и села Капичи и Дорогожичи (Дорожичи 280 — там же, с. 32), где стоял Владимир, готовясь к осаде Яро-

полка, затворившегося в Киеве, места теперь неопределимые. Впрочем, известно, что Дорогожичи были по вышеградской дороге (Ипат., с. 100) под самым киевским болоньем (там же, с. 90). На левом песчаном и лесистом берегу Днепра ближайшие к Киеву киевские места были: Ольжичи (Лжичи) или Ольгово — село на Десне (946 год; Лавр., с. 25. Ник. I), как полагают, при истоке Чарторыи; близ него (Ипат., с. 18) Городец (при повороте речки Радосыни или Радуня), в котором в 1026 году был заключен мир между Ярославом и Мстиславом, в 1076 году киевляне встречали тело князя Изяслава Ярославича (там же, с. 88); а в 1097 сборное место приднепровских князей, восставших против киевского князя Святополка по случаю захвата и ослепления Василька Тербовльського (Лавр., с. 111), и урочище Долобськ, где на съезде князей в 1103 году был решен поход на половцев (там же, с. 118). Тут же надо положить Любечь (Любчъ)²¹⁰, в котором состоялся известный сейм князей 1097 года (Лавр., с. 109) и который действительно нельзя приурочивать к местности Любеча черниговского, уже по тому одному, что все известные нам общие съезды южнорусских князей происходили в окрестностях Киева, а из обстоятельств 1097 года не видно, почему бы на этот раз князья могли выбрать вместо центрального Киева незначительный черниговский городок. Киевский Любечь был, как указывает Бороздин, близ озера Подлюбского, соединенного ручьем с Радосынью, к востоку от озера Долобского и к югу от Городца. Из других киевских городов летопись называет: по Днепру — Саков²¹¹, на левом берегу Днепра, где в 1101 году происходили переговоры с половцами о мире

(Лавр., с. 117); в 1095 году жители окрестностей этого города (засаковцы) вследствие нападений половцев были переведены Святополком на правый берег Днепра (там же, с. 97; теперешний Сальков на Днепре Полтавской губернии несколько выше впадения Курани); Халеп («Поучение Мономаха», Лавр., с. 103, теперешнее Холопье место при устье Стугны), порубежный город киевский на правом берегу Днепра; Святополч град, построенный Святополком в 1085 году на Витичевом холме для жителей городов, разоренных половцами (там же, с. 97), впоследствии Витичев город (теперешнее Витичево — село верстах в пяти ниже Холопья); Заруб²¹² (1096 год; там же, с. 98), при котором была переправа через Днепр; в окрестностях его с XI века кочевали торки и берендеи, в 1105 году побежденные половецким ханом Боняком (там же, с. 119; теперешние Зарубинцы на правом берегу Днепра, несколько выше устьев Трубежа); наконец, упомянутый уже нами Родня — город на устье Роси. Сверх того с XI века известен на Днепре Канев и Корсунь (Керсунь), о которых нет, однако, летописных указаний; они упоминаются в Патерике Печерском²¹³. На притоках Днепра — по Припяти: Туров²¹⁴ (980 год; Лавр., с. 32, 103, 110), Пинск (1097 год; там же, с. 110). Древлянские города — Вручай (977 год; Лавр., с. 31, 32; теперешний Овруч на Норине, с левой стороны вливающейся в Ушь) и Изькоростень, взятый Ольгой в 946 году (там же, с. 23; теперешний Искорость на Уше в южной части Овручского уезда), Выгошев и Дорогобуж (1084 год; там же, с. 88, 114) на Горыни. На Здвиже, правом притоке Тетерева — Здвижень град, по дороге из Киева во Владимир

(1097 год; на месте теперешних Здвижек, селения Радомысльского уезда); на Ирпени — Белгород (980 год; Лавр., с. 34; теперешняя местность Белгородка), любимый город Владимира Святого, в 991 году вновь укрепленный им, был в 997 году осажден половцами. В 1097 году в Белгороде был ослеплен Василько Тербовольский. Желань — село недалеко от Киева, при котором половцы разбили Святополка в 1093 году (Лавр., с. 94; теперешнее Жиляне или Жуляне село Киевского уезда на реке Борщаговке, правом притоке Ирпени); урочище Уветичи, на котором в 1100 году состоялся съезд князей (там же, с. 116), по всей вероятности, на речке Вете, вливающейся в Днепр выше Стугны; на Стугне — Василев (988 год; там же, с. 48), основанный, по всей вероятности, Владимиром Святым, с церковью Преображенья, построенной этим князем в память избавления его от опасности в битве с печенегами, бывшей под этим городом в 996 году (там же, с. 54); Треполь, под которым русские князья были разбиты половцами в 1093 (там же, с. 94; теперешнее Триполье при слиянии Красны и Стругны). На южной окраине Киевского княжения, в Поросье, как мы видели, — Торцийск или Торческий град и Юрьев, Растовец, Ятин, Святославль и в Побужье Бужский Острог и Выгошев замыкали собой ряд городов, известных здесь Начальной летописи.

Глава 7

Славяно-русское население на восточной стороне Днепра. Характер известий о нем Начальной летописи. Географическое распространение северян. Славяне в пределах Хазарского царства. Тмутаракань. Радимичи и вятичи. Образование княжений Черниговского и Переяславского. Посемье. Земля вятичей. Их рубежи и населенные места

На восток от Днепра Начальная летопись указывает славяно-русские земли северян, радимичей и вятичей. Переходя к рассмотрению их географического распространения, нельзя не заметить, что вообще Начальная летопись сообщает о них несравненно меньше географических известий, чем о населении собственно русской земли. Помимо того, что собственная Русь имела значение центра слагавшейся общерусской жизни, что в ней главным образом сосредоточивались события, в летописном описании которых ее география должна была выступить подробнее и обстоятельнее, относительное богатство летописных известий о ней объясняется также самым происхождением Начальной летописи. При всей общности ее характера все-таки очевидно, что она возникла в Киеве и что составитель ее гораздо ближе и с большими подробностями знал события, совершавшиеся в Киевской Руси, чем в других краях молодого государства. Они представляли для него самый живой и существенный интерес, между тем как сведения о жизни в других частях Руси доходили до него только в общих, главных чертах и в таком

виде заносились в летопись. Поэтому известия летописи о восточном Поднепровье, «верхних землях», Подвинье, Новгородской области отличаются краткостью, отсутствием подробностей, причем, естественно, географические указания встречаются в них еще случайнее, реже, чем в известиях о собственной Руси. Что касается юго-восточной Руси, то, кроме скудости летописных известий, изучение ее географии значительно затрудняется недостатком того важного материала, какой могут в известной степени представлять данные географической номенклатуры. Во весь древний период нашей истории юго-восточная Русь подвергалась постоянным опустошительным набегам соседних степняков, набегам, которые завершились конечным разорением ее от татар. Постоянная опасность извне не позволяла славянству утвердиться здесь с надлежащей крепостью, хотя бы и так, как оно могло утвердиться в Киевской Руси и в землях прикарпатских. Отсюда шли постоянные выселения на более безопасный север. Места выселенцев занимали выходцы из других славяно-русских земель, но чаще всего они оставались незаселенными, или же становились добычей степных варваров. После татарского погрома произошла полная смена населения юго-восточной окраины. Такие перемены не могли не отразиться и на ее географической номенклатуре. Большая часть старорусских названий не только топографических, но даже хорографических исчезли в этих переворотах. Весьма немногие местности удержали те названия, под которыми они являются в кратких летописных известиях. Названия племенные или староземельные, которые могли бы послужить указанием — конечно, весьма шатким и

сомнительным — при определении прежнего пространства славяно-русских ветвей или земель, исчезли. В то же время неустойчивость и слабость населения, зависимость от азийцев не позволяли юго-восточному славянству развиваться свободно тем путем, каким шли другие славяно-русские ветви. Земли, сложившиеся у северян, радимичей и отчасти у вятичей, не могли достигнуть той самостоятельности и выработать такую отдельность, с какой являются земли по правую сторону Днепра. Их взаимные отношения были определены слабо, и их деятельность по обеспечению рубежей от соседей, как соплеменных, так и инородческих, была, как кажется, ничтожной в сравнении с такой же деятельностью славян на запад от Днепра. Доказательства этому представляются, между прочим, в том, что до нашего времени в древних пределах юго-восточной Руси почти не сохранилось тех следов земельных порубежий, какие мы находим на правом берегу Днепра в многочисленных городках, стражах, воротах, осеках, межах, рубежах и т. п. Может быть, однако, что археологические исследования прольют новый свет на этот важный и темный вопрос древнерусской истории.

По известию летописи, область северян (север, северо²¹⁵) простиралась по Десне, Семи (Сейму) и Суле. Следовательно, она прилежала на западе к полянской и кривской землям, с севера — к радимичам, жившим по Соже, на северо-восток к поокскому населению вятичей, представляя на юго-востоке и юге славяно-русскую Украину с кочевьями азийских выходцев. Их западная окраина во всяком случае доходила до Днепра. Это видно из обстоятельств, сопровождавших раздел русской земли между братьями Володимировичами Мстис-

лавом и Ярославом в 1024 году, когда Мстислав Тмутораканский, одержавши над братом победу в известной Лиственской битве, благодаря поддержке северян²¹⁶, добровольно уступил ему Киев, а за собой удержал Чернигов, причем Днепр остался рубежом их владений. Мы видели, что в XII веке киевские владения простирались узкой полосой по левой стороне Днепра от низовьев Десны до устья Курани. Но эти владения имели характер подгородных мест Киева и даже в то время несколько не ослабляли порубежного значения Днепра, разделявшего киевскую и черниговскую стороны. Что касается кривичско-северянского порубежья, то некоторые указания на него может представлять топографическая номенклатура волока, разделяющего течение Брягинки и Днепра. Здесь по правую сторону Днепра к юго-западу от Радуля лежат селенья Севки и близ него — Сутава (к юго-востоку), Кривец (на юг), Новое Городище на реке Брягинке, далее на север опять Кривец близ местности Лоева и у верховьев Брягинки — Вышпо-меж. Такое совпадение данных современной географической номенклатуры на таком небольшом сравнительно пространстве не позволяет видеть в нем ничего случайного, и едва ли будет слишком смело допустить, даже основываясь только на этих данных, не подкрепляемых иными свидетельствами, что здесь, на этом Брягинско-Днепровском водоразделе, сходились рубежи земель северской, кривской, радимичской и полянской. По левую сторону Днепра северный предел северян составлял, без сомнения, водораздел между Сожью, которая была занята радимичами, и полостью Десны (реки Свинь или Замглай, Сновь). Летопись указывает тут чернигово-северские го-

рода Любечь, теперь местечко на Днепре, Листвен (1024 год; Лавр., с. 64), который приурочивается к селу Листвену, лежащему на юг от уездного города Городны, на ручьях вливающихся в Сновъ с левой стороны, Ропск (на Снови), Новгород, за которым удержалось по преимуществу название Северского. На подробных картах этого края замечаются, кроме Городни на речке того же имени, через Смячь вливающейся в Сновъ, еще несколько названий, которые нельзя опустить из виду при определении этнографического распространения северян, а именно: Страшиво (Страживо) к юго-западу от Стародуба и верстах в 10 от него к северо-западу; Рубежное, близ которого село Большой и Малый Кривец (в Новозыбковском уезде), а также Городище у Судости в Стародубском уезде к юго-востоку от уездного города и вблизи Погара, древнее название которого Радогощ едва ли не сохранило след племенного наименования радимичей. Далее на север по Десне северянские поселения простирались между радимичами и вятичами. Земельный рубеж с вятичами должен был проходить по Окско-Деснянскому водоразделу, где летопись указывает в XII веке местности, которые, хотя и принадлежали к Черниговскому княжеству, но тем не менее не причисляются ей к земле вятичей, и которые, следовательно, могут быть отнесены к области северских заселений. Таковы Болдыж Лес (1145 год; Ипат., с. 26), урочище на пути из Путивля и Севска в Корачев, там где теперь указывается село Болдыж у города Дмитровска Орловской губернии, Корачев, Домагощ (1147 год; Ипат., 1145 год), Дьбрянск (Брянск. 1147 год; там же), Выщиж (1142 год; там же) на Десне в 40 верстах выше Брянска²¹⁷. Здесь, на этом

водоразделе, в холмистой и лесистой местности по восточным границам теперешних Дмитровского и Карачевского уезда замечаются теперь городища: Криво-Городище на Кроме, левом притоке Оки, Водоцкое Городище в южной части Карачевского уезда, Верхний и Нижний Городцы по дороге из Севска в Карачев, к западу от Городища Водоцкого, близ них несколько далее на запад — Городи на ручье, с юга вливающимся в Деснянский приток Навлюю. Как далеко на север за верховья Десны простирались северянские заселения, указывают названия левого притока Москвы-реки Северска, известного под этим именем с начала XIV века, и города Свирельска, бывшего Черниговской волостью на ростово-суздальском порубежье. Впрочем, в этом краю, как уже было сказано выше, первоначальное население составляло инородческое племя мери, и славянство является здесь населением пришлым, хотя и в весьма отдаленное время. Сколько можно судить по топографической номенклатуре, колонизация шла сюда с разных концов восточного славянства, и главным деятелем в ней было великое племя кривичей.

Юго-восточные расселения северян шли по Семи (Сейму), с областью которого Подесенье сближается рекой Севой, вливающейся в Десну через Нерусу. Здесь только указывает их летопись, но есть много оснований думать, что они простирались даже в эпоху образования Русского государства гораздо далее на восток и юго-восток, в область Северного Донца, известного на Руси под именем Дона, как то видно из описания похода на половцев в 1111 году²¹⁸, и в область самого Дона. По известиям мусульманских писателей IX—X веков, славяне составляли в Хазарии,

простиравшейся по Дону и Волге до Кавказского хребта, не только значительную часть городского населения, но довольно многочисленное оседлое, следовательно, деревенское или сельское население, из которого, как свидетельствует Баладури²¹⁹, сирийский вождь Марван в набеge на Хазарию вывел до двадцати тысяч славян. Нет нужды ни предполагать в этих славянах те славянские ветви, которые по известиям нашей летописи платили дань казарам (то есть северян по Десне, Семи и Суле, вятичей, радимичей и полян), ни отвергать справедливость этого известия, опираясь только на то соображение, что сирийский вождь не мог проникнуть так далеко в глубь Восточно-Европейской равнины — на Днепр, Сулу, Сейм, Сож, Оку. Он нашел оседлое славянское население в пределах самой Хазарии, в плодородных поречьях Северного Донца и Дона. По прямому свидетельству Массуди, еще в его время (во второй половине X века) русские и славянские племена языческой религии обитали в пределах Хазарии. Они имели особого судью, который судил их по закону язычества, то есть по закону разума. Русь и славяне составляли войско царя и его прислугу²²⁰. Самый Дон у многих из мусульманских писателей, вообще хорошо знакомых с восточными окраинами Европейской России, называется Славянской рекой. Это название, еще чаще придаваемое Волге, должно было явиться не только вследствие того, что верховья этих рек лежали в земле славян, но и в силу того, что на их побережьях и в их полости славянство, если и не было населением, преобладающим по численности, то заявило себя достаточно самобытной и сильной деятельностью среди кочевого и перемежающегося азийского на-

селения. Это название дает также основание предполагать, что на юго-востоке равнины славянство могло простираться по крайней мере до нижнего течения Волги, которая у теперешнего Царицына отделяется таким незначительным волоком от полости нижнего Дона. Существование Тмутаракани, славяно-русской колонии на устьях Кубани, начало которой относят обыкновенно к X веку, показывает, что славянское население в глубокой древности доходило по Черноморскому побережью до Кавкасинских гор, в соседство ясов, касогов и обез²²¹. Сильное Хазарское царство, опираясь само главным образом на славянство, обеспечивало славянству, жившему в его пределах, спокойное существование. С падением его под ударами русских князей Олега и Святослава, с подчинением его территории власти Руси единоплеменное или родственное славянское население естественно должно было получить перевес над инородческим населением. Связь с Поднепровьем через низовья Дона и Донца по левым притокам Днепра, очевидно, усилилась. Торжество христианства в Поднепровской Руси отразилось в Тмутаракани основанием особого епископства, стоявшего с Киевом в близких и частых сношениях. Окруженная со всех сторон враждебными соседями, — горными ясами и касогами с юга, греками с запада, азийскими степняками — постоянно наплывавшими с востока, Тмутаракань, пока не пала окончательно в конце XI века, служила убежищем и приютом для многочисленных выходцев из разных концов русского славянства, которых влекли туда жажда воинской деятельности, чести и добычи, отчасти же недовольство своим положением на Руси. Здесь, в местном населении, князья-изгои легко нахо-

дили себе дружину и союзников в воинственных инородцах и воев в местном славянстве. Так мы видим, что первый тмутараканский князь Мстислав Володимирович, предъявивший свои права на владения в Приднепровской Руси, является с инородческой дружиной, казарами и касогами, и с воями-северянами. Постоянная связь Тмутаракани с Черниговом, зависимость ее от черниговских князей, которая признавалась на Руси делом законным и бесспорным²²², могла основываться только на племенном или земельном сродстве ее славянского населения с населением Подесенья, Посемья и Посулья, и заставляет видеть в славянском населении этого края разветвление северян. С падением власти русских князей в Тмутаракани, с усилением азийских кочевников на Понтийском побережье, славянское население на юго-восточной окраине исчезает. С начала XII века его крайние следы замечаются только на Доне, то есть собственно теперешнем Северном (Северском) Донце, но уже среди господствующего и преобладающего инородческого населения. В городе Шарукани видно население, близкое русским воям, по крайней мере, по вероисповеданию, очень может быть, по языку и происхождению. В конце XII века крайним славяно-русским пунктом был город Донец²²³, в котором знаменитый Игорь Святославич нашел безопасный приют после одиннадцатидневного бегства из половецкого плена²²⁴. Как далеко на юг простирались славянские поселения на восточной стороне Днепра, неизвестно. К концу X века мы застаем их окраины на Суле реке, но если и здесь славянское население было также принуждено постепенно отступать к северу перед наплывом степных инородцев, как то было на западной

стороне Днепра, то необходимо допустить, что их первоначальные поселения заходили гораздо далее на юг.

Ближайшими соседями северян были радимичи, поселения которых Начальная летопись указывает по реке Соже. Эта ветвь восточного славянства занимает в ряду других ветвей, по степени самостоятельности, с какой они являются в эпоху образования Русского государства, едва ли не последнее место. Нет сомнения, что они, как и соседи их вятичи, выделились из среды славянства позднее других. Во времена летописца еще сохранялись предания об их общем происхождении от ляхов, об их родоначальниках Радиме и Вятке — предания, каких летопись не знает уже относительно других племен и земель, и которые поэтому уже могут служить признаком более позднего обособления по-окского и по-сожского населения из общей массы славянства. Весьма вероятно, что союз родов в этих землях, особенно же у радимичей, по самой недавности образования, не успел еще окрепнуть к эпохе заложения Русского государства, и что в этом надо искать причин незначительности роли, которую занимала земля радимичей в период, обнимаемый Начальной летописью. Сообщив предание об их происхождении, летопись опускает их в рассказе о племенах, плативших дань казарам, хотя они и принадлежали к их числу. Из обстоятельств, которыми сопровождалось подчинение радимичей Руси, видно, как слабо и несамостоятельно было это племя, даже в сравнении с северянами и вятичами, которые, как окраинное население, более подвергались внешним опасностям и, по-видимому, должны были бы оказать по отношению

к Руси менее устоя, чем защищенные ими радимичи. Последние приняли власть русских князей без борьбы и сопротивления, путем переговоров. «Посла, говорит летопись под 884 годом (Лавр., с. 10), Олег к Радимичем, река: кому дань даете? Они же реша: Козаром. И рече им Олег: не дайте Козаром; но мне дайте, — и в даша Ольгови по щелягу, якоже Казаром даху». Далее летопись, упомянув их в числе племен, принимавших участие в Олеговом походе на греков, забывает их почти до самого конца X века. Последнее известие о радимичах также мало говорит в пользу их земельной особности и самостоятельности и, как взятое несомненно из народного предания, отразило в себе довольно неуважительный взгляд тогдашней Руси, то есть Киевского Поднепровья, на это слабое племя. Победа, одержанная над радимичами на реке Пищане воеводой Володимира Святого Волчьим Хвостом в 984 году, подала повод Руси «коритися» им «глаголюще: Пищаньци вольчьья хвоста бегаютъ» (там же, с. 36). В эпоху составления «Повести временных лет» радимичи платили дань Руси и везли повоз (там же).

Все эти краткие известия свидетельствуют о крайней слабости радимичей как отдельной земли. Но еще больше она доказывается отсутствием в летописи даже самых отдаленных намеков на существование у них городов, которые имели бы центральное значение для их земли. Видно, что племя это, войдя в состав Черниговского княжения, очень скоро потеряло всякую тень самостоятельности. Конечно еще в XII веке летопись пользуется именем радимичей для обозначения одного из путей из Киевского Поднепровья в Суздаль (Ипат., с. 77). Но едва ли можно принять

это в доказательство тогдашней особенности их земли. Напротив, два города, известные в XII веке в Посожьи, Чичерек (1159 год; Ипат., с. 84) и Гомьи (1142 год; там же, с. 54), являются простыми волостями черниговских князей, не составившими даже особых уделов, между тем как в других княжениях старославянские земли легли в основу удельного расчленения. Как кажется, здесь надо искать причин недостатка как летописных свидетельств, так и указаний современной топографической номенклатуры, для определения — сколько-нибудь приблизительного — географического распределения радимичей. Как кажется, однако, область Сожи, где указывает их летопись, была занята ими не вся. В южной части ее радимичские поселения могли сходиться с кривскими с одной стороны и с северскими — с другой. На волоке, отделяющем нижнее течение Сожи от ложа Днепра, мы видим (в северном углу Речицкого уезда) Кривск на реке Узе и близ него Радеев. Затем в южной части Рогачевского уезда Городец на реке Ржавце и Городок близ верховьев Сожского притока Чечоры и несколько севернее Городец с окрестными селениями Кривском и Сытоками. Далее на север (в теперешних уездах Старобыховском, Чауском и Чериковском) вовсе незаметно радимических наименований, за исключением Радимли на реке Проне. Здесь преобладают кривские названия, так что весьма вероятно, что область верхней Сожи, по крайней мере от устья Вехры, на которой в XII веке мы видим смоленский город Мстиславль (1156 год; Ипат., с. 80), была занята кривскими заселениями, и радимичи не успели в ней утвердиться. Порубежье с северянами мы старались определить выше,

именно водоразделом Посожья со Сновью, хотя есть основание предполагать, что восточные расселения радимичей или заходили в глубь северской земли, или же, может быть, даже окружали ее с северо-востока, отделяя ее от по-окского населения вятичей. На такое предположение наводит целый ряд местных названий, напоминающих радимичей, который замечается в области Десны, Сейма и Верхней Оки. Так мы видим: в области Десны, кроме Радогоща, Радоща, известного уже с XII века (1155 год; Ипат., с. 77; теперь Погар на Десне), Радомку к западу от Новгорода Северского на Олешне, притоке Убеди, речку Пещань, с левой стороны вливающуюся в Десну, близ селений Радчина, Радинского и Радушина в южной части Брянского уезда; Радовище на речке Радовище, вливающейся в Вытебеть Карачевского уезда; речку Радицу, левый приток Болвы (на юге Жиздренского уезде), на Нерусе Радогощ, ниже Дмитровска, и на одном из левых притоков ее, к юго-западу от Дмитровска Радогощ (тут же к юго-западу от Севска Ратковичи); в области Сейма — Радубеж, Радегощ, Радудичи. Обилие местных названий, сходных с земельным именем радимичей в области Оки, указывает, что и радимическая ветвь славянства принимала деятельное участие в колонизации этого первоначально финского края. На правой стороне Оки такие названия не заходят севернее Упы, в области которой лежат Радугощ, Радугище и Радушное, к северо-востоку от Одоева, тогда как по левым притокам Оки они замечаются в области Жиздры, Угры, Протвы, даже Москвы-реки, хотя и в весьма незначительном числе²²⁵. Крайней на северо-востоке ветвью русского славянского населения были родственные

радимичам вятичи. Их географическое положение летопись определяет Окой. Но и это определение, подобно многим другим летописным указаниям, можно понимать только как приблизительное и общее, ибо, по свидетельству этнографического введения той же летописи, еще в ее время в нижнем течении Оки, «по Оце реце, где потече в Волгу», сидело финское племя муромы. Сверх того мы видим, что поселения мери и мордвы должны были заходить также в область средней Оки. Таким образом, земля вятичей занимала только часть Окской полости. Описание известной борьбы между Мономашичами и Ольжичами XII века, в которой земля вятичей является одним из главных мест действий, дает некоторую возможность определить, что именно разумелось под вятичами в этом веке, а свидетельство XII века имеет, конечно, важное значение для уяснения географического распространения этого племени в более раннее время. Из похода Изяслава Мстиславича киевского на Святослава Ольговича в 1146 году видно, что в то время крайними на востоке черниговскими городами, не входившими в состав вятичей, были Корачев (Карачев)²²⁶ и Дьбрянск (1146 год; Ипат., с. 28—29) в Подесенье. Были ли то северские или радимичские города, неизвестно²²⁷; но по определительному указанию летописи, земля вятичей отделялась от Корачева лесом, и ближайшим к ним вятическим городом является Козельск на Окском притоке Жиздре. Такими же Черниговскими волостями, не принадлежавшими, однако, к земле собственно вятичей, являются Обловь или Блове с городом того же имени²²⁸, несомненно местность по течению левого притока Десны Болвы, Болдыж Лес, на

пути из Севска в Карачев и Домагощ (на Нерусе). Так что лесистый и холмистый водораздел между деснянскими притоками Нерусой, Навлей, Ревной и Болвой с одной стороны и окским притоком Жиздрой с другой может быть принят западным порубежьем земли вятичей. С юга их расселения едва ли не ограничивались побережьем Зуши, ибо в половине XII века город Мченск (Мценск)²²⁹ является уже вне вятичской земли. Как далеко на север и восток простирались коренные поселения вятичей, определить трудно. С этих сторон они сходились с инородческими племенами мери, мордвы, мешеры, которые должны были издавна отступить перед их колониационным движением вниз по Оке и вверх по ее притокам. Нет сомнения, что в Рязанско-Муромском крае, даже в южной части Ростово-Суздальской области XII века вятичи издавна составили один из важнейших элементов славяно-русской колонизации. Но связь этих областей с Кривско-Словенскими землями, замечаемая с первых времен нашей истории, дает основание предполагать, что в колонизации их более деятельное участие должны были принимать поднепровские и по-ильменские славяне. Во всяком случае по летописным известиям XII века следует заключить, что земля собственно вятичей того времени простиралась от Зуши вниз по Оке, ограничиваясь ее течением с северо-запада, до Осетра, за которым начинались земли, первоначально занятые мордвой, в эпоху Русского государства уже колонизованные выходцами из разных концов восточного славянства. На юго-восток они могли доходить по Сосне до верхнего Дона и Воронежа, в соседство северских расселений. В это время чисто вятичскими городами являются

Козлеск или Козельск (на Жиздре), Дедославль, где в 1147 году черниговские князья Давидовичи созывали вече вятичей (Ипат., с. 29; теперешняя Дедилова Слобода к юго-востоку от Тулы на Шивороне, притоке Упы); близ истоков Осетра — село Дедиловские Выселки; Лобынск (Люблинец Амосов) против устья Протвы, Неринск, как вероятно, у устья Нары, и Колтеск, теперешнее Колтово на Оке, выше Каширы, были порубежными вятичскими городами с Ростово-Суздальской землей (1147 год; там же, с. 28, 29). В этих пределах открываются следы единственного города вятичей, известного Начальному летописцу, именно Корьдны, о походе на которую упоминает Мономах в своем «Поучении» (Лавр., с. 103). Она приурочивается к подобнозвучащим теперешним местностям — Карнадьи, что на Зуше, к северо-востоку от Новосиля, или к Карникам и Карничкам, что на речке Карнике, через Шату вливающейся в Дон, к востоку от Тулы. Может быть, остатки земельного имени вятичей сохраняются доныне в названиях селений Вятского на реке Старке в Тарусском уезде, по Калужской дороге в Серпухов, Вятчина на реке Святице по дороге из Мосальска в Ельну.

Земли северян, радимичей и вятичей вошли в состав Русского государства в разное время и на различных условиях. Но благодаря географическому положению своему уже в период Начальной летописи они являются в тесной связи между собой. О подчинении радимичей киевским князьям мы имели уже случай говорить. Признав над собой добровольно, по соглашению, власть Олега, освобождавшего их от казар в 885 году, они через сто лет сделали неудачную попытку восстать против

Киева и затем почти без следа исчезают из истории. Несколько раньше были подчинены северяне, обнаружившие по отношению к Руси более земельной самостоятельности и особенности. Покорение их Олегом, которое летопись относит к 884 году, совершилось не без борьбы. Олег должен был лично предпринять поход на них, и из краткого летописного известия видно, что он встретил сопротивление главным образом в той части северянской земли, которая стояла в более тесной связи с казарами²³⁰. Чтобы удержать за собой северян, он возложил на них «дань легку». Близость неприятельных и еще сильных соседей казар заставила киевских князей обращать особенное внимание на эту окраинную землю. Уже при Олеге у поднепровских северян возникли княжеские города Чернигов и Переяславль, мало-помалу сделавшиеся центральными пунктами. Первый — для Северянского Подесенья, второй — для Посулья. Как известно из Олегова договора с греками, в них сидели князья «под Олегом сущее», и на них взяты с греков особые уклады. Здесь они являются уже со значением первенствующих городов на Руси после Киева. То же самое замечается и в Игорева договоре. Нет сомнения, что уже в это отдаленное время, под влиянием Чернигова и Переяславля, стало ослабевать земельное единство северян, что у них тогда еще начали вырабатываться воности, во второй половине XI века окончательно сложившиеся в особые княжения Черниговское и Переяславское. Тем не менее из раздела русской земли между сыновьями Владимира Святого и из последующего хода событий нельзя не заключить, что в X и в начале XI века русским центром Северской земли служила отдаленная Тмутаракань.

При Владимире Святославиче Тмутаракань является единственным княжеским уделом на восточной стороне Днепра, уделом, в который должны были входить все славянские земли, по левую сторону этой реки, подчиненные Руси. То была волость Владимировича сына Мстислава, в борьбе которого с братом Ярославом усматривается, как было замечено выше, такая тесная связь Тмутаракани с северским населением. Усиление Тмутаракани было естественным последствием войн Олега и особенно Святослава с казарами и походов русских дружин, которые, разрушив Хазарское царство, раздвинули пределы Русского государства до Кавказских гор. Необходимость борьбы с кочевыми выходцами из Азии, с соседними горными племенами и греками заставили русских князей выбрать эту окраину центром своей военной и административной деятельности на юго-востоке и притянуть к нему славяно-русские земли восточного Поднепровья. Впрочем, невыгоды такого центра скоро обнаружились. В начале XI века Мстислав, овладев левым побережьем Днепра, перенес свой стол в Чернигов, и уже с того времени Тмутаракань снизошла на степень второстепенного удела Черниговского княжения. Попытки князей-изгоев оторвать ее от Чернигова и образовать из нее отдельную и самостоятельную волость не имели успеха. Отдаленность ее от Поднепровья, слабость местного славяно-русского населения и усиленный наплыв азиатских кочевников повели за собой падение в Тмутаракани русской власти. К концу XI века она выходит из ряда русских волостей. Летопись говорит о ней в последний раз под 1094 годом, а из XII века о ней дошло до нас только имя в поэтических сказаниях «Слова о полку Игореве»²³¹.

Раздел русских земель между сыновьями Ярослава окончательно закрепил распадение северской земли на княжения Черниговское и Переяславское. Составляя юго-восточную окраину русских владений со стороны степей, оба они имели задачей служить оплотом Руси против степных варваров, сдерживая их нападения. Эта задача обусловила во многом их исторические судьбы. Но для Переяславского княжения, открытого для степняков с востока и юга, исполнение ее было труднее, чем для княжения Черниговского, защищаемого им с юга. Поэтому, несмотря на богатую природу, на выгодное положение при Днепре, князья, сидевшие в Переяславле²³², действительно «много бед принимали от рати и голода» («Поучение Мономаха», с. 103), и по отношению к Чернигову он всегда занимал второе место. Естественно, что при таких условиях, он не мог достигнуть самостоятельности, и с конца XI века, с усилением кочевых орд, он вступает в тесную связь с Киевом, составляя почти не более, как удел Киевского княжения.

Переяславское княжение занимало область по Трубежу, Супою и Суле до Ворсклы, простираясь на север и северо-восток до верховьев этих рек, до водораздела их с областью Десны и Сейма с одной стороны, Северного Донца — с другой. На северо-западе оно примыкало к собственно киевским владениям, находившимся на левой стороне Днепра, где, как это видно из известия XII века, рубеж шел по речке Корани (1139 год; Лавр., с. 134; теперешней Карани, левому притоку Трубежа, затем по Днепру). Что касается южной границы, то, как и на Киевской стороне, она изменялась соответственно ходу борьбы Руси со степняками. Известие о деятельности Владимира Святого в

этом краю, первое, записанное в Начальной летописи, указывает самые южные города, основанные этим князем, на реке Суле (Лавр., с. 52). В них были поселены «лучшие мужи от Словен и от Кривич и от Чуди и от Вятич» — явный знак, что местное славянское население было тогда слишком слабо, или же что его вовсе не было на этом южнорусском порубежье, что оно уже отступило в более безопасные места от нападений печенегов. Но как ничтожны были вновь основанные города для защиты Переяславля, видно из последующих летописных известий. Уже при Владимире Святорм, под 992 годом, летопись говорит о набеге на Переяславль печенегов, пришедших из-за Сулы. Встреченные князем на Трубеже, они были прогнаны благодаря русскому богатырю, который «переславу» у богатыря Печенежина (там же, с. 53). Как известно, с этой победой летописное предание связывает основание Переяславля, впрочем, несомненно, существовавшего ранее. Весьма вероятно, что новое укрепление, перестройка этого города подала повод к летописной легенде, тем скорее, что она представляла наглядное объяснение происхождения его названия. Хотя Борис Святой, отправленный из Киева на печенегов (1015 год), не нашел их в пределах Переяславского княжения. Но тем не менее все известия до конца XI века указывают, что местом борьбы их с русскими князьями служили окрестности Переяславля, тогда как на юго-востоке они свободно проникали до Подесенья и Посемья. Так, в 1017 году Святополк, поддерживаемый печенегами, был разбит братом Ярославом на реке Альте (Лавр., с. 62). В 1067 году на Альте же киевский, черниговский и переяславский князья нанесли поражение по-

ловцам (там же, с. 74). В 1078 году была битва с ними у Нежатины Нивы, теперешнего Нежина (Лавр., с. 86)²³³, битва, в которой пал великий князь Изяслав. В следующем году половцы с изгоем Романом Черниговским подходили к Воину, теперешней Войнице в 11 верстах к югу от Переяславля на реке Броварке. Всеволод, бывший тогда в Переяславле, заключил с ними мир (там же, с. 87). Как кажется, уже тогда Русь поняла необходимость ограждать свои степные порубежья от «диких» кочевников теми из их сородичей, которые начинали привыкать к оседлости и находили выгодным признавать себя в зависимости от русских князей. С конца XI века на киевской стороне Днепра становится известен Торцийск, Торческ, Торцийский град, город торков, прежде кочевого, а тогда уже полуседлого населения. Несколько ранее известны торки, поселившиеся на левой стороне Днепра и признававшие над собой власть переяславского князя. По указаниям XII века, они занимали область в окрестностях Баруча, города, лежавшего близ городов Бронь-Княжа (1125 год; Лавр., с. 129; теперешнего Браницы в Кролевецком уезде на речке Грабаровке, левом притоке верхнего Трубежа), Нежатины (1135 год; там же, с. 132), Городка (там же; теперешний Городня на Сможе, с левой стороны впадающей в Удай выше Прилук) и Серебряного (Ипат., с. 107; теперешняя местность Сребного, Прилукского уезда, по Роменскому тракту, на реке Лысогоре), то есть или в северной части Прилукского, или в южной Нежинского уезда, может быть, в окрестностях теперешнего хутора Барышовцова, принадлежащего селу Носовке (Нежинского уезда на границе с Прилуцким). Впрочем, это полуседлое насе-

ление не всегда оправдывало ожидания русских князей и весьма часто обнаруживало враждебность против них и коренного славянского населения. В 1080 году, по известию Начальной летописи, переяславские торки заратились на Русь и были усмирены Владимиром Мономахом (Ипат., с. 87). В первой четверти XII века торки сами бежали из русской земли (1120 год; там же, с. 128) вместе с печенегами (1121 год; Ипат., с. 8) «и тако мятушся сде, онде, и тако погыбоша». В то же время берендичи были прогнаны Мономахом (там же). Несмотря на то, и позднее замечаются остатки этого порубежного полукоочевого-полуоседлого населения Переяславской области, в тех же Торках, а также в Турпях, державшихся окрестностей Переяславля (1150 год; там же, с. 50), и в Коуях черниговских (там же, с. 130). Может быть, благодаря этому живому оплоту на южном порубежье Переяславского княжения, но более всего энергической деятельности Мономаха, к концу XI века кочевники были принуждены ограничить свои опустошительные набеги областью Сулы, не заходя севернее побережья среднего Удая. В это время переяславцы только два раза видели нападение их на окрестности своего города, в 1096 году, когда половецкий хан Куря сжег Устье, по всей вероятности, Трубежа (Лавр., с. 97), и в 1107 году, когда знаменитый Боняк захватил коней у самого Переяславля (там же, с. 120)²³⁴. По Удаю и Суле мы видим ряд укреплений, которые или были возобновлены или вновь поставлены Мономахом. Они сдерживали нападения половцев. Таковы были: по Суле — Ромен (теперешний Ромны), к которому ходил на половцев Мономах с Олегом Черниговским («Поучение Мономаха», 104); Пе-

сочный, разоренный половцами в 1092 году (там же, с. 92)²³⁵, Къснятин (теперешний Скнятин Лубенского уезда) и Лубен (Лубны), подвергавшиеся нападению Боняка («Поучение Мономаха», с. 103, 1107; 120); Горошин, в 1086 году взятый половцами («Поучение Мономаха», с. 103), теперешний Горошин на границе Хорольского уезда с Лубенским. По Удаю — Прилук, теперешний Прилуки, и Переволок (1092 год; Лавр., с. 92), теперешний Переволочное, к востоку от Прилук. В степных походах, которых необходимость для ослабления половцев была впервые указана Мономахом, русские князья проникали за Хорол (1086 год; «Поучение Мономаха», с. 103; 1107 год; Лавр., с. 120), Голтав, притоки Псела, и на юго-востоке до Дона. Но здесь уже не видно следов постоянного оседлого населения; здесь начинались половецкие вежи и кочевья.

Что касается юго-восточного и восточного рубежей Переяславского княжения, то они, очевидно, заходили гораздо далее за область Сулы, захватывая верхнее течение не только этой реки, но и Псела, Голтвы и, может быть, Ворсклы. Указания на это представляют немногие данные, сообщаемые Начальной летописью и ее ближайшими продолжениями. Начальная летопись называет здесь только два города — Старую Белувежу и Римов («Поучение Мономаха», с. 103, 104), под которыми половцы потерпели поражение от Мономаха. Римов, скорее всего, приурочивается к теперешнему селу Римовка, на притоке Псела Груне к северо-востоку от Гадяча. Положение Старой Беловежи определить нельзя. Но во всяком случае ее не следует смешивать с черниговским городом Белой Вежей, возникшем несколько позднее, и остатки

которого сохранились доныне у немецкой колонии Белемешь, близ верховьев Остра²³⁶. По прямому свидетельству Мономаха, Старая Белавежа находилась на Суле или за Сулой, к востоку от Прилук. Известие южнорусской летописи 1149 года о том, что Юрий Долгорукий целый месяц ожидал у этого города союзников своих — половцев, готовясь к походу на Переяславль, указывает, что то был крайний украинный город на степном рубеже (Ипат., с. 42). В известиях о событиях XII века летопись называет поселение Лтаву на реке Ворскле (1174 год; там же, с. 107), вероятно, порубежное укрепление на месте теперешней Полтавы. Несколько позднее начало Половецких кочевий мы видим за рекой Мерлью, левым притоком Ворсклы (1183 год; там же, с. 128). В каких отношениях к Переяславлю находился город Донец, упоминаемый в летописном рассказе об известном походе на половцев Игоря Новгород-Северского 1185 года (там же, с. 134), тянул ли он к Переяславлю или к черниговскому Посемью — определить невозможно. На северо-востоке переяславский рубеж должен был проходить первоначально у сближающихся между собой верховьев Ворсклы, Псела и Сулы, по холмистому водоразделу их с Посемьем. Между Посемьем и переяславскими владениями простиралось поле (1127 год; Ипат., с. 35). Здесь в XII веке мы видим значительные порубежные городки-укрепления — Попаш и Въяхань (там же), точное положение которых, впрочем, неизвестно²³⁷. Но в конце XI века, в эпоху борьбы Мономаха со Святославичами, к Переяславскому княжению принадлежала также область левого притока Сейма Выря с городом Вырем или Выревым²³⁸, которая стоит, однако, в естественной связи с Посемьем и

потому уже должна была первоначально принадлежать к этой окраине Черниговского княжения. Такое предположение подтверждается сверх того постоянными стремлениями черниговских князей овладеть этой областью, стремлениями, которые в половине XII века увенчались желанным успехом. Дело в том, что Посемье было одинаково важно и для Чернигова и для Переяславля, ибо оно служило обычным путем из поля в Северскую Русь для половцев, в которых черниговские князья находили себе постоянных союзников. Естественно, что, враждуя с ними, Мономах понимал необходимость затруднить сношения Святославичей с кочевниками, перерезать пути, которыми ходили степняки к своим русским союзникам, и озабочился овладеть в Посемье Вырем как ближайшим пунктом в своей Переяславской волости. В «Починении» своем он говорит о нападении на Вырь половецких ханов Аепы и Боняка (Лавр., с. 103). В 1113 году половцы, думавшие воспользоваться смертью Святополка Киевского и смутами, каких они тогда ожидали на Руси, были отражены от Выря соединенными силами Мономаха и Олега (Ипат., с. 4). Как кажется, Выревская волость была возвращена черниговским князьям во второй половине XII века, когда Киевским столом овладел их постоянный союзник Юрий Долгорукий. В 1147 году выревцы отвечали на угрозы Всеволода Ольговича и Юрьевича «отдать их половцам в полон», что их князь — Изяслав (Мстиславич)²³⁹. С 1160 года мы уже видим в Выреве черниговских князей (там же, с. 87). На севере переяславско-черниговский рубеж шел по тому же водоразделу между Посемьем с одной стороны и притоками Сулы, а также Супоем и Трубежом — с другой до

киевского рубежа на восточном побережье Днепра. Из населенных мест Переяславского княжения летопись знает упомянутые уже нами Переяславль, который в XII веке, в отличие от других одноименных городов, получил название Русского, на Трубеже, стольный город княжения и в эпоху Начальной летописи митрополю. В 1008 году в нем построена первая, известная по летописям, церковь Воздвижения Креста (Никон. I, с. 112). Но лучшими постройками собственно город был обязан главным образом строительной деятельности митрополита Ефрема, который, окончив каменный храм св. Михаила, заложенный князем Всеволодом в своем монастыре (Всеволожем), построил новые церкви — св. Феодора на городских воротах и св. Андрея у тех же ворот. Сверх того он поставил «строенье банное, сего же не бысть прежде в Руси» и заложил каменный город, начиная от церкви св. Феодора (1089 год; Лавр., с. 89). В 1098 году на княжем дворе Мономах положил основание церкви св. Богородицы. В окрестностях Переяславля находились — к востоку, по левую сторону Трубежа, валы (1095 год; там же, с. 97; ср. 1150 год; там же, с. 139); как кажется, это урочище называлось также Обровью («Поучение Мономаха», с. 103), и селенье, может быть, городок, Воин, у которого в 1079 году Всеволод заключил мир с половцами (Лавр., с. 87), на месте теперешнего села Войницы на реке Броворке к югу в семи верстах от города. К северо-западу от города на реке Альте — Летское поле, урочище, на котором был убит св. Борис, и место битвы, решившей уособицу Святополка и Ярослава Владимировичей (1019 год; там же, с. 62). Далее вверх по Трубежу — Бронь князь — теперешняя

Браница на притоке Трубежа Грабаровке и близ него Баруч, может быть, Барышовцев у местечка Носова; в области Сулы, по Удаю, Прилук, и Переволоку, по самой Суле — Ромен, Песочен, Къснятин (Скнятин), Лубен, Горошин. Здесь же надо предположить урочище Съжицу, место битвы князей киевского Изяслава и черниговского Всеволода со Святославичами и половцами в 1078 году (там же, с. 85). Оно приурочивается не без вероятия к побережьям правого притока Сулы Оржицы, на котором теперь находятся местности Городище (Пирятинского) и Высокий Гроб (Лубенского уезда), и местность Воронице, откуда Мономах начал один из своих походов на половцев («Поучение Мономаха», с. 104), может быть, теперешние Вороницы на Слепороде, вливающейся в Сулу с правой стороны²⁴⁰, несколько ниже Лубены. Лукомль, упоминаемый в описаниях событий второй половины XII века как городище (1179 год; Ипат., с. 122) в эпоху Начальной летописи мог еще быть одним из посульских городов на месте теперешнего Лукомья между Лубнами и Горошиным. Варин, у которого Мономах взял половецкие вежи, и которого, по смыслу летописного известия, следует искать на переяславской стороне Днепра, принадлежит к местностям неопределимым.

Собственно Черниговское княжение только во второй половине XI века получило значение отдельного и самостоятельного княжения. При разделе русских земель между сыновьями Ярослава (1054 год) оно составило удел князя Святослава. Неудачная попытка его овладеть, при жизни старшего брата Изяслава, старейшим Киевским столом вопреки господствовавшим понятиям того времени о княжеских правах (1073 год) сделала его сыно-

вей изгоями и надолго передала его Черниговскую волость в руки Всеволода Переяславского и его сына Мономаха. Только после упорной и продолжительной борьбы, в которой погиб младший из Святославичей Роман (1079 год; Лавр., с. 87), брату его Олегу удалось при помощи половцев вытеснить из Чернигова Мономаха и овладеть отцовским уделом (1094 год; там же, с. 96). С тех пор Черниговское княжение уже не выходило из рода Святославичей. К тому же времени оно определилось окончательно в своем составе и рубежах. Как мы уже видели, Тмутараканская волость, первоначально тесно связанная с Черниговом, с конца XI века исчезает из ряда русских владений. С ее потерей, юго-восточная Украина Черниговского княжения ограничивается верхним Посемьем с центральным городом Курском, к которому уже, может быть, в эпоху Начальной летописи, тянула вся область, в XII—XIII веках составлявшая земли Курского княжения. Но потеря Тмутаракани была с избытком вознаграждена закреплением за черниговским уделом земель Вятичской и Рязанско-Муромской. Как известно, первое присоединение вятичей к Русскому государству относится ко времени походов Святослава на Оку и Волгу и его войн с казарами и стоит с ними в связи. Святослав завоевал вятичей и обложил их данью в 966 году уже после покорения Хазарского царства (там же, с. 27). Воспользовавшись ослаблением Руси вследствие неудачной войны болгарской, нападений печенегов и смут, поднявшихся после смерти Святослава, вятичи успели вернуть себе независимость. Но эта земледельческая область, лежавшая на старинном торговом пути из киевского Поднепровья в Поволжье, была слишком

привлекательна и важна для киевских князей. Так мы видим, что Владимир Святой, только что утвердившись в Киеве, поспешил снова подчинить себе вятичей: «Вятичи победи и възложи нань дань от плуга, якоже и отець его имаше» (981 год; Лавр., с. 35). Новое восстание их в следующем 982 году не имело успеха (там же). Может быть, выселяя лучших людей «от Вятич» в города, вновь построенные на порубежье южной Руси, Владимир имел в виду тем самым ослабить самостоятельные силы вятичской земли и прочнее утвердить над ней свою власть. Но во всяком случае вятичи успели удержать за собой некоторую долю независимости до самого конца XI в. и имели своих племенных князей или вождей. Окончательное падение их самостоятельности относится ко времени Черниговского княжения Мономаха. Этот князь делал два похода «в Вятичи»: первый на Ходоту и на сына его, в которых нельзя не видеть старейшин или земельных князей этого племени, второй — на городок Корьдну, положение которого мы старались определить выше («Поучение Мономаха», с. 103). С тех пор вятичи оставались волостью черниговских князей, хотя еще в XII веке их область удерживала их племенное название.

Что касается муромской земли (1096 год; Лавр., с. 108), то нет сомнения, что первоначально она тянула к Ростово-Суздальской земле и вместе с ней к Новгороду. То было следствием участия словен и кривичей в колонизации области нижней Оки. Давняя связь Муром с Новгородом указывается, между прочим, тем, что летопись называет его в числе городов, которые новгородский князь Рюрик раздавал своим мужам. Со второй половины X века он получает уже значение особого

княжеского удела и составляет волость Володимиrowa сына Глеба (988 год; там же, с. 52). Затем из обстоятельств борьбы Олега Святославича с Мономахом и его сыновьями видно, что при разделе волостей между Ярославовыми сыновьями муромская земля вместе с Рязанью досталась на долю Святослава Черниговского, тогда как Ростов отошел к волости Переяславской²⁴¹. В тесной связи с Муромом стояла Рязанская область, точно так же первоначально занятая финской ветвью — мордвой, но уже в эпоху Начальной летописи колонизованная выходцами со славянского юго-запада. Она простиралась по правым притокам Оки — Проне и Цне и по верхнему Дону и его притокам.

Таким образом, к концу XI века рубежи Черниговского княжения охватывали, кроме подесенских и посемских северян, земли радимичей и вятичей и колонизационную область Муромо-Рязанскую. Они прилежали на севере к Суздальско-Ростовской земле и к Смоленскому княжению, на западе к княжениям Полоцкому и Киевскому, на юге к Переяславскому, тогда как на юго-востоке они терялись в кочевьях степняков, а на северо-востоке примыкали к землям мордвы и болгар. Южные и северные рубежи Черниговского княжения мы имели случай определить выше, — первые при рассмотрении границ Переяславского княжения, вторые — стараясь, на основании данных, предлагаемых летописными известиями и отчасти свидетельствами топографической номенклатуры, восстановить земельные порубежья радимичей с кривичами и вятичей с кривскими поселениями в юго-западной части Окской области. Западный рубеж Черниговского княжения составляло течение Днепра приблизительно от устья Бере-

зины, которое лежит между Полоцким городом Стрежевым (1159 год; Ипат., с. 89; теперешний Стрешин к югу от Рогачева) и Речицей, одним из крайних на Черниговском порубежье городов, как то видно из известия о походе новгородцев на Черниговскую волость в 1214 году (Новг. I, с., 32), и во всяком случае до устья Припяти. Названия уже отмеченных нами местностей на водоразделе между Брягинкой и Днепром (Высокомеж у верховьев Брягинки, Сутава, Севки, Кривичи) дают некоторое основание предполагать, что черниговские порубежные места заходили и на западную сторону Днепра. Сверх того Любечь, где, по словам летописи, была «вся жизнь» черниговских князей (1148 год; Ипат., с. 37), конечно, не мог стоять открытым на самом рубеже Черниговского княжения²⁴². Как вероятный остаток порубежных укреплений в окрестностях его нельзя не отметить село Воротвц на правом болотистом побережье Днепра на реке Речище (Черниговского уезда). К югу от устьев Припяти Днепр переставал служить рубежом Черниговского княжения. Мы видели, что низовья Десны принадлежали Киевскому княжению. Здесь ближайшим порубежным черниговским городом в XII веке является Лутава (1179 год; там же, с. 177; теперь село на Десне в шести верстах выше от Остра). Рубеж черниговско-перемыславский проходил, как мы уже видели, по водоразделу между Остром и Семью с одной стороны, Трубежом и Посульем — с другой. Область верхнего Сейма, которой по преимуществу придавалось название Посемья, имела центральным пунктом город Курск (1095 год; Лавр.), впоследствии составивший особый удел Черниговского княжения. Летопись не сообщает

относительно его области никаких географических данных. Но весьма вероятно, что уже и в ее время к нему тянула все те земли, которые впоследствии составляли Курское княжение. Именно юго-восточные окраины их могли достигать водораздела между верхними течениями Северного Донца и Оскола. В описании знаменитого похода Игоря Святославича на половцев 1185 летопись говорит, что этот князь, переправившись через Донец, два дня ждал брата своего, шедшего другим путем из Курска, на Осколе (Ипат., с. 130), — явный знак, что на пространстве до этой реки русские князья видели себя еще дома, считали себя безопасными от враждебных кочевников. Подтверждение такому предположению представляет «Слово о Полку Игореве», где поэт, говоря о переходе русских воев через холмистый водораздел Донецко-Оскольский, восклицает: «о русская земле, уже за шеломянем еси», как бы указывая тем, что именно этот водораздел составлял грань между русской землей и половецкими кочевьями²⁴³. Уже упомянутый нами Донец, окраинный город на юге Курского княжения, в котором нашел себе убежище Игорь Святославич в бегстве из половецкого плена, должен был находиться, как показывает самое название его, на побережьях Северного Донца. Восточное порубежье Черниговского княжения охватывало не только течение верхнего Дона, где, по словам известного «Хождения Пименова во Цареград» XIV века, «бываша древле грады красны и нарочиты зело видением места», но и всю область по Воронежу, может быть, простираясь в глубь степей до Хопра и Вороны. На принадлежность Воронежской области (Воронажа или Вороножа) к Рязанскому княжению уже в XII веке мы име-

ем прямое летописное свидетельство в известии о войне Всеволода Юрьевича Володимирского с Рязанью в 1177 году²⁴⁴. В XIV веке Рязанская Украина занимала пространство от Дона и Воронежа на восток до Великой Вороны (правый приток Хопра в теперешних Пензенской и Тамбовской губерниях) и Хопра и, как кажется, носило название Червленого яра²⁴⁵. В грамоте митрополита Феоноста, данной Рязанскому владыке (1334—1354), говорится о городах по Великую Ворону, которые должны зависеть от Рязанской епископии. Можно думать, что эти города существовали и в эпоху Начальной летописи, что и здесь они были поставлены в ограждение русской земли от степняков. Это тем вероятнее, что Никоновский свод упоминает о городах Червленого яру на Великой Вороне уже под 1148 годом (Никон. II, с. 105). Где проходил чернигово-рязанский рубеж к северу от Вороны, на пределах с Мордвой, определить невозможно. По всей вероятности, он терялся в лесистой местности, омываемой течением Цны, славянское название которой указывает на раннюю принадлежность ее к славяно-русской земле. Этой Цной и низовьями Мокши, на которой в начале XIII века мы видим крайний рязанский город Кадом (1209 год; Никон. II, с. 306), при устье Вада, порубежье шло к Оке к собственно муромской земле. В конце XI века Муром лежал на самом порубежье русской земли с землями камских болгар, как то видно из летописного известия о взятии этого города болгарами камскими в 1088 году (Лавр., с. 89). Основание Нижнего Новгорода на мордовских пределах спустя три с половиной столетия после утверждения русской власти в Муроме (1221 год; там же, с. 189)

указывает, какого труда стоило русским князьям упрочить за собой устья Оки, и как медленно утверждалась в этом краю славяно-русская колонизация. Северо-западная окраина Черниговского княжения прилежала частью к Ростово-Суздальской земле, частью к смоленской. Порубежье с Ростовом, начинаясь в низовьях Клязьмы, от болгарского рубежа, шло лесистым и болотистым водоразделом между Клязьмой и Окой до устья Москвы. На этом пространстве ближайшим к Мурому городом ростовской земли является Суздаль (1096 год; Лавр., с. 108, 109) на реке Нерли, и из обстоятельств борьбы между Мстиславом Мономашичем и Олегом Черниговским нельзя не видеть, что между этими городами не было иных порубежных укреплений. Иначе враждующие князья не могли бы совершать своих походов от одного города к другому так свободно, не встречая на пути никаких преград. Самый Владимир на Клязьме был построен Владимиром Мономахом не ранее конца XI или начала XII века едва ли не в видах ограждения Суздальско-Ростовской земли со стороны черниговского порубежья. От Москвы-реки, при устье которой уже в XII веке стоял рязанский город Коломна (1176 год; там же, с. 161), рубеж направлялся на восток по водоразделу между бассейном Оки и Москвы-реки, огибая левые окские притоки Лопасну (1176 год; Ипат., с. 118), Нару и Угру, верховья которой в XII веке принадлежали, однако, к Смоленскому княжению (1147 год; там же, с. 30). Деснянский бассейн принадлежал Черниговскому княжению, как кажется, не вполне. Здесь рубеж направлялся от волока угро-болванского на юг по водоразделу между Десной и Болвой затем на юго-запад

пересекая Десну у черниговского города Вщижа (1142 год; там же, с. 19), перерезывал течение Ипути, Остра и Сожи у устьев Вскры и по той линии, которая была отмечена нами выше, как возможное староземельное порубежье радимичей, доходил до Днепра, который отделял Черниговское княжение от Полоцкого.

На обширном пространстве, которое занимало Черниговское княжение, Начальная летопись знает весьма немного населенных мест. Она называет только в области Десны Чернигов (907 год; Лавр., с. 13) на Десне и речке Стрижени (там же, с. 86), стольный город всего княжения, с двойными укреплениями (град окольный и днешний град) с церковью св. Спаса, заложенной Мстиславом Тмутараканским, который и был в ней похоронен (1036 год; там же, с. 65), и княжим Красным двором (там же, с. 103). В окрестностях его на Болдиных горах, на месте, где жил некоторое время св. Антоний, — монастырь св. Богородицы (Лавр., с. 83). Близ Чернигова Листвен, место битвы и заключения мира между Ярославом Новгородским и Мстиславом Тмутараканским в 1024 году (там же, с. 64), — вероятно на месте теперешнего Листвена, села на реке Руде, впадающей в Снов, в 12 верстах от Городна (близ него Малый Листвен). Сновеск, под которым Святослав Ярославич разбил половцев в 1064 году (там же, с. 74). На месте этого городка, находившегося на Десне при впадении Снови, указывают городище у теперешнего местечка Брусилова, далее урочище или село Нежatina Нива, где половцы нанесли поражение князьям Ярославичам в битве 1078 года, в которой пал Изяслав Киевский (там же, с. 86). Нежatina Нива должна была находиться на реке

Остре, может быть, там, где теперь Нежин, ибо с места битвы тело павшего князя везли к Городцу, несомненно Остерскому. Стародуб, сильное укрепление, выдержавшее в 1098 году 33-дневную осаду соединенных сил киевского Святополка и Мономаха (Лавр., с. 98), Новый Город (Новгород Северск) на Десне, под которым Мономах разбил половцев, разорявших окрестности Стародуба («Поучение Мономаха», с. 103), и Курск в Посемье (там же). В области Оки — вятичский город Корьдна, Рязань (1096 год; Лавр., с. 108) и Муром с монастырем св. Спаса (там же).

Глава 8

Кривичи и новгородские славяне. Расселение кривичей. Полоцкое и Смоленское княжения. Их границы и населенные места. Новгородские славяне. Область Новгорода во второй половине XI века и в начале XII века. Белоозеро и Ростово-Суздальская земля

На северо-западе восточного славянства, верховья Волги, Днепра и Двины и южную часть Озерной области занимали близкородственные между собой славянские ветви кривичей и собственно славян, словен²⁴⁶. Их географическое положение на окраине славянского мира, в средоточии важнейших водных путей всей Восточно-Европейской равнины обусловило их важное историческое значение для славяно-русской колонизации первоначально-инородческих земель. Они были призваны подчинить славянству обширные земли на финском северо-востоке, на который главным образом было направлено их колонизационное движение, встречавшее сильную преграду на западе в западных чудских племенах, обнаруживавших более самостоятельности и устоя, чем их восточные собратья, и в воинственной Литве. Кривичи и славяне составили главную основу великорусской народности; их выходцы первые проложили пути в области разрозненных чудских народцев Поволжья и облегчили движение другим славяно-русским племенам.

Географическое положение кривичей Начальная летопись определяет верховьями Двины, Днепра и Волги. Полоцкая ветвь их указывается по

течению Двины и вливающейся в нее Полоты. Но нет сомнения, что область, занятая ими, была гораздо обширнее, простираясь на юг до земель дреговичей, древлян и радимичей, на восток до радимичей и северян, на север до расселений новгородских славян. Южное порубежье их должно было идти, как мы уже видели, на правой стороне Днепра — водоразделом между Припятью, Неманом и Березиной; на левой — волоком между Днестром и Сожей и верхними течениями северных притоков Десны. На этом пространстве мы имеем целый ряд местностей с названиями, напоминающими собой кривичей и вблизи местностей, в названиях которых сохраняются явные следы наименований соседних племен и старинных городских сооружений. Таковы на дреговичском порубежье, в области, где замечаются остатки древних ятвяжских поселений, три селения с названиями кривичей: к западу от Слонима, между реками Зельвянкой и Щарой, в Лидском уезде на правом берегу Немана и в Новогрудском — на левом берегу его. В соседстве их — Дороггин, Деречин, Дрогобыль и т. п. и несколько городков. Далее на известном уже нам Брягинско-Днепровском водоразделе — Кривск и две Кривчи вблизи местностей Радуль, Севки, Сутава, Городище. На левой стороне Днепра на радимичском порубежье — озеро Кречаны близ Рогачева, южнее его Кривск у верховьев Сожского притока Узы, к востоку от Гомеля (черниговский город Гомъи 1142 год), близ него Радеев. Кривск и Городец к северо-западу от черниговского города Чечерска (1159 год; Ипат., с. 84); Кривец к северо-западу от Горок и вблизи его несколько городков и село Радимля, что на Проне, к северу от Чаус; Кривец

на Соже к югу от Мстиславля; Кривец на дороге из Рославля в Смоленск и др. На востоке исконные поселения кривичей едва ли переходили волоки, разделяющие бассейны Днепра и Оки. Неславянские названия притоков верхнего Днепра до самого Смоленска и Десны до того места, где она изменяет свое течение на юго-запад (у устья Болвы), дают основание думать, что даже здесь первоначальное население должны были составлять инородцы. Но в эпоху Начальной летописи славянство перешло уже в область Оки, заняло чудские земли мери и мордвы, и в этой колонизации кривичи принимали немаловажное участие. Верхние течения Угры и Десны, как занятые сплошным кривским населением, могли исстари и вполне входить в состав кривской земли, ибо весьма вероятно, что пролежавший здесь позднее рубеж чернигово-смоленский возник на основе старого земельного рубежа кривско-северского или радимичского. Как возможные остатки его считаем не лишним отметить здесь по Угре вверх от устья Сиговки (в Юхновском уезде) села Городянка, Городище, Городок Дорогобужского уезда; к северу от них Городок на Осме, к югу — Городечно на ручье Городне близ верховьев Болвы, два селенья Сутоки на волоке между Десной и Болвой, Огородня по правой стороне Десны, почти на одной линии с черниговским городом Вщижем. Но если здесь могло проходить древнее земельное порубежье кривичей, то множество кривских названий в Окской области до верхнего Дона указывают, что отдельные поселения кривичей, их колонии участвовали в образовании славяно-русского населения этого первообразно финского края. Там, между прочим, мы видим в области Оки — Кри-

во Городище, близ истоков Оки к западу от Кром, Покровское к югу от Орла на Курском шоссе, Кревьье или Волосатое у истоков Нугря, близ него Радзино, Кривчее к северо-западу и Кривцое к северу от Болхова — на Жиздре Кричина (в Козельском уезде) между двумя селениями Волосовыми и близ села Меренищ; к западу от последнего Кривуша, далее на север Кривская на Протве, к северу от Малоярославца и др. В области Дона — Кривая (Покровская), Большой и Малый Кривец на Любовше, притоке Сосны, ручей Кривец и т. д. Что касается северо-восточных расселений кривского племени, то они должны были занимать значительную часть Волжского бассейна. Свидетельство XII века, что суздальско-залеская дань принадлежала первоначально смоленским, то есть кривским князьям, дает основание предполагать, что по крайней мере южная часть Суздальской земли стояла в связи со Смоленском, зависела от него. Эта связь и зависимость естественнее всего объясняется колонизационным движением смоленских кривичей в земли мери и веси, в область Москвы-реки и Клязьмы до самой Волги, причем переселенцы не теряли земельной связи со своей митрополией. Наиболее существенные и основательные разъяснения по этому предположению могло бы дать сравнительное изучение народных наречий и говоров в землях древнекривских и в Поволжье. Для нас же оно кажется тем вероятнее, что в пользу его говорит географическая связь кривского Поднепровья с этим краем, связь, которую мы старались указать выше (глава I). Если справедливо, что колонизационное движение славян вообще совершалось по рекам, составлявшим в этой лесистой и дикой стране

единственные пути сообщения, то часть верхнего Поволожья между Угрой, Окой, Клязьмой и Волгой, пересекаемая течениями Москвы и Клязьмы, скорее всего могла заселиться кривичами. Обращаясь затем к данным топографической номенклатуры, мы находим в довольно значительном количестве следы кривских наименований в области Клязьмы и среднего Поволожья. Таковыми могут быть в области Москвы-реки и Клязьмы — деревня Кривцовская, в 1504 году принадлежавшая Онуфриевскому монастырю в Звенигороде (Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. С. 365), нынешние селения Кречково или Кричков в Нижегородском уезде, Кривцы или Кривцовы — одно на Истре в Клинском уезде, а другое в Бронницком на Рязанском шоссе, три Кривцова в теперешней Владимирской губернии — Юрьевского уезда, на реке Николаевке в 32 верстах к югу от уездного города (близ него село Вески), другое к северу в 54 верстах от того же города на бережьях Нерли и третье — в Шуйском уезде в 38 верстах от уезда. Здесь же Кривцы на реке Ворше Владимирского уезда (к северо-западу в 42 верстах от уездного города) и Кривицы на реке Жернове к юго-западу в 15 верстах от Муром. Но более подобных названий замечается к северу от Клязьмы, в излучине, которая образуется течением Волги от устья Тверцы до Костромы. Этот край мог заселяться кривскими выходцами как с верховьев Днепра, так и с верхней Волги, которую летопись указывает как место его исконных поселений. Здесь мы находим — Кривец Дмитровского уезда на реке Дубне, Крево на Волге при устье речки Кревки в шести верстах ниже Корчева, и вблизи на правой стороне Волги Кривец (в

17 верстах от Корчевы). Далее мы видим целый ряд селений с названиями «Кривцов» — к северу от Корчевы в 55 верстах, на речке Гусевне в 22 верстах от Калязина; на реке Вонже в шести верстах на север от Кашина — два Кривцова в 47 верстах от Углича близ Переяславской границы и третье в 24 верстах к югу от того же города. Затем Кривцы в 40 верстах к юго-западу от Мышкина, Кривец на правой стороне Волги в семи верстах от того же города. Деревни Кривцовы, которых насчитывается до шести в уезде Мышкинском, Моложском, Рыбинском и Пошехонском, два села Кривандина в Романово-Борисоглебском уезде, Кривик на Соти Моложского, Кривец Большой и Малый на Сухоне Вологодского уезда, два Кривецких в Никольском, Кривовская деревня в Кадниковском уезде и другие могут указывать, как далеко в эту сторону простирались расселения кривичей, встречавшиеся тут с поселенцами из области Ильменских славян. Далее на запад поселения кривичей прилегали к коренным поселениям новгородских славян. Из указаний самой Начальной летописи, которая определяет область кривичей верховьями Волги, Двины и Днепра, надо заключить, что их поселения первоначально ограничивали на северо-запад гористым водоразделом системы этих рек с Озерной областью, которая образует Алаунская возвышенность и Валдайские горы. Но благодаря удобствам водных путей новгородские славяне весьма рано проникли в северо-западную часть Поволожья, заняли область Мсты и верхней Мологи. Уже в XII веке Медведица является их межей со стороны Ростово-Суздальской земли. В то же время кривское племя вошло на северо-запад в область Чудского

озера, захватив при этом верхнюю часть Ловатского бассейна. Вероятные следы кривского расселения в Озерной области могут представлять село Кривкина Демянского уезда к западу от озера Велья; два селенья Кривцы на Березне, правом притоке Полисты в северо-западном углу того же уезда, Кривец на запад от Порхова, близ Прощениц; к югу от него Славковичи; Кривец на юг от Порхова и Кривины близ истоков Шелони. Кривское происхождение славян, поселявшихся у Чудского озера, указывает сама Начальная летопись, называя кривичей в числе трех племен или земель, призвавших варяго-русских князей, из которых Рюрик сел в Новгороде у славян, Синеус на Белоозере — у чуди, а Трувор — в Изборске (что под Псковом) у кривичей. Эти изборские кривичи участвовали в призвании русских князей и в подчинении их власти своих полоцких и смоленских братьев, совершившемся при Рюрике и Олеге. Нет сомнения, что они составляли древнюю кривскую колонию в области, заселенной первоначально чудскими племенами, были выходцами со славянского Поднепровья. Первобытное инородческое население оставило доселе следы свои в большей части географических наименований и главным образом в наименованиях живых урочищ. Таковы, например, названия притоков Великой (Алюля, Кудка, Ують, Исса, Утроя, Куква и др.). Самое название реки Великой, по которой преимущественно группировались славянские поселения, так же как и названия многих рек, впадающих в Чудское озеро с юго-востока (Черная, Белая и др.), отзываются не чисто славянского происхождения. Скорее всего они составляют перевод прежних инородческих названий. Здесь кривские

расселения могли достигать водораздела между бассейнами Великой с одной стороны и полостями рек, текущих в Рижский залив и нижнюю Двину, — с другой. Здесь, как возможные следы их, обращают на себя внимание следующие местности: Кривовиц близ правого берега Псковского озера, на север от Пскова и к югу от села Власовой (Волосовой) Губы и речки Волосны, которых названия могут указывать на древнее, еще в языческие времена совершившееся переселение славян в этот край. Затем Кривска на южном берегу Псковского озера у устья реки Андоги; Смоленский на Кудеби и к югу от него села Кривино. Далее на запад у Мариенгаузена села Крикин и близ него село Межерники и Межерия (карта Шуберта № 17). Последние три местности находятся как раз на волоке между притоком Великой, Кудебью и Эвстом, впадающим в Западную Двину. Озерная область, которая связует полости Великой реки и Западной Двины, заселенная искони литовской ветвью летголы и, может быть, даже ливью, издавна привлекала к себе славяно-кривскую колонизацию. Весьма вероятно, что она простиралась от верховьев Великой от границ Опочкского и Великолуцкого уездов до Двины в юго-западном направлении, захватывая озера Себеж и Освей, и область реки Дриссы, до крутого поворота Западной Двины, на север (у Динабурга), где мы видим теперешнее село Креслав или Креславку на Двине, Большие Кривины на северо-восток от Динабурга (верстах в 20) и Кривины к северу от того же города. На этом пространстве замечаются села Кривина, на реке Лъже, к востоку от пригорода Красного на самой границе Псковской губернии с Витебской; Кривены к западу от него (верстах

в 10); Кривцы на озере Ужо, у той же границы; Кривини к востоке от Люцина, на левой стороне от Лжи, вблизи Криванда по дороге из Люцина в Опочку; Кревули к юго-востоку от Режицы и близ него село Латыши, Кривина к западу от него верстах в шести; Крицевка на восточном берегу Себежа и т. д. Вся эта область особенно богата местностями, которых названия напоминают порубежье и порубежные укрепления. Каковы, например, Городки, Городищи, Городиновичи, Межи, Межники, Межеватки, Рубежи, Рубежевичи, Сутоки и т. п. На юг от Двины, от отмеченного нами ее поворота, кривские расселения шли вдоль чисто литовских поселений, перемежаясь с ними в области Вилии и Немана до самого водораздела этой последней реки с полостью Припяти. Здесь, на намеченной нами выше (глава II) этнографической границе Литвы со славянским населением, замечаются местности: Крицевичи на реке Храборовке, с юга впадающей в Двину, верстах в 25 ниже Дисны, Нижние Городцы на Дисне (верст 20 выше устья), Браслав на юг от Динабурга, Русаны на юг от Постав, к северу от которых — Сутоки и Русаки и на юг Сутоки же и Городники, Русакин, к югу от села Годуцишки (к востоку от Свенцяи); Русаки на Мядзиолке в северной части Свенцянского уезда; Будслав, Кривичи, Русачки и Сутоки на реке Сервяче (Вилейского уезда); далее на юг село Крево к юго-востоку от Свенцяи и вблизи его — Городечно, Городски, Городилов и Словенск, Смолинск на Жижме; Кривцы — к северо-западу от Лиды верстах в трех врезаются в Полость Немана в первоначально — Литовско-Ятвяжскую область, известную в XIII веке под именем Дайновы, а теперь уже вполне ославяни-

шуюся. Следы кривских поселений на южной окраине их между Припятью, Неманом и Днепром мы уже рассмотрели.

Многочисленное племя кривичей, рассеянное на таком обширном пространстве, должно было рано распасться на отдельные земли. Действительно, уже в эпоху образования Русского государства мы видим три центра кривского населения — Изборск, Полоцк и Смоленск. Из них Изборск, поставленный на самой окраине кривского населения, с северо-запада, на рубеже с сильной чуждью и в соседстве новгородцев, не мог держаться самостоятельно, силой одной своей области. Он должен был примкнуть или к Полоцку, или к Новгороду. Весьма вероятно, что первоначально он примкнул к Полоцку, который упоминается в летописном рассказе о городах, розданных Рюриком по смерти братьев своим мужам. Этот же город назван Олеговым договором с греками в числе городов, на которые были взяты уклады. Но географическая связь с полостью Ильменя (через Череху и Узу, см. гл. I) решила дело в пользу Новгорода. Может быть, этому содействовало подчинение Полоцка варяжскому выходцу Рогволоду (в половине X века). Во всяком случае весьма вероятно, что отделение изборских кривичей от подвинских окончательно совершилось только в половине XI века, на что указывают попытки Всеслава овладеть Псковом и его союз с водью, который не может быть иначе объяснен, как давней связью изборских кривичей с финским побережьем. После отпадения Изборска центром западных подвинских кривичей сделался Полоцк, от которого они и их область уже в эпоху летописца получили свое название «полочан». Еще

ранее центром восточных поднепровских славян сделался Смоленск, который летопись называет городом собственно кривичей «на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленъск». При образовании Русского государства обе эти ветви кривичей обособились в отдельные княжения — Полоцкое и Смоленское, никогда между собой не соединявшиеся.

Полоцкие кривичи ранее своих приднепровских сородичей вошли в состав Русского государства (885 год; Лавр., с. 13) и образовали в нем особое княжение, которое, с первого времени своего существования, стало особняком в ряду всех других русских княжений. Важнейшей причиной этой обособленности издавна признавалось то обстоятельство, что Полоцкое княжение составило волею Рогнедича сына Изяслава Володимировича, которую он получил как отчину своей матери, а не по общему для всего Рюрикова рода праву участвовать во владении русской землей. По отношению к Ярославичам потомство Изяслава считалось изгоями. «Оттоле, говорит летопись, мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославим внуком» (Лавр., с. 131). Но обособление Полоцкого княжения имело другие, более существенные причины в самом географическом положении его. Занимая течение Западной Двины и верховья рек Вилейско-Неманского бассейна, оно составляло русскую Украину на литовско-чудском северо-западе. Стремление утвердиться на западно-двинской ветви великого водного пути, отношения к инородцам, которые определялись необходимостью не только ограждать от них свои владения, но и поддерживались колонизационное движение кривского племени в инородческие

земли — все это отвлекало полоцких князей от интересов, которые наполняли и направляли жизнь Поднепровской Руси. Наша летопись не сохранила никаких указаний на деятельность полоцких князей по отношению к их западным соседям. В Начальной летописи есть только одно известие о страшном поражении, которое нанесла зимигола Всеславичам в 1106 году, поражении, в котором пало будто бы 9000 полоцкой дружины (Лавр., с. 120). Но ко второй половине XII века полоцкие князья уже стали твердой ногой на всем течении Западной Двины вниз от Полоцка до самого устья, подчинив себе инородческое население этой области, которое было обложено данью (Gruber. Orig. Livoniae. P. 3). В 1180 году в рядах полоцкого князя мы видим литву и ливь (Ипат., с. 124), что дает основание предполагать, что зависимость подвинских инородцев от Полоцка не ограничивалась платежом дани, но что они должны были доставлять полоцким князьям в помощь военные дружины. Передовыми постами русских владений были здесь городки Герцике²⁴⁷ и Куке-нойс (Kukenoys Orig. Liv. S. 33; теперь Кокенгаузен на Двине, несколько выше Фридрихштата), в которых сидели русские князья. Понятно, что приведение в зависимость подвинского населения не могло совершиться без борьбы и требовало от Рогволожичей много времени и усилий и тем самым много способствовало их обособленности и отдельности. С другой стороны, владея Западной Двиной и частью Поднепровья, полоцкие князья не имели в своих руках верхних течений этих рек, где, как мы видели, проходили главнейшие пути из южной Руси в Озерную область и в Поволжье. Они принадлежали отчасти Новгороду, но глав-

ным образом Смоленску. Естественное стремление полоцких князей овладеть ими, а с другой стороны стремление Новгорода и Смоленска как можно тверже стать на этих путях, были причиной постоянных столкновений Полоцка с соседними князьями, в которых деятельное участие принимали все Ярославичи, ибо в интересах всего Ярославова рода, всех поднепровских князей, было безраздельно владеть великим водным путем. Во все время самостоятельного существования Полоцкого княжения эта борьба не прекращалась и к концу XII века завершилась полным успехом Ярославлих внуков, которым удалось оттеснить полочан за правый берег Днепра и овладеть верхним Подвиньем до самого Витебска²⁴⁸.

В эпоху Начальной летописи границы Полоцкого княжения прилежали на севере к новгородским, на востоке к смоленским и черниговским, на юге к киевским, на западе и северо-западе к литовским и чудским расселениям. Первым ближайшим к Новгороду пунктом полоцких владений в XI веке мы видим Вьсвят (теперь Усвят на озере того же имени в Суражском уезде Витебской губернии), отданный в 1021 году Ярославом Великим Брячиславу Изяславичу Полоцкому вместе с Витебском (Софийский временник в полн. собр. русск. лет. Т. V. С. 134). Весьма вероятно, что предшествовавший этой уступке набег Брячислава Полоцкого на Новгород, и война, подробности которой сохранились в Исландских сагах²⁴⁹, были вызваны захватом со стороны новгородцев усвятской ветви великого водного пути. У Вьсвята Полоцкое порубежье сходилась также с Торопецкой волостью Смоленского княжения и оттуда пролегало на юг по водоразделу между речкой Усвятю с одной

стороны, озерами Жезцо и Двиньем и верхней Двиной — с другой (где мы видим теперь два Городца к северу от Усвята и к югу от Велижа), к устью Каспли, течение которой принадлежало уже к Смоленскому княжению. Далее на юг названия местностей на холмистом волоке между западнодвинскими притоками Касплей и Лучесой — Стреженево и городок к северу от Бабинович и Добромысля, Сутоки Большие и Малые у самого Добромысля (на реке Чернице, правом притоке Лучесы) и на северо-восток несколько городков, селения Рубежницы, Рубеж — дают возможность положить здесь продолжение полоцко-смоленского порубежья. Далее на юг от верховьев Каспли и Лучесы, в области Днепра полоцкие владения простирались на левый берег Днепра, где к ним принадлежали города Рьша (Орша) и Копыс (1059 год; Софийский временник, с. 139) — причина войны Ярославичей с Всеславом Полоцким в 1066 году. Ярославичи успели овладеть тогда Рьшей, как то видно из обстоятельств пленения Всеслава²⁵⁰, но не успели удержать его за собой. Рьша и Копыс были навсегда отняты Мономахом и присоединены к Смоленску только в 1116 году (Ипат., с. 48). С того времени восточная граница Полоцкого княжения отодвинулась за правый берег Днепра²⁵¹. Самым южным пунктом ее в начале XII века является Стрежев (Стречив 1127 год; там же, с. 11), порубежный город с Черниговским княжением, который приурочивается обыкновенно к теперешнему местечку Стрешину к югу от Рогачева и несколько выше устья Березины. Вблизи этого местечка обращают также на себя внимание деревня Стренки к востоку от Рогачева, недалеко от села Бронное и Воротин, что на реке Оле, с

севера вливающейся в Березину. Названия этих местностей могут указывать, что здесь начиналось южное порубежье Полоцкого княжения с киевскими владениями. Оно шло по водоразделу, и теперь еще болотистому и топкому, между Березиной и Ведричем, впадающим в Днепр у черниговского города Речицы, и затем по водоразделу между Свислочем, правым притоком Березины, и Птичем, с севера текущим в Припять. Здесь, на южном порубежье, замечаются теперь местности Городок к югу от местечка Свислоча, и близ него — Горожи и Горожцы. Далее в том месте, где Припять и Свислоч наиболее сближаются между собой — уже упомянутые нами Сутин и Сутина, Граничи у верховьев Свислочи и Птича, Воротники, Рубежевичи (глава VI). Тут же ищут упоминаемые «Словом о Полку Игореве» Дудутки, с которых знаменитый Всеслав «скачи вльком до Немиги». И. Д. Беляев признает их полоцким городом, и, основываясь на том, что под Немигой надо понимать здесь Неман, к которому «пустился Всеслав от Дудуток», приурочивает их к местечку Дудичи (на реке Птичи, к югу от Минска), ибо нынешние Дудичи именно стоят очень близко от верховьев Немана. Но, сближая это указание — или, вернее, поэтический намек «Слова» на действительный исторический факт — с положительными известиями летописи, нельзя не видеть, что он должен относиться к известному бегству Всеслава из-под Киева в свою отчину при возвращении из изгнания Изяслава Ярославича с польской помощью. Дудутки означают здесь крайний киевский город, тогда как ручей Немига и донья существуют в Минске. Его кровавые берега упоминает «Слово о Полку Игореве», которого автор, конечно, знал о крова-

вом разгроме Минска Мономахом²⁵². У верховьев Птича и Свислочи, сближающихся с верховьями Немана, прекращались полоцкие владения, ибо, как уже мы видели, полость верхнего Немана была первоначально занята ятвягами, которые были оттеснены из нее благодаря воинственной деятельности Ярославичей, и славяно-русской колонизации, вышедшей из земель дреговичей, древлян и даже кривичей. Известие о том, что борьба Руси с литовскими племенами, обитавшими к югу от Вилии, шла первоначально не из Полоцка, а из Киева, доставляют нам литовско-польские источники. Об участии кривичей в колонизации не только Понеманья, но и области, лежащей к западу от него, водораздела Неманско-Бужского, могут свидетельствовать до сей поры уцелевшие там кривские названия многих местностей²⁵³; но зависимость Понеманской области от Приднепровской Руси, ее давняя связь с ней обнаруживается господством в ней мелких удельных князей из потомства Изяслава Ярославича еще во второй половине XII века. Крайним городом полоцких владений на западном Порубежье с Литвой летописные известия XII века называют Городок или Городец (1162 год; Ипат., с. 91), который приурочивается к теперешнему городку к югу от Молодечна, на верховьях неманской Березины с сохранившимися доньше остатками старинных городских сооружений. Но сколько можно судить по данным географической номенклатуры полоцкие владения могли простирались несколько далее на запад, охватывая ту местность, где теперь встречаются следы древних кривских расселений. Здесь мы видим следы порубежных городских сооружений, которые занимают с одной стороны все

левое побережье неманской Березины, с другой — всю верхнюю область Вилии до устьев Ошмянки и Нароча. Здесь мы видим Городинки, близ устья Березины, в соседстве села Неровы, что при впадении в Березину реки Пурвилы. Далее на север Городзилов и Городечно, близ Березины к западу от Молодечно и к юго-востоку от местечка Крево. Затем на Вилии Городененто к северо-востоку от Вилейки; Городково, в окрестностях которого Русская и Славча, Гроди по левую сторону от Вилии. На север от Вилии рубеж мог идти областью Десны к Двине и на север от Двины по той линии, которую мы уже отметили, как возможную этнографическую окраину кривского племени и на которой также замечается значительное количество «городков». Что касается северо-западного рубежа Полоцкого княжения, прилегавшего к литовско-чудским народцам, то в настоящее время мы не находим никаких указаний на него. На севере, где он сходилсЯ с Новгородскими владениями, в XII веке порубежным местом указывается Еменец (1189 год), на том водоразделе между Западно-Двинской и Озерной областЯми, в восточном углу которого расположен Усвят.

В Полоцком княжении Начальной летописи известны населенные места по Двине: Полоцк, стольный город княжения и с 1105 года епископия (Лавр., с. 119), Витебск (Софийский временник, с. 134), Вьсвят (Лавр.) и Лукомль. В Поднепровье: уже известные нам Рьша и Копыс, Дрьютеск (на верховьях Друча), Изяславль и Минск на Свислочи; Логожск (на Гнойне, притоке Березины). Здесь же следует искать Одрьск, лежавший на пути от Полоцка к Чернигову. Для определения его Ходаковский указывает речку

Одровь, с правой стороны впадающую в Днепр, и Голотичьск (1071 год; Лавр., с. 73), под которым Ярополк разбил Всеслава.

Восточная смоленская ветвь кривичей в эпоху, обнимаемую Начальной летописью, не успела образовать особого княжения и по географическому положению своему стояла в тесной зависимости от южного Поднепровья. Впрочем, это обстоятельство не могло ослаблять значение Смоленска как стародавнего центра земли поднепровских кривичей. Присоединенный к русским владениям в 882 году (Лавр., с. 10), он является в ряду удельных княжеских владений не ранее половины XI века при разделе русской земли между сыновьями Ярослава и до того времени мог зависеть непосредственно от Киева. По смерти Ярославичей — Вячеслава (1057 год) и Игоря (1060 год), последовательно владевших Смоленским уделом, он вошел, как кажется, в состав Черниговского удела. По крайней мере во всех последующих событиях до самого Любецкого съезда владение им неразрывно связано с владением Черниговом. Так, при вторичном изгнании Изяслава Ярославича, когда Киевский стол был захвачен Святославом, а Чернигов отошел к Всеволоду Ярославичу, Всеволод отдал Смоленск своему сыну Мономаху, который и удерживал его за собой во все время, пока владел Черниговским столом. Но в 1094 году, когда изгою Олегу Святославичу удалось захватить Чернигов, вытеснив из него Мономаха (там же, с. 96, 103, 104), вместе с тем и Смоленск перешел в руки его брата Давида, впрочем, не надолго. Как видно, Любецкий съезд нашел неудобным совмещение двух смежных и богатых волостей, Черниговской и Смоленской, в руках Святославичей, враждебных остальному

племени Ярославу, и ограничил их одним Черниговом с прилегавшим к нему Посемьем, земель вятичей и Рязанско-Муромской земель, тогда как Смоленск снова отошел к Мономаху, внук которого Ростислав Мстиславич (в половине XII века) положил начало самостоятельному существованию Смоленского княжения как волости особой ветви рода Рюриковичей.

Понятно, что при таком подчиненном и зависимом положении Смоленской волости ее границы не могли быть определены резко особенно с тех сторон, где они примыкали к инородческим землям, которые постепенно колонизовались из кривской земли, как то было на северо-востоке в Поволжье или же где они прилегали к волостям, находившимся во владении того же князя, которому принадлежал и Смоленск, как, например, на юго-востоке. Окончательно они определились не ранее половины XII века, во время усобицы Юрия Долгорукого Суздальского с племенниками Мстиславичами. Мы уже имели случай видеть, что рубеж смоленско-черниговский, начинаясь у восточного берега Днепра, на волоке между ложем Днепра и Сожи, перерезывал Сожу у устьев Вехры и захватывал верхние течения Остра, Ипути, Десны, на восток от которой за водоразделом с Окой шла уже Черниговская волость вятичей. В области верхней Угры, еще в XII веке принадлежавшей Смоленскому княжению (1147 год; Ипат., с. 30), смоленские владения сходились с ростово-суздальскими. В XII—XIII веках они занимали верхнее течение Поротвы, заселенное голядью (1147 год; там же, с. 29), и область верхней Москвы-реки, где с конца XIII века становится известным Можаяск, удельный город Смоленско-

го княжения (1277 год; Воскр. лет. в полн. собр. русск. лет. Т. V. С. 173), при слиянии Можайки с Москвой. Впрочем, в уставной грамоте, данной князем Ростиславом Мстиславичем Смоленскому епископу около 1150 года, есть указание, что ранее смоленские владения простирались гораздо далее на северо-запад в область Суздальско-Залесскую, с которой шла на Смоленск дань, захваченная Юрием Долгоруким («Дополнения к актам истории...». Т. I. № 4). Так что отмеченное нами ростово-смоленское порубежье не основывалось на старом земельном рубеже, а возникло случайно как результат борьбы соседних князей за волости и земли. Этим объясняется, может быть, то обстоятельство, что в теперешней топографической номенклатуре рассматриваемого края почти вовсе незаметно таких следов пограничных сооружений, какие мы видим в довольно значительном числе всюду на старо-земельных рубежах. Но зато такие следы замечаются на смоленско-новгородском порубежье, которое в эпоху Начальной летописи, когда суздальские владения не заходили еще вверх по Волге выше устья Медведицы (несколько ниже Корчевы), можно предположить по водоразделу между Москвой и Ламой, на которой — известный новгородский город Волок (Ламский), прямой чертой к Волге, на устье Вазузы и оттуда водоразделом Тверцы и Волги к озеру Селигеру. На этом пространстве мы видим целый ряд городков и городищ, во многих из которых могут сохраняться остатки древних порубежных укреплений. Таковы: городище (Николино или Апраксино) на реке Шоше и к северу от него верстах в семи — Валуево городище. Далее и к юго-западу от них на водоразделе рек Гжати и Вазузы с Москвой:

городок к юго-востоку от Гжати, городок к северу от него же и вблизи Волмежа, на северо-западе от них Буйгородник близ правого берега Гжати (у границы Сычевского и Гжатского уездов), Погорелое городище на реке Держе, к востоку от Зубцова, городище (Фоминское) к югу от него же при впадении Осуги в Вазузу и на юго-запад от него в 25 верстах Рубежнова в области речки Осуги и близ него Ржев — в XIII веке порубежный городок Торопецкой волости с Ростово-Суздальской землей (1216 год; Воскр. лет., с. 120). По левую сторону Волги реки: городок при устье Холохольны, которая под именем Холохны в начале XIII в. является порубежной рекой Новгородской и Суздальской земель (1216 год; Воскр лет., там же), далее городки на северо-запад в 30 верстах от Ржевы, Городцы и близ него Вышегородок на Осуге к востоку от Торжка в Новгородском уезде. Городолюбля на речке того же имени в восьми верстах от Вышнего Волочка и несколько городков, расположенных к югу и юго-западу от него в уездах Вышневолоцком и Осташковском, и др. Такой ряд остатков городских сооружений не может быть делом случая, и, по своему положению там, где, как достоверно известно, соприкасались Смоленские и Новгородские земли, должно обратить на себя внимание и вызвать подробные местные исследования. Неизвестно, кому принадлежало озеро Селигер. Вероятно, что этот важный серегерский путь из Озерной области в Поволжье и из Подвинья в Озерную область находился в общем пользовании прилегавших к нему земель. И хотя новгородский летописец при описании набега Литвы на Новгородскую область в 1229 году называет Серегерь в числе других

разоренных тогда новгородских волостей, но тем не менее, сколько известно пока из писцовых книг XVI века, к Серегерю приурочивается, бесспорно, только один погост Полоновский (Неволин К. А. О пятинах и погостах. Новг., с. 183), находившийся на месте теперешнего Полонова (карта Шуберта — Полнова) при устье озера Полонец в самый северный угол Серегера. В окрестностях этого озера замечаются село Рубеж близ истоков речки Городиловы, впадающей с севера в Полонец, к западу от него Большие и Малые Межники у истоков правого притока реки Полы, в которую вливается с правой же стороны речка Межна, несколько выше погоста Молвятич (XV веке), к югу от него Межник вблизи волости Морево (теперешней Морево-Успенский, близ него Морево-Никольский на реке Озерешне, и Морево-Новая Русса на реке Поле в Демянском уезде), известной в XIV веке как одна из украинских новгородских волостей с Литвой (Полн. собр. русск. лет., там же). Нельзя не заметить, что выше отмеченные нами местности находятся на самом водоразделе бассейнов Ильменя и Волги, который и по указаниям Начальной летописи должен считаться порубежьем смоленских кривичей. Далее на юг смоленское порубежье шло волоком между Куньей и Ловатью, на которых находятся древние новгородские города Холм (на Куньи)²⁵⁴ и Луки (1166 год; Новг. I, с. 14; теперешние Великие Луки на Ловати), и Смоленскими владениями Лучином (1150 год) у теперешнего Лучанского озера, Торопцом (1150 год), Жижцем (1150 год) у теперешнего озера Жесцо-Живец и таким образом достигало Усвяты, где Смоленские земли, как было уже рассмотрено выше, сходились с полоц-

кими. Из населенных мест Смоленско-Кривской земли Начальная летопись знает только Смоленск, центральный город восточных кривичей (Лавр., с. 5), в котором Владимир Мономах учредил епископию, поставив каменную церковь св. Богородицы (1101 год; там же, с. 117), и урочище Смядынь при впадении речки Смядыни в Днепр, ниже Смоленска («яко зреемо»), на котором погиб Глеб Муромский (1015 год; там же, с. 56).

Новгородские славяне, окраинное на северо-западе восточной равнины славяно-русское население, которым мы оканчиваем обзор географии Начального летописца, менее других славяно-русских ветвей было известно летописи, возникшей в южном Поднепровье, хотя исходным пунктом ее в изложении событий и послужило чисто новгородское сказание о призвании Руси. Географические сведения, сообщаемые им об этом крае, ограничиваются почти одним только именем славян, указанием на их сродство с другими славянскими племенами и на их расселения по Ильменю. Они пополняются немногими известиями, которые представляют за время, обнимаемое Начальной летописью, местные новгородские летописи. Между тем разъяснение географии новгородских славян именно в эту древнюю эпоху должно иметь важное значение в русской исторической науке, ибо с ним связаны разъяснения вопросов о ходе славяно-русской колонизации на инородческом северо-востоке и о северных пределах русского государства в первые два века его существования. Нет сомнения, что вся ветвь новгородских славян есть не что иное, как древнейшие переселенцы из славянского Поднепровья в южную часть Озерной области, вытеснившие первоначальное ино-

родческое население. Это указывается отчасти затемненными и искаженными преданиями XVI—XVII веков о водворении русского населения в Ильменском крае²⁵⁵, но более всего непреложным свидетельством географической номенклатуры его, в которой славянство является населением не первоначальным, но пришлым и позднейшим, заступившим место первобытного инородческого (финского) населения. Благодаря выгодам положения переселенцы не только утвердились и окрепили во вновь занятой ими области, но, пользуясь удобствами водных путей, с глубокой древности стали проникать на северо-восток, в область, простирающуюся от Волхова, Мсты и верхнего Поволжья до Волока, подчиняя себе туземную чудь (емь, весь и мерю), или же оттесняя ее в Заволочье, где также они не замедлили стать твердой ногой.

Рука об руку с таким этнографическим распространением новгородского славянства шло распространение новгородских владений, ибо Новгород никогда не терял из виду своих переселенцев, которые имели постоянную и сильную поддержку в военной деятельности своих князей и дружин. Относительно колонизации Поволжского края, прилегавшего к старославянским землям кривичей и вятичей, такая деятельность Новгорода продолжалась до образования Русского государства, когда на вновь колонизованных землях возникли свои административно-политические центры (Ростов, Суздаль, Белоозеро, Муром), и Новгород не мог уже удержать над ним свое главенство. Таким образом, где в Озерной области находились самые ранние и наиболее сплошные поселения славян, сложившиеся под влиянием Новгорода в

отдельную землю новгородских славян, какими путями шли из нее дальнейшие выселения в иноподчешские земли и каких пределов к концу XI и началу XII века достигли эти расселения, а с ними и Новгородская область, — вот вопросы, которые представляются на первом плане в исторической географии древнего Новгорода и которые, за недостатком письменных источников, могут быть обстоятельно разрешены только путем филологического изучения географической номенклатуры древней Новгородской области и местных археологических исследований остатков древнейших поселений, которые сохранились там до нашего времени.

Не принимая на себя решения этих вопросов, тем не менее мы считаем не лишним представить здесь несколько данных, которые, скорее всего, могли быть замечены при чтении топографических карт древнего Новгородского края, и соображений, к которым приводят древнейшие письменные памятники новгородской географии, именно «Устав о мостех», приписываемый не без основания Ярославу, и «Уставная грамота Новгородского князя Святослава Ольговича». Из них первая проливает свет на распространенность Новгородских волостей в половине XI века, а вторая дает точные указания на владения Новгорода в первой половине XII века (1137 год), тем самым представляя основания для определения их к концу эпохи, обнимаемой Начальной летописью. При чтении специальных топографических карт древнего Новгородского края нельзя не заметить, что географические названия чисто славянского происхождения господствуют только на южной окраине его, в той части Озерной области, которая непосредственно примыкает к Оковскому Лесу и

верхнему Подвинью, искони заселенным кривичами. Эту область можно ограничить Шелонью (на северо-западе) и Мстой (на северо-востоке), то есть полостью Ловати. Но вместе с тем нельзя не видеть также, что славянство уже не было в ней первобытным населением, что оно водворилось здесь на инородческой основе. Довольно ясные указания на это представляются в инородческих названиях некоторых местностей означенной области, хотя они и встречаются в незначительном количестве. Самое название Ловати звучит как будто не по-славянски. Несомненно инородческого происхождения наименование села Еглина на северо-западе от Валдая, Тухоли к северу от него же, Усть-Волми (ср. Волмино урочище в Новгородской области 1192—1207 годов. «Дополнение к актам истории...». Т. I. № 8) и др.; к югу от Ильменя — Мелечи к северу от Демянска на реке Лиговке (ср. Мелеча 1265 год. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I), Меглина, Морева (1220 год), рек Шулеги близ Холма, Севеги, Ямна, Ерзовки, Яски, Егольской, Скугры и др. С другой стороны, большая часть славянских местных названий, даже названий хорографических (живых урочищ), которые должны принадлежать к древнейшим, отзываются или позднейшим происхождением, или даже переводом первоначальных инородческих наименований. К последним относятся реки, ручьи и озера Черные, Волчьи, Белые, Глубокие, Безымянные, Березовые и др. Близ озера Полиста есть озеро Чудское и недалеко от него Русское. К северу от Шелони и Мсты начинается область сравнительно позднейших расселений славян на инородческой почве (см. выше о воде), которая главным образом про-

легает в полости Волхова, славянское название которого поражает своей оригинальностью и связью с древнейшими мифологическими представлениями славян. Но его притоки представляют пеструю связь инородческих и славянских наименований, причем первые начинают преобладать вниз по его течению (с левой стороны Пидьба, Еглинка, Дыменка, Глубочка со Смотрухой и Ледянкой, Полисть с Глушицей и Дубном, Кереть, Тигода с Равинью, Чагодой, Перестержем и др., Оломна и т. д. С правой — Вишера, Осьма, Дупна, Выбро, Соснинка с Виткой, Оскуя с Обуйкой, Лебенью, Медведовом, Осинкой, Колпинкой, Ингорем). Ниже вливающиеся мелкие ручьи носят славянские названия Бродни, Сестры, Жупанки (карта Шуберта № 8 и № 13). На северо-западе славянские расселения могли проникать в область Луги и Оредежи, низовья которых были заняты водью, а на северо-востоке они еще в начале XII века едва начали заходить за южные побережья Ладоги (Нево озера) и Свиры. И здесь, и там колонизационное движение новгородцев встречало сильный отпор со стороны наиболее устойчивых финских племен (западной чуди, води и еми). Но тем с большей силой оно должно было направляться на северо-восток, в Поволжскую область и на волок, чему способствовало самое удобство водных путей сообщения (Моложский и Мстинские пути, гл. I). Уже с глубокой древности новгородские славяне должны были занять северо-западную часть Поволожья от Мсты, через Тверцу до верхней Мологи, где они являются прочно установившимися в XI веке. В Бежецкой области (пятине), непосредственно зависевшей от Новгорода, должно было быть сплошное, по крайней мере безус-

ловно преобладающее славянское население. Отсюда и через эту область поселения новгородских славян должны были распространиться в земли веси до Белоозера (на северо-востоке), захватывая северные расселения мери, и, может быть достигая на крайнем востоке, по течению Клязьмы (через Нерль; гл. I) Муромских земель. В первых известиях Начальной летописи Белоозеро является чисто новгородской колонией. Летописец говорит по преданию, что на Белоозере была когда-то весь. Но по тому же летописному преданию весь не участвует в первых событиях, сопровождавших основание Русского государства. Ее не видно ни в числе племен, завоеванных и обложенных данью варягами, ни в числе призвавших Русь из заморья, а между тем один из призванных братьев князей садится в Белоозере²⁵⁶. В XI веке, когда под влиянием княжеской власти Белоозеро уже начинает терять связь с Новгородом и тяготеет к Ростову, все-таки оно является независимым от южнорусских князей, взимавших тогда дань с Поволжья, что также дает основание предполагать и в это еще время связь его с Новгородом. Впрочем, надо думать, что по численности населения славянский элемент был тогда довольно слаб и усилился только в христианскую эпоху исторической жизни этого края. Значительнейшие притоки реки Чагоды (Чагодоши) и соединенные с ней озера носят названия неславянские. Иностранческим происхождением отзываются также названия второстепенных рек, тогда как славянские имена если и встречаются в названиях населенных мест, то большинство их, несомненно, позднейшего происхождения — или от христианских личных имен (Василева, Кузмина и Максимова Горки, Игнатов

конец, Тереховы, Лукины, Митины, Савинские, Фетисовы, Алексины, Михайловы и пр.), или от приходских церквей (Рождественские, Преображенские, Покровские, Никольские, Спасские, Св. Прасковьи Великомученицы к югу от Кириллова и др.) Так что славянские наименования, в которых можно подозревать древнейшее происхождение, представляются почти исключениями. Таковы, между прочим, на пространстве между Оятью, Чагодой, Белоозером и Шексной: Ярославичи на Ояти, Надпорожье (ср. Напрези у Константина Порфирородного) на Коцше, Радгощ на реке Леди и близ него Святозеро, Волосово в восточном углу Кирилловского уезда между реками Судой и Колпью; южнее его уже упомянутые нами Железные ворота; ручей, с правой стороны вливающийся в Чагоду; озеро Городня вблизи (к юго-западу) от слияния Суды с Шексной. По Шексне почти вовсе не заметно старославянских географических названий за исключением, может быть, реки славянки и села Волокословинского. Ясно, что на Белоозере, то есть в области, расположенной по течению Шексны (Пошехонье), по крайней мере в языческие времена славянство не было еще сплошным населением, хотя название «Белозерцев», которым характеризует его Начальная летопись в изложении событий половины XI века, указывает на то, что тогда оно преобладало уже над финскими инородцами. Название речки Словянки, впадающей в Шексну вместе с Мломой, несколько выше Сизмы и находящегося в верховьях ее села Волокословинского (см. гл. I) и также села Славянки (несколько ниже Волокословинского), могут сохранять память о древнейших выселенцах в этот край из земли новгородских

славян. Отметим также ручей Ильмень, через Ратцу вливающийся в Пес, несколько выше Леди и озеро Ильменское верстах в семи верстах к востоку от устья Суды, которых имена также дают некоторое основание сближать население Белоозера с населением новгородского Ильменя. Более сплошными массами новгородские славяне могли распространиться за правый берег Волги в иноподобные земли мери и муромы, где их колонии смешивались и перепутывались с выселенцами из Поднепровья и верхнего Поволжья. Еще в XII—XIII веках область по Ламе, правому притоку Волги, с городом Волоком непосредственно принадлежала Новгороду, и могла быть приобретена для него древнейшими переселенцами из поильменского славянства. Есть мнение, что самая Москва возникла на старинных Новгородских землях²⁵⁷. Далее на восток область мери и муромы, то есть край, ограниченный с севера излучиной Волги от Ламы и Шошы до Костромы, с востока Нерлюю, с юга Москвой и Клязьмой, является в первых известиях летописи не только в тесной связи с Новгородом, но и в зависимости от него. Вместе с Новгородом меря подпадает под власть завоевателей варягов, и, по изгнании их, признанные Новгородом князья обладают Ростовом и Муромом (Лавр., с. 9). Эта связь и зависимость может быть объяснена только ранним наплывом в означенных краях новгородских переселенцев. С другой стороны, как мы уже видели, меря известна летописи только в первое 50-летие нашей истории. Но и тогда, подобно родственным ей веси и муроме, она ничем не обнаруживает самостоятельности. Вслед за тем самое имя ее исчезает, и область, занятая ею первоначально, обозначается

названием Ростовской и Суздальской земель. Эта перемена не могла быть случайна. Она указывает на полное перерождение населения, на окончательное торжество славянства в этом первоначально финском крае, а такое перерождение, конечно, не могло бы совершиться в столь короткое время, если бы оно не подготовлялось издавна колонизационным движением славян. В теперешней географической номенклатуре отмеченного края встречаются названия, которые указывают, с одной стороны, на распространение в нем славянского населения еще в языческую эпоху, с другой — на его родство с ильменскими славянами²⁵⁸.

При таком обширном географическом распространении поильменских славян, Новгород не мог удержать непосредственно за собой всех земель, в которые проникли их переселенцы. Отпадение колонизационных земель началось с потерей Новгородом центрального значения для всей Руси, с переходом русских князей в Киев. Уже в начале X века мы видим Ростов, который можно считать центром новгородских поселений в Поволжье, в непосредственной зависимости от Киева (907; Лавр. 13). При разделе Руси между сыновьями Владимира Ростов и Муром являются особыми уделами. Но вскоре затем они теряют такое самостоятельное положение до XII века, когда они образовали особые княжения (Ростовско-Суздальское, Муромское), остаются волостями южнорусских Приднепровских княжений — Ростов вместе с Белоозером — Переяславского, Муром — Черниговского. Таким образом, с перенесением старейшего стола на юг, в Киев, собственно Новгородская земля ограничивалась областью первоначальных расселений ильменских славян,

и их ближайших, более сплошных колоний в инородческих землях. Она была окружена с востока Ростовской землей Переяславского княжения, с юга Смоленским и Полоцкими княжениями, а на запад и северо-восток соприкасалась с инородческими землями, в глубь которых продолжали идти и колонизация новгородцев, и связанное с ней их политическое господство. Впрочем, на северо-востоке, в Заволочье, они могли распространяться успешнее, чем к побережьям Варяжского моря, на которых инородческое население являлось более устойчивым. Древнейшим памятником исторической географии собственно Новгородской земли можно признать известный «Устав Ярослава о мостех или о мостниках», которым определяются повинности по отношению к городу со стороны новгородских горожан и волостей, непосредственно зависевших от Новгорода. Этот памятник дошел до нас в списках, из которых древнейший относится к XII веку, и, по-видимому, представляет черты позднейшего происхождения, которые не позволяют относить его к Ярославу Великому. Так, он упоминает церковь св. Бориса и Глеба, об основании которой летопись сообщает только под 1176 (Новг. I лет. в полн. собр. русск. лет. Т. III. С. 10), и иноземных купцов, начало постоянных поселений которых в Новгороде необходимо отнести к позднему времени, особенно если иметь в виду, что между иноземными торговцами упоминаются не одни готы, но вместе с тем и немцы. А немцы, по соображению всех исторических обстоятельств, никак не могли явиться в Новгороде как особое население раньше конца XII и начала XIII столетий, ибо непосредственные сношения германцев с русскими начинаются только со

времени открытия Остзейского края бременскими купцами в 1158 году и затем уже в XIII веке развиваются в Новгороде, под крылом готландцев до образования особенного, отдельного от готского, немецкого двора, который и нужно разуместь в уставе под названием «немцы». Все это заставляет приписывать устав о мостех Ярославу, сыну Всеволода Большое Гнездо (конец XII и начало XIII века) или даже Ярославу Ярославичу, брату Александра Невского²⁵⁹. Но тем не менее было бы не совсем согласно со строгой исторической критикой отвергать всякую связь устава о мостех с именем Ярослава Великого. Быть может, первоначальная редакция этого устава действительно обязана своим началом этому князю: по крайней мере все известные списки «Устава о мостех» находятся в списках суда Ярослава и устава о пошлинах и уроках. Далее нет сомнения, что «Устав о мостех» есть не что иное, как письменное подтверждение, закрепление и разъяснение тех повинностей, которые существовали для населения гораздо ранее его и которые установились в силу обычая, еще в то отдаленное время, когда, по летописному преданию, Словени «седоша около озера Ильмеря, прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новгород» (Лавр., с. 3). С другой стороны, признавая, что дошедшая до нас редакция «Устава о мостех» относится к XIII веку и сравнивая ее с другими новгородскими грамотами того же времени, в которых перечисляются Новгородские волости, нельзя не видеть, что она не упоминает многих волостей, упоминаемых последними, и что такие волости — именно те, где новгородцы могли утвердиться только со второй половины XI века, то есть северо-восточные, лежащие за Белоозером.

В «Уставе» нет Вологды, Заволочья, (Колоперми), Тре, Переми, Печеры, Югры²⁶⁰. Эта разница может быть объяснена только тем, что при расширении новгородских пределов городовые повинности не распространялись на вновь присоединяемые волости и что их продолжали нести только те, на которых они пали в старину. Такие соображения дают некоторые основания искать в «Уставе о мостех» указаний на географию Новгородской земли — по крайней мере половины XI века.

Городовыми повинностями относительно Новгорода были обязаны, кроме городского населения, волости Ржевская, Бежицкая, Водская, Обонежская, Яжелбицкая. Из них Обонежская распадалась на три рели: Лужскую, Лопскую и Волоховскую, Яжелбицкая на две, которых названия устав не приводит²⁶¹. Ржевская занимала юго-западное побережье Ильменя, примыкая на западе к Псковской земле на юге к Полоцким и Смоленским землям. Название ее объясняется древним новгородским городом Ржевой, лежавшим на южной окраине Новгородской земли, может быть, на месте теперешнего Новоржева, и позднее заменилось названием Шелонской пятины. К востоку от Ржевской волости за Ловатью простиралась Яжелбицкая, позднее Деревская, пятина, соприкасавшаяся на юге со Смоленской землей, на юго-востоке с Ростово-Суздальской. Центром ее был Яжелбицкий погост на месте теперешнего Яма Яжелбицкого на реке Поломеди к западу от Валдая по дороге в Новгород. С востока к ней примыкала Бежицкая волость — по уставной грамоте Новгородского князя Святослава Ольговича — Бежицкий ряд, заключавший в себе в 1137 году населенные места: Бежицы, Городецк

(к югу от него), Змень, Иезьск, Рыбаньск (ниже его по течению Мологи) и Выизьск (место неопределенное). Здесь новгородские владения могли простирались по Мологе до устья реки Кобожи, а на юго-востоке до Медведицы, которая в известии Начальной летописи о войне Олеговичей с Мономаховичами 1069 года является порубежной рекой между Новгородской и Ростово-Суздальской землей (Лавр., с. 108). Северную часть Новгородской земли составляли волости Водская и Обонежская. Первая, получившая свое название от исконного инородческого населения води или вожан, занимала южное побережье Финского залива. Что касается Обонежской волости, то «Устав о мостех», перечисляя ее части, дает возможность определить ее первоначальное положение и пространство. Из самого названия ее видно, что она достигала Онежского озера. В первой половине XII века область Обонежского ряда заключалась между озерами Ладожским и Онежским, занимала побережья рек Олонки, Свири, Паши и Сяси и с запада Волховом отделялись от Водской волости. Но рели Лужская, Лопская и Волоховская, которые, по смыслу «Устава о мостех», следует признать составными частями упоминаемого им Обонежья, показывают, что при составлении этого «Устава» к нему причисляли область, простирающуюся от южных побережий Ладожского озера и истока Невы на юго-запад по крайней мере до верховьев Луги. Сюда приурочиваются рели Лужская и Лопская, первая — к верховьям Луги, где и теперь еще находится погост Лужский (Егорьевский), вторая к Ладожскому побережью, на котором, как видно из писцовых книг 1500 года, был расположен погост Лопский-Егорьевский,

по рекам Нарве, Шельдихе и Лаве (Лавуе), доходя берегом озера до самого Орешка. Здесь же по реке Лаве и восточному берегу юго-западного залива Ладожского озера находилась особая волостка Малая Лопца, состоявшая из нескольких деревень²⁶². Лежащая по Волхову и этой рекой Волховская рель могла достигать южных берегов Онежского озера, и в первой половине XII века составила уже особый ряд Обонежский — зачаток позднейшей Обонежской пятины. Весьма вероятно, что усиление славянского элемента в Обонежьи, распространение новгородских владений за Свирь, наконец успешный ход колонизации за озеро Онегу и в Подвинье к концу XI и в начале XII века повели за собой отделение собственно Обонежья, Волховской рели Устава, от релей Лужской и Лопской, присоединенных при этом к Водской пятине, частями которой они являются позднее. По уставной грамоте князя Святослава Олеговича 1137 года Обонежский ряд состоял из четырнадцати населенных мест, рассеянных на пространстве от реки Олонки до истоков Ояти, Паши и Сяси. То были Олоньс (теперешний Олонец), Свирь (которое надо искать на реке этого имени), Юскола, может быть, теперешнее село Юксовское на озере Юксовском, соединенном речкой со Свирию, недалеко от ее истоков; Тервинич или теперешний Тернич Наволок на реке Свири ниже Лодейного поля или, что вероятнее, погост Тервиничи (1500 год) на южном притоке Ояти в Тихвинском уезде, почти на границе с Лодейнопольским, Вьница (Вьюница) теперешний Виницкий погост (1500 год) на Ояти, выше Ярославичей в Лодейнопольском уездов. Далее на запад по реке Паше: Устье Паши, Пахиток

на Паше (место неопределенное), Кукуева Гора или Кучевина на Паше Новгородского уезда, или Кокова на Паше же в северном углу Тихвинского уезда. Далее — Пермино и Кокорка — места неопределенные, но так как уставная грамота в исчислении местностей соблюдает известный порядок, следуя их расположению с севера на юг и юго-запад, то их следует искать где-то между Пашей и Сясю, к полости которой грамота вслед затем переходит. Здесь, на Сяси, лежали Масиега, Липсуевичи, Тойвота и Липна. Из них Масиега приурочивается к побережью речки Масельги, через Волгому (Валгаму), вливающейся в Сясь, близ самого впадения этой последней в Ладожское озеро. Здесь мы видим населенные места: Масельская Горка, Масельский погост и деревни с именем Масельга: Усадище, Заречье, Залужье, Тихомировщина. Липна Устава приурочивается к погосту Липицкому или Липинскому (1509 год), на Сяси, несколько выше впадения в нее реки Тихвины. Липсуевичи и Тойвота — места теперь неопределенные — надо искать по той же реке между Липной и Масиегой.

Такое обширное пространство занимал Обонежский ряд в первой половине XII века. В эпоху Начальной летописи оно должно было быть меньше, ограничиваться землями, ближайшими к более сплошному населению новгородцев по Волхову. Рассматривая географическое распространение еми мы видели, что во всю эпоху Начальной летописи Новгород вел с этим племенем борьбу, и, сколько позволяет судить краткость летописных известий о ней, эта борьба шла на северной окраине Обонежского ряда (см. выше гл. II). К концу XI века новгородцы стояли уже в нем твердой

ногой. Он был передовым постом собственно Новгородской земли на крайнем северо-востоке. От него и через него Новгородские колонии стали распространяться за озеро Онегу к Северному морю и в Подвинье, находя себе поддержку в одновременном колонизационном движении славян через Белоозеро и Сухону, на реках Юг и Вычегду, в область югры, пещеры, самояди. Из устава 1137 года видно, что в это время колонизационная область новгородцев достигала только на северо-востоке Пинеги и что славянское население было в ней крайне малочисленно и редко. На неограниченном пространстве от Онежского озера до Белого моря, Пинеги, Ваги и Сухоны этот «Устав» насчитывает только двадцать шесть местностей, в которых успели тогда утвердиться новгородцы²⁶³. Ясно, что конец XI века следует признать эпохой первого утверждения новгородского славянства в Поонежье и в Подвинье.

В собственно Новгородской земле Начальная летопись называет только Новгород и Ладогу, в которой, по позднейшим спискам ее (Ипат. и др.), утвердился первоначально Рюрик (теперешняя Старая Ладога на Волхове). Новгород был поставлен словенами при их первом расселении около озера Ильменя (Лавр., с. 3) по обоим берегам Волхова, который уже в XI веке разделял город на две части или стороны — Торговую 1030 (Новг. III, с. 210), на правой стороне Волхова, и Софийскую, на которой в 1042 году Ярослав заложил каменный город (там же, с. 211). Из построек новгородских эпохи Начальной летописи известны: деревянная (дубовая старая) церковь св. Софии, поставленная при крещении Новгорода в 989 году владыкой Иоакимом в конце Пискипла улицы над

Волховом (208), и через 60 лет в 1049 году сгоревшая (Новг. III; Софийский временник, с. 138). В 1045 году князь Владимир Ярославич заложил новую каменную церковь св. Софии (Лавр., с. 67); Поромонь двор (на Варяжской улице), где были перебиты новгородцами варяги, вызванные князем Ярославом в 1015 году (Лавр., с. 61); и княж двор Ярославль («дворище Ярославле») на Торговой стороне, над Волховом, на котором в 1113 году Мстислав Великий заложил каменную церковь св. Николая (Ипат., с. 4). В окрестностях Новгорода: урочище Къземль (Гзень) у Зверинца, на котором новгородцы отразили нападение Всеслава Полоцкого в 1069 году (Новг. I., с. 2), урочище Перынь, на месте теперешнего скита Перыня на левом берегу Волхова у самого истока его из озера. Здесь стоял истукан Перун, уничтоженный крестителем Новгорода Иоакимом; далее на юг Роком (Раком), загородный княж двор Ярослава, на месте теперешней деревни Ракома на северо-западе побережья Ильменя (1015 год; Лавр., с. 61).

Поволжье, как мы видели, первоначально соединенное с Новгородом, по перенесении общерусского государственного центра в Киев, является в непосредственной зависимости от Приднепровья. Есть известие, что при разделе русской земли между потомством Ярослава Ростов был отдан в удел князю Ростиславу Володимировичу, который в 1056 году был переведен в Володимир на Волыне. Затем в 1071 году Ростов является даннической областью Святослава Ярославича, родоначальника черниговских князей (Лавр., с. 75). Но тем не менее в конце XI века он признавался волостью третьего сына Ярослава Всеволода (1096 год; Лавр., с. 107), княжившего в Переяславле. Так

что зависимость его от Святослава Черниговского, как надо полагать, была временной. Всеволод мог уступить Ростов Святославу, когда тот при вторичном изгнании Изяслава Киевского перешел на Киевский стол, уступивши свой Чернигов Всеволоду. По смерти же Святослава и по возвращении Изяслава (1076—1077 годы) Ростов снова был присоединен к Переяславскому уделу. В 1095 году в нем был посажен сын Мономаха Изяслав, вскоре убитый в борьбе с Олегом Святославичем (1095 год; Лавр., с. 108), который захватил было Суздаль и Ростов, но был тотчас же выгнан другим Мономашичем — Мстиславом. С тех пор Ростов и соединенные с ними области Суздальская и Белозерская не выходили уже из рода Мономаха, сын которого Юрий (в XII веке) положил начало самостоятельному существованию Ростово-Суздальского княжения.

Из населенных мест Ростово-Суздальской земли Начальной летописи известны только упомянутые уже нами: Ростов на озере Ростовском или теперешнем Неро, Белоозеро и Суждаль, в 1094 году разоренный Олегом (Лавр., с. 108). В Суздале указывается двор Монастырский Печерский и на нем церковь св. Димитрия, поставленная митрополитом Ефремом (там же). В окрестностях его урочище Кулачък (Колачък), на котором Мстислав Мономашич нанес решительное поражение черниговским Святославичам (там же, с. 109). Эта местность приурочивается к Колокше, впадающей с правой стороны в Клязьму несколько выше Владимира.

Примечания

¹ См. исследование К. Н. Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей» Сиб. 1868. О местных известиях, вошедших в свод. С. 31 и сл.

² См.: *Срезневский И. И.* «Чтения о древней русской летописи» 11, 32, 33 и К. Н. Бестужева-Рюмина, 26.

³ «Се повести временных лет (черноризца Федосьева монастыря Печерского) откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть».

⁴ См.: *Попов К. А. В. И.* Татищев и его время. М. 1861. С. 455 и сл. Недоверие к Татищевскому своду, возбужденное Карамзиным, который, как известно, отвергал все его известия, не встречающиеся в других летописных сводах, старались поколебать Бутков (Оборона р. летописи), Шегрен (в исследовании *Ueber die Wohnzeitze der Jemen*); С. М. Соловьев в своей «Истории России» принимает многие из таких известий. Рассуждение П. А. Лавровского об Иоакимовской летописи дает прочное основание для определения степени достоверности этого важного исторического источника.

⁵ Н. Шлёцер (в переводе Языкова). Т. I. С. 13.

⁶ Там же. С. 14–15.

⁷ Там же. С. 14–15. Строев открыл хронику Амартолы (в славянском переводе) в 1819 году. См. статью его в «Северном Архиве» и его же: «О Византийском источнике Нестора» в Трудах Общества истории и древностей. (Москва, 1828. Т. IV. С. 171), где он указал места (числом семь), заимствованные нашей летописью у Амартола. Ср. также предисловие к изданному им Софийскому Временнику.

⁸ Подлинник Георгия Амартолы, приготовленный к изданию Муральтом, напечатан в VI томе «Ученых Записок» 11-го отделения Императорской Академии Наук: Georgii Monachii, dicti Hamartoli Chronicon ab Urbe condita ad annum p. Chr. N. 842. — Космографический отрывок «Повести временных лет» заимствован из IV главы этой хроники: *Περὶ τοῦ τῆς γῆς διαμερισμῶν*. (С. 39, 40). Он отличается от космографии Амартола в славянском переводе, напечатанной в Приложениях к т. 1 Полного собрания русских летописей (с. 239). Последняя ближе к подлиннику и удерживает, хотя и в испорченном виде, начало космографии, которое составитель летописного свода почел нужным, во избежание слишком явного повторения, исключить: «По размещени убо и стльну розорения, разделише трое сыновы Ноевы всех иже от ных рожденным, и даше им списанием места по уставу, иже от отца Ноя приеше» и т. д. Общее обозрение границ деления в переводе спутано пропуском слов подлинника: «И дастьсе убо в наследие прѣворожденному сыну Ноеву Симу от Персыди и Вакътроней, и Индискаа (ἐὼς Ἰνδιχῆς) и Ринокурурь до Гадирь, яже к югу (Καὶ Ρινοχουρούρων τὰ πρὸς ἀνατολὴν, τὴ δὲ Χαῖμ ἀπὸ Ρινοχουρούρων ἕως Γαδείρων τὰ πρὸς νότον, Ринокурур на восток; Хаму же от Ринокорура до Гадира на юг). Летописный перечень относит к востоку, в предел Симов: Персиду, Ватрь (Бактрию) «тоже и до Индикия в долготу и в ширину и до Нирокурия (в м. Ринокурора), якоже рещи от востока и до полуденья», Сурию (Сирию), Мидию по Ефрат реку*, Вавилон, Кордуну**, Асуриан (Асирия), Мисопотамиру (Месопотамия), Аравию старейшую, Елмаис, Инди (в подл. Ἰνδιχῆ), Аравию сильную (в подл. ἡ εὐδαίμων счастливая*** Кулию Κόιλησυρία у Амортала Кылисирия), Комагин, Финикию всю (в подл.: Φοινίκη πᾶσα καὶ πῶτα μὲς Εὐφράτης). Перечислив затем области, вошедшие в часть Хамову, в полуденье, летописный перечень переходит опять к востоку, к части Симовой: «Сущим ко востоком имать****: Киликию, Памфилию, Писидию, Мосию (Мизию), Лукаонию (Ликаонию), Фругию (Фригию), Камилию (в подл. Καβαλίαν), Ликийю,

* «Сирия и Мидия по Ефрат реку» — в подлиннике нет.

** Кордуна (в подл. Κορδὺνα) Шлёцер видит в этой области теперешнего Курдистана. Т. I. С. 25.

*** Шлёцер полагает что Елмаис и Инди надо считать частью Аравии, так как они поставлены между Аравией старейшей и сильной.

**** В подл.: ἐν δὲ τοῖς χατὰ βορρᾶντὰ παρὰ θαλάσσαν ἔχει; в одном списке славянского перевода: к северу же поморье иметь — в другом, как в летописи; сущим ко вѣстоку имать (С. 240).

Карию, Лудью (Лидию), Масию, (Мизию) другую, Троаду, Еолиду, Вифунию (Вифинию), старую Фругию (Фригию); и острова: Сарьдани (Сардинию), Крит, Купр (Кипр) и реку Геон, зовемую Нил. В Хамовой части: Еюпет (Египет), Ефивопись (Эфиопия), сопредельная с Индами, другая Ефивопись, из которой выходит река Ефиопская Чермна*, текущая на восток, Фива (Фиваида), Ливия, прилежащая к Киринии (Κορήνη), Мармария, Сурите (Сирсис), Ливуи (Ливия) другая, Нумидия, Масурия, Мавритания, лежащая против Гадира. В Афетовой части, в полунощных и западных странах: Мидия, Албания, Армения малая и великая, Кападокия, Фефлигони (Пафлагония), Галас (Галатия), Колхис (Колхида), Воспории (жители Воспоры), Меоти, Деревы (в подл. Δερβίς), Сарматы, Тавриани, Скуфия (Скифия), Фраци (Фраки), Макидонья, Далматия, Фесалия, Локрия (Локрида), Пеления, которая называется также Пелопониссом, Аркадия, Ипирония (Ἰπείρωτις) Илюрик (Иллирия), Словении**, Лухития, Аньдриакия, Оньюреятиньская пучина и острова: Вритания (Британия), Сикилия, Евия (Εὐβοία), Родока (Родос), Кион (Хиос), Лезвон (Лесбос), Кофиран (Кифера), Кодуру, Закуньф (Закинф), Кефалинья (Кефалопия), Ифакино (Ифака), Керькура (Корцира); часть ахийской страны, нарицаемая Ония (ионийское побережье Малой Азии) и река Тигр, текущая между Мидами и Вавилоном (Лавр., с. 1, 2).

⁹ Народы, называемые перечнем: асурияне, комагины, воспории, меоты, деревья (?), сарматы, тавриане, молоссы (одно из фессалийских племен).

¹⁰ В рассказе о призвании князей Начальная летопись называет четыре варяжских народа в том же порядке, в каком

* В славянском переводе Амартолы: дрогаа Эфиопиа, отнюдже исходить река Ефиопскаа Эрифра (Черлена), зрещиа (текущи) на вьстокъ 240. В подлиннике: ἔτερα Αἰθιοπία ὅθεν ἐκπερεῖται ὁ ποταμὸς τῶν Αἰθιόπων Ἐρυθρά ἢ βλέπουσα χάτὰ ἀνατολὰς. Здесь очевидно говорится о Красном (Аравийском) море — mare Erytraeum s. Rubrum, как и догадывается издатель Амартола. Шлёцер полагает, что под рекой Чермной следует понимать Нил. Но Нил упоминается Амартолом в другом месте.

** По замечанию Шлёцера (т. I, с. 32), названия Славян нет в параллельных местах ни в Византийских, ни в других известных ему космографиях. Его нет также ни в подлиннике Амартола, ни в славянском переводе его. Вероятно, оно внесено в летопись первым, кто вставил космографический отрывок в «Повесть временных лет» как объяснение слова Иллюрик (Šafař, Slov. Starož. 190), ибо оно встречается во всех списках.

они помещены в перечне (Лавр. лет. в полн. собр. русск. лет. С. 1, 8). Племена восточной половины Европы исчисляются три раза с небольшими изменениями. См. там же, с. 3, 5, 9.

¹¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. Эйнерлинга. Сиб. 1842. Т. 1. С. 23. Определительнее высказал и доказал это мнение академик Шегрен в исследовании Ueber die Wohnsitze der Jemen (Mémoire de l'Académie Impériale des Sciences de Stpb. VI Sér. Sc. polit. etc. I. S. 264 399). И. Д. Беляев в исследовании «О географических сведениях в древней России» принимает, что известия Нестора относятся к эпохе до призвания варягов.

¹² Беляев И. Д. О географических сведениях в древней России / Записки Императорского русского географического общества. Кн. VI. Сиб. 1852. С. 24.

¹³ Именем Austur-vigi Снорри Стурлезон обозначает путь через русские земли с севера на юг в Грецию. Путь вокруг западных берегов Европы назывался Vestur-vigi; Ihre's Glossarium Suegoth 11. S. 542. Ewers Kritische Vorarb. I. S. 35, 42, а также Šafař. Slov. Staro. S. 517. — В «Трудах и Летопис. Общ. истории и древн. русск.» помещено извлечение из Schlözer's Allgem. Geschichte (S. 541 ff.) о скандинавских путешествиях в переводе Зиновьева.

¹⁴ ...Того озера (Нево) внидеть устье в море варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царю-городу, а от Царя города прити в Понт море... (Лавр., с. 3). Ср. Ewers Krit. Vorarb. I. S. 46—47.

¹⁵ Волга же идет на восток... в часть Симову (Лавр., с. 2) ...Из того же (Оковского) Леса потече Вогла на восток... темже из Руси может ити в Болгары и в Хвалисы, на восток дойти в жребий Симов.

¹⁶ У Гельмольда (Chron. Slav. I. 3. Dani si quidem ac Sueones gens Northmannos vocamus, Septentrionale litus (Варяжского моря нашей летописи см. ниже пр. 24) et omnes in eo continent. At litus austral Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruci, deinde Poloni etc.).

¹⁷ В издании, приготовленном Вередниковым: «Афетово бо и то колено: Варязи, Русь» и т. д. (Лавр., с. 2). Так что варяги составляют как бы отдельное племя от Руси и др. Но самый смысл летописных слов противоречит такому чтению текста. «По сему же морю сеять Варязи семо ко востoku до предела Симова, по тому же морю сеять к западу до земли Агнянски и Волошьски» (то есть до Италии. См. ниже); затем исчисляются племена, принадлежащие к этому колену Иафетову: свеи, урмяне и т. д. В другом месте с. 8: «сице

бо ея зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзии Гѣте, тако и си». На такое же значение слова варяг указывает широкое значение Варяжского моря (см. выше прим. 14). Сравни: Ewer's kritische Vorarbeitung. zur Gesch. der Russen. Dorp. 1814 1 es Buch. S. 48. ff. Приведенное в тексте место он переводит: Und auch diess ist das Geschlechts Jafet's: die Warjager (nänlich) Swej, Urmanen u. s. w. 52.

¹⁸ Немчем (поплати) — «до юваня вымола, ѿ ваня вымола Гтом до Гералда вымола» — «Устав Ярослава о мостех» — Русские достопримечательности. Издание Московского общества истории древностей. Т. II. С. 293. См. также прим. на с. 311.

¹⁹ Шлѣцер (Нест. I. С. 103) указывает в Галичанах летописи жителей Испанской Галиции, которая уже в начале IX века стала известна своим городом С. Яго де Компостелла (См. также в Allgem. Nord. Gesch. S. 542 о путешествии Сигурда). На Туринской карте XII века, помещенной в атласе Лелевеля под № 35 отмечена: Gallecia, Sancti Jacobi apostoli см. Lelewel Géogr. du moyeu vge 1. 87. Галатское море (Behr Ghalatikon, galatikub), как называет Варяжское море персидский географ Hamd-ullah Mesteufi Kaswiny (полов. XIV век). Френ (Ibn — Fozlan's u. anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit Stp. 1823 S. 188), производит от Γαλατία или Galia. Этим названием, по его замечанию, многие греческие и латинские писатели обозначали также и некоторую часть Германии. С. М. Соловьев (История России. Т. I. С. 83) говорит, что галичане летописи, может быть, — жители Валлиса, Pays des Gals.

²⁰ Начальная летопись очень немного говорит о влохах. Но из всех показаний ее очевидно, что именем влох, волхва и т. д. славяне обозначали первоначальное население древней Римской империи и затем население, современной летописцу, Италии. «По мнозех же времянех, говорит она, о расселении славян, сели суть славяне, по Дунаеви, где есть ныне Угорьская земля и Болгарьска. ...Волхом же нашедшим на Словене на Дунайские, седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедши седоша на Висле» и т. д. (Лавр., с. 3). Затем под 898 годом: «пришел от востока и устремишася через горы (Угры), и почаша воевати на живущие ту Волхи и Словени. Сидяху бо ту преже Словене, и Волъхы прияша землю Словенску, по сем же Угра прогнаша Волъхи и наследиша землю. ...оттоле прозвася земля Угорьска» (там же, с. 10, 11). Таким образом волхи исчезают из Угорской земли. Вслед затем они исчезают и в Болгарской земле, где летопись знает вместо них

греков. В 967 году, говорит она, «иде Святослав на Дунай на Болгары. Бившемся обоим одоле Святослав Болгаром и взя городов 80 по Дунаю; седе княжа ту в Переяслави, емя дань на Грьках» (там же, 27). Далее везде вместе с болгарами — греки (там же, с. 20). Как произошла эта замена, видно из объяснения, которое дает происхождению слова влох Шафарик. По его мнению славянское влах образовалось из немецкого *wal, walh, vealh, wälsche*, — имени, обозначавшего у немцев человека галльского или кельтского происхождения. Славяне, говорит он, подобно немцам, именем влахов первоначально называли одни только народы племени кельтского, однако же, так как в древнее время северная Италия и значительная часть южной Германии были заселены галлами, то случилось, что оба племени — славяне и немцы — мало-помалу перенесли имя влахов на всю Италию и на народы, обитавшие за галлами, именно на римлян. Легко можно догадаться, что это перенесение имени случилось еще в древнее время, при галлах, потому что по истреблении галлов оно не могло уже иметь места. «Отсюда, — замечает почтенный исследователь, — очевидна древность славянских народов». Известие о расселении славян с Дуная летопись могла, конечно, почерпнуть не иначе как из народных преданий и народных песен, до сей поры сохранивших память об этой реке. Предание сохранило и имя народа, потеснившего славян, но в то время, когда писал летописец, это имя утратило уже свой первоначальный широкий смысл, в котором приняло его предание. Под влохом понимали тогда только итальянца, жителя Италии, население же сохранившейся Восточной Римской империи обозначалось именем греков. В этом тесном смысле слово влох (*wioch*) до сей поры сохранилось у поляков, у которых оно значит итальянец. Что именно так понимал и летописец, видно из перечня племен, где вслед за волхами, он поставил римлян, веньдицей ... фрягов, и, конечно, не иначе как для ближайшего определения того, что именно он называет волхвой. Имя волхов или влохов вызвало несколько толкований и объяснений. Шлёцер производит его одинаково с Шафариком, но несколько раз менял свое мнение о значении его; Карамзин (История государства российского. Т. 1. С. 18) считает волхов потомками древних гетов и римских всельников троянова времени. Опровержение этого мнения у Шафарика. Соловьев (История России. 1851. Т. 1. С. 83) объясняет волхву как общее имя для романских народов, но выражение «Волошская земля» указывает на территорию одного народа как агнянская земля,

русская, угорская. От всех этих мнений отличается мнение Эверса, который думает, что влох есть славянское название, обозначавшее болгар, преимущественно как номадов (от слова влеку, волоку, польское *wiosze*. I. S. 9). Мнение его разделял и Арцыбышев. А. Ф. Гильфердинг считал влахов X–XI веков потомками римских колонистов или обримленных туземцев, на обоих склонах хребта Пинда.

²¹ Ср. С. М. Соловьев. Указ соч. Т. I. С. 83.

²² «...А Двина из того же (Оковского) Леса и потечеть, а идти на полунощье, и внидеть в море Варажское» (Лавр., с. 3). Выражения: «идеть» и «внидеть» явно указывают на направление течения Двины, а не на положение ее (в северу) относительно Киева, как можно было бы думать.

²³ С. М. Соловьев. Указ соч. С. 82–83. Впрочем, трудно решить, имело ли здесь Варяжское море летописи форму залива или пролива, стояло ли оно в связи с тем морем на далеком севере, о котором в конце XI века летопись узнала из известного рассказа Гюряты Роговича и за лукоморье которого заходили высокие горы (Лавр., с. 107). Летописец ничего не говорит об этом определенного. Ниже мы увидим замечательное сходство известий нашей летописи о Варяжском море с показаниями восточных географов. Приурочивая его к Балтийскому и Немецкому морям, большая часть их дают ему восточное же направление, но уже в начале XIII века персидский географ Ибрагим-бен-Весифшах († 1228) говорит о двух пресных морях у берегов славянской земли, из которых одно течет с север и на юг (Charmoy. *Rélation de Masoudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves*, в *Méin. de l'Acad. des scienc. VI. Sér. Scienc. Polit. etc. t. 11 p. 302*). Захария Казвини (писатель 1275 года) также называет Варяжское море рукавом океана, простиравшимся с севера на юг (*ibid.*, s. 304, 345). Бакуви (в начале XV века) — Ouazane (Ouarane-Wareng). *Lieu sur le bord de la mer du Nord. Il sort de l'océan septentrional un détroit qui va se rendre dans la mer du midi, on le nomme mer de Ouazane (Ouarane-Wareng)*. См. Frähn, *Ibn-Foszlân's Berichte*. (*ibid.*, s. 195–196). Варягов восточные писатели полагали на поморье против славян (Саклаб). *Ibid.*, s. 189–192; Charmoy. 354–355. Следовательно, считая Варяжское море рукавом или проливом Северного океана и давая ему протяжение с севера на юг, они могли представить себе Скандинавию не иначе как островом. Мукадези (XI и XII веков) указывает отечество Руси на острове Вабии, в котором Френ видит теперь Данию. Сведения свои мусульманские географы получали в земле волжских и кам-

ских болгар от норманнов, которые распространили их и на Руси, где также могло составить понятие о Скандинавии как об острове. В таком случае Варяжское море летописи тянулось бы на восток, не как залив Атлантического океана, но как его продолжение, отделяя Скандинавию от русских владений и омывая северные берега поселений крайних северо-восточных племен Иафетовой части. Эти племена были подчинены варяго-руссам, платили им дань, почему летописец и мог считать себя в праве сказать: «по сему морю седять Варязи семо к востоку до предела Симова».

²⁴ Адам Бременский (вторая половина XI века) и за ним Гельмолд (*Helmoldi presbyteri Chron. Slavorum ex res. Lapenbergi, ex Monum. Germ. Hannov. 1868 I. p. 3*). *Sinus hujus maris ab occidentale oceano orientem versus porrigitur, adpelatur ideo Balticus eo quod in modo balthei longo tracta per scithicas regions tenditur usque in Greciam*. Ср. *Tabulam rotundam Rogerianam ad mentem geographorum Siciliae anni 1154 restauratam duce discriptionis Edrisianae* в I томе Лелевеля *Géogr. du moyen vge*.

²⁵ Frähn, *Ibn Foszlan's Berichte*, 199.

²⁶ Frähn, *Ibn Foszlan's Berichte* 182–183. Charmoy *Rélat. 333-334*; Lelewel, *Géographie du moyen vge* III. 15.

²⁷ Charmoy *Rélat. 326*.

²⁸ Frähn, *Ibn Foszlan's Berichte* 186.

²⁹ Лавр., с. 2: «Дунай, Дънестр и Кавкаисинские (кавказские) горы». Шлёцер (Нестор I, с. 43) не считает себя вправе читать вместо Кавкаисинских — Карпатские, хотя летопись, конечно, имела здесь в виду именно Карпатские горы, вблизи которых берет начало Днестр. У греков Кавказскими горами назывался не один только хребет, которому теперь присвоено это название, но вообще большие горы, которые они полагали на конце своей вселенной. Под 1015 годом в Лавр., на с. 60: Угорская гора.

³⁰ Чешский Лес, *Böhmer Wald*, принадлежит к Герцинской горной системе, и тянется на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, образуя водораздел между Дунаем и Влтавой (Молдавой). Если Чешский Лес Мономаха — действительно этот хребет, в таком случае в 1076 году русские войска прошли всю Богемию, начиная от Силезских границ. Мономах упоминает однако Глогову (Глогау у Одера) как ближайший пункт к своему Чешскому Лесу. Это дает повод думать, что дружины его не проникали так глубоко в чешскую землю и доходили только до Силезско-Моравских гор (*d. Schlesisch-Mährische Gebirge*), которые он и назвал Чешским Лесом.

³¹ Siögren, Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen (Mémoir. de l'acad. Impér. des Sciences de Stpb. VI Sér. Scienc. politiq. etc. I. S. 269): 1) Волоком называется узкая полоса земли между двумя реками, текущими в противоположных направлениях, — от слова «волочить, переволакивать» (финское *walka, walkama*). 2) Обширная, лесистая, незаселенная область. В последнем значении оно распространено во всей северной России. См. также Щекатова Словарь (1. 976, 1027). Лес по реке Илети, впадающей в Волгу с севера, несколько выше Казани, и теперь называется Илецким волоком. Ходаковский («О путях сообщения...» в Русском историческом сборнике, издававшемся Обществом истории и древностей России. М., 1837. Т. I.) принимал волок только в смысле пути по перешейку между речными системами, хотя в топографической номенклатуре Европейской России он нашел места с названиями, сродными «волоку» между такими реками, «которых не только вершины приближаются к себе, но и течения обеих имеются в одну сторону, и часто не в дальнем расстоянии» (там же, с. 39—40), то есть волоки в другом смысле этого слова. Что слово «волок» могло иметь более определенное значение как собственное имя границы верхнего Поволжья, Поднепровья и Подвинья, доказывают кроме свидетельств теперешней географической номенклатуры этой местности, старинные поселения: город Стародуб в списке градов всех русских (Полн. собр. русск. летоп. Т. VIII. С. 241), названный Волоцким, Заволочье близ истоков реки Великой (на границе Псковской и Витебской губерний) и Заволочье, упоминаемое в межевой книге Грязовецкого уезда (Васильевский погост в Заволочье. Ходаковский. «Пути сообщения...», с. 30). Оба эти Заволочья указывают крайние пределы волока на западе и востоке. Западнее псковского Заволочья мы не нашли ни одной местности с названиями, напоминающими волок, тогда как на восток они тянутся непрерывной чередой до самого Белоозера. Подобные названия встречаются и далее на северо-востоке в области северной Двины и по Беломорскому Побережью, но там ими обозначаются исключительно местности на перешейках, по которым производится перевозка товаров и даже судов сухим путем, и они, очевидно, получили название позднее, с водворением на северо-восток русской народности. Такова, например, Волоковая Губа в двух верстах на юго-восток от Святого Носа, служившая пристанищем промышленничьим лодкам, которые, чтобы не огибать Святого Носа, перетаскиваются из нее в Лопское становище (См.: М. Ф. Рейнке. Описание

северного берега России. Сиб. 1850. Т. I. С. 203). О значении волока как нарицательного имени у Рейнике и в предисловии к Спискам населения Архангельской губернии. Но яснее всего обнаруживается значение слова «волок» как собственного имени в названии целой области Беломорского бассейна, Заволочье, то есть область по ту сторону Волока, за Волоком. В теперешней номенклатуре мы находим следующие места с названиями волоков на пространстве от верхних течений западной Двины, Днепра и Волги до Северной Двины: два Волочка в восточной части Дорогобужского уезда, оба в 25 верстах от уездного города; далее на север — Волочок на Днепре несколько выше устья реки Вязмы (Сычовского уезда), отсюда через Двину к западному побережью озера Ильменя село Волоковое к югу от озера Касплинского в Поречьском уезде; озеро Волочин в Невельском уезде; Большой Волочок к западу от Порхова; Волочок и Большой Волон на озере Красногорском (Лужского уезда), северный пункт. Самый западный пункт — Заволочье, о котором было выше. Затем на восток: озеро Волочно к юго-востоку от Демянска, в его уезде; Волон на юг от Лучанского озера, Торопецкого уезда, Волон — Красное тож — у северо-восточного берега озера Жаденья, в лесистой местности Осташковского уезда и созвучные Переволон Старый и Новый на северо-восток от того же озера; Паволон у северного берега озера Вселуг, Осташковского же уезда; Волон на Мсте, ниже Боровичей (Держковский, см. Ходаковск. *ib.* s. 26). По правую сторону Волги мы находим Волон Ламский и в его уезде села: Волочановский в 17 верстах от города и Волочаново, оба в направлении к Зубцову. По левую сторону Волги: Волон Хотьславль или Волонславинское на реке Чагоде в Тихвинском уезде; ручей Волонья в том же уезде, почти на границе с Белозерским, впадающий в Колпь, приток Шексны (через Суду), Волонья деревня на Суде, к западу от Череповца, озеро Волонское, верстах в 10 на восток от Белаозера; Волоковское село в Пошехонском уезде, на большой дороге в Вологду; Волонтино к западу от Юрьева Польского, Волонкино в Гороховском уезде, почти на границе с Ковровским. В области Онеги — Волон на реке Воложке правом притоке Онеги (Ходаковский). Наконец, в бассейне Северной Двины Волоковская (Лыткинская) и Подволочье на Ваге в Вельском уезде, на границе с Тотемским; Волочок на озере Скрипоне (Устюжского уезда), Волочок на Тойме (Сольвычегодского уезда) и Волочок на реке Лузе в Лальском уезде — это самые крайние пункты на северо-востоке. Самый северный

пункт — Волоковское (церковный погост, Троицкое) на Щерде, притоке Емицы, впадающей в Северную Двину. Таким образом, мы имеем ряд Волоков от верхних Днепра и Двины, и от озера Ильменя через Боровичи к Белоозеру и Емце с одной стороны, и с другой — через Дорогобуж и Волоколамск к Грязовцу и Сольвычегодску. Города, лежащие в этой области, в XIV и XV веке назывались Залесскими, как увидим ниже при рассмотрении списка всех русских городов, и это название должно стоять в связи с древним значением волока как лесного пространства. Нельзя не заметить также того обстоятельства, что географические названия «волок» с его видоизменениями встречаются в лесистом водоразделе между бассейнами Днепра — с одной стороны, Двины, Немана и Вислы — с другой, — от Урало-Алаунской гряды до Авратынских гор и Карпат. Но здесь они реже. Приведем замеченные нами: Волоки на реке Мрае, притоке Березины в Мосальском уезде; Переволока в Копысском уезде, у верховьев Дручи; три села Волоки на Вязине, притоке Вилии в Вилейском уезде; Волоки на реке Сервяче и Переволока, приток Сервяча в Новогрудском уезде; два села Переволока в Волковыском уезде, Красный Волок в Овручском уезде на реке Жереве, притоке Уши. Затем далее на юго-запад, уже в Прикарпатской области — Волочанка Большая и Малая, к югу от Самбора у верхнего Стрия, по ту сторону Карпат: Волоц, Волоцке и т. д. Местности с такими же названиями встречаются и на восток от Днепра, но еще реже (о них см.: З. Ходаковский. Пути сообщения в древней России // Русский исторический сборник. Т. I, кн. 1. М., 1837. С. 36 и сл.). В Северной России — главным образом в Архангельской и Олонецкой губерниях в названиях селений и урочищ очень часто встречается слово «Наволок», иногда в соединении с финскими именами: Корбनावолок, Пертнаволок и др. В последнем случае местные финны переводят его словом *niemi* (*Korbnieni*), что значит мыс (См. Siögren, Ueb. die Wohns. d. Jëmen. S. 334 Anm. 80), по Академическому словарю наволок обозначает, кроме того, луг, на который от разлития вод наносится ил или дряг.

³² О значении заволоцкой чуди как географического, а не этнографического термина, см. далее.

³³ Название Угорского Начальная летопись ставит, по-видимому, в связь с уграми: «Идоша Угри мимо Киева, говорит она под 898 годом (Лавр. 10) горой, еже се зоветь ныне Угорское». В северной России «угор» значит крутой и землистый берег реки.

³⁴ Круг, разбирая значение слова «гора» в известиях Начальной летописи и летописи Новгородской, делает следующее замечание: «Кажется, что слово гора имеет здесь, как и во многих славянских наречиях, одинаковое значение со словом «берег, берег», и тождественно с Немецким Berg, в противоположность долины (d. thal, сравни thal — Weg bei Flüssen, долинный, долный путь у рек), ибо слово berg — «гора» — употреблялось когда-то вместо ufer — «берег» — откуда до сей поры осталось выражение bergen — «спасать», тащить к берегу (an's Ufer ziehen)». См. Forschung. in d. älter. Gesch. Russl.'s II. S. 363. У нас в просторечье — во многих местах — ехать «горой» говорится в смысле «сухим путем». О слове «угор» см. выше прим. 33.

³⁵ См. в рукописи Императорской публичной библиотеки «Рисунки и чертежи к путешествию по России», по Высочайшему повелению, статского советника Константина Бородинина в 1810 году, ч. I. объяснительный текст к чертежу под № XXIII и часть II под № I.

³⁶ Константин Порфирородный, оставивший подробное описание днепровских порогов, говорит только о спуске судов по ним, но ничего не сообщает о взводе судов вверх по течению. Ему известны только семь порогов (из девяти), которых имена он приводит по-русски и по-славянски: 1) Эссуни (Ἑσσοῦνῃ), что истолковывается по-русски и по-славянски «не спать»; 2) Ульворси (Οὐλβωρσί) по-славянски островуипрах (Ὀστρο βουνίπραχ), что значит остров порога (Островъ-ныипраг?); 3) Геландри (Γελανδρί) по-славянски звук порога (Звонецкий); 4) самый большой и опасный Айфар (Αἰφάρ), по-славянски Неасыть (Νεαστήτ), потому что в скалах его водятся пеликаны; 5) Варуфорос (Βαρουφόρος), по-славянски Вулнипрах — Βουλνύπραχ — (Вольный праг); 6) Леанти (Λεάντι), по-славянски Веруци (Βερούτζι) то есть кипение влаги; 7) Струвун (Στρούβουν) по-славянски Напрези (Ναπρεζή), что значит Малый порог. (На Свири и других северных реках встречаются местности с названиями Надпорожье.) См. Лерберия исследования, в переводе Языкова, о днепровских порогах и подлинник Untersuchungen S. 318—382. Теперешние названия порогов: Старо-кайдацкий, Лаханский, Сурский, Звонецкий, Ненасытецкий, Волниисский, Будиновский или Будильный, Лишний, Вольный.

По свидетельству Константина Порфирородного, для прохода через все пороги, кроме четвертого, Неясытя, суда не разгружались, только люди высаживались на берег. Неясыть обходили, перетаскивая груз и разгруженные суда волоком,

по берегу, или перенося их на руках. Относительно хода судов у порогов вверх, против течения, мы имеем домашние свидетельства русских летописей со времени гибели Святослава у порогов в 972 году. Выражения: «пойде в пороги» (Лавр., с. 31), «возведоша пороги» (Ипат., с. 93. 164), «взиде гречник и залозник», указывают, кажется, что суда именно взводились через пороги вверх, по реке, и что едва ли надо было прибегать тогда к перетаскиванию их берегом на всем пространстве от конца до начала порогов.

³⁷ В Рост. лет. под 1111 годом при описании знамения в Печерском монастыре: «я ту бо бе князь Владимир врадостнеся», в Никоновской (II. 43) «в Радосыни». У Бороздина (часть 1-я на чертеже окружностей древнего Киева) Радосынь показана на месте лощинки Радуни. Она брала начало из озера, находящегося к югу от села Ольжич (при истоке Черторыи из Десны), протекала на юг до Городца, где делала крутой поворот на запад, и, приняв с левой стороны ручей, вытекавший из озера Подлюбского, впадала в Черторыю несколько выше Долобского озера. На плане 1810 года (там же) верхней Радосыни нет, но ручей, текущий из озера Подлюбского, до устья Черторыи показан под именем Гнилуши. У Закревского (Описание Киева. М., 1868) эта местность ослеплена без объяснения.

³⁸ В «Поучении Мономаха»: «и наки Итлареву чадь избиша и вежи их взяхом шедше за Голтавом» (Лавр., с. 104). В походе на половцев 1111 года русские — «приидоша на Псел, и оттуда стаха на реце Голте... И оттуде доидоша Върьскла» (Ипат., с. 2). Название Голтвы имеют пять рек, принадлежащих бассейну Псела: 1) собственно Голтва, берет начало в Зеньковском уезде течет с севера на юг, впадает в Псел с левой стороны, близ местечка Голтвы; 2) Шишацкая Голтва, рукав Голтвы у села Решетилówki, сливаясь вместе с Ольховой, образует собственно Голтву; 3) Ольховая Голтва, начинаясь в Зеньковском уезде, близ местечка Опашня, течет с северо-востока на юго-запад, близ села Надежды Полтавской губернии, впадает в Шишацкую Голтву; 4) Средняя Голтва, правый приток Ольховой, впадает в Ольховую с правой стороны у села Надежды; 5) Сухая Голтва, правый приток Средней, — в Зеньковском уезде, 5 верст течения. (См. Географический словарь Семенова. Т. 1. С. 652).

³⁹ Судомы-река берет начало у Дмитриевой горы, села на границе Порховского и Псковского уездов, и впадает в Шелонь с левой стороны у села Княжьи горы.

⁴⁰ На другие водные пути из Двинской области в Поднепровье есть, впрочем неясное, указание в известии о походе новгородцев на полоцких кривичей в 1127 году к Неколочу, который приурочен Надеждиным к селу Некуче (вернее Некоче, на карте Шуберта № 29) к северо-востоку от Лепеля, у небольшого озера. В Новгородской I летописи, (с. 9); под 1141 годом новгородцы... «Якуна (бежавшего из Новгорода с князем Святославом Ольговичем) яша на Плисе». Для соображения отмечаем реку Плису, через Бобр вливающуюся в Березину (в восточной части Борисовского уезда).

⁴¹ Под 1168 годом мы имеем следующее известие о пути киевского князя Ростислава Мстиславича из Киева в Новгород. Он шел на Чичерск, то есть вверх по Соже, к Смоленску; «и оттуде в Торопечь. И оттуде посла к сыну Святославу Новугороду, веля ему възъехати противу себе на Луки, бе бо уже Ростислав не здравствуя вельми, и ту снимася на Луках с сыном и с Новгородци. И оттуде возвратися Смоленьску» (Ипат., с. 94). Это известие передано или неполно или неверно. Луки (то есть Великие Луки) лежат значительно на юго-западнее от Торопца, вовсе не по пути из этого города в Новгород. Желая уладить затруднения, возникшие в отношениях Святослава к новгородцам, и, не чувствуя себя в силах продолжать путь до самого Новгорода, Ростислав, вероятно, с дороги в Торопец свернул в ближайший новгородский город Великие Луки и вызвал туда сына и недовольных новгородцев, которые, конечно, неохотно приняли бы предложение вести переговоры в Торопце волости враждебного им князя. В Новг. I лет.: «На зиму, приде Ростислав из Кыева на Луки и позва Новгородьце на поряд» (с. 14). Во всяком случае для нас важно это известие летописи как указание торопецкой ветви великого водного пути. Здесь находятся населенные места: Городок, Желна, Шейно (может быть Ю, Жеини Великая, упоминаемая в грамоте того же князя Ростислава в 1150 году («Дополнение к актам истории...». Т. I. С. 6.)), Верховье, Волок, Волковская, Понизовья.

⁴² Подробное описание этого пути находится в упомянутом уже сочинении Рейнеке о Северном берегу России, т. I, с. 413. Он идет от города Онеги вверх по реке Онеге 275 верст, до устья реки Кены, впадающей в реку Онегу с левой стороны у села Плесковского, в излучке между почтовой станцией Архангельской и Коневской. Далее — по реке Кано 30 верст, Кепозером 25 верст до северного угла губы Свиной, к устью речки Почей; этой речкой через Почозеро в речку Волошу и

в Володозеро, всего 35 верст; из Володозера 6 верст болотистым волоком на реку Череву, к селу Спасскому; отсюда вниз по реке Череве 15 верст; по реке Водле до города Пудожя 80 верст и еще 12 верст до села Подпорожья, у которого грузятся гальясы, и до устья Водлы 20 верст. Этим путем от Онеги до Петербурга считается 1022 версты. Еще в начале этого столетия он имел важное значение для доставки грузов от Петрозаводска в Архангельск. Новгородцам он сделался известен очень рано, не позже начала XII века, как мы увидим при разборе «Уставной Грамоты» 1137 года.

⁴³ Эверс полагает, что все европейские Иафетиды Нестора могут быть разделены на словян, чудь, варягов. *Fast sollte man glanben, sie (d. h. unvollkommene Ethnographie Nestor's) habe alle europäische Iaphetiden in Slaven, Tschuden u. Warjagor getheilt. Kritische Vorarbeit. I. 51).* Но греки и литва составляют в понятиях летописца два особого рода племени, которые он отличает от славян, чуди и варягов.

⁴⁴ В «Русской Правде»: «Ожели будет варяг или Колбяг»... (Русские достопримечательности. Т. II. С. 33). Татищев объясняет колбягов жителями Кольберга (Колобрег слав.), приезжавшими в Новгород для торговли. Карамзин (Указ соч. Т. II. С. 34) переводит слово «колбяг» — чужестранец. По Ходаковскому, колбяги — жители берегов Колпи, впадающей через Суду в Шексну. Розенкампф (Образование Кормчей книги..., с. 228) сообщает приписку к этому слову из Кормчей книги XIII века: «а щже боудеть варяг или Колобяг, крещения не имея, а боудеть има роте по своей вере...» из чего можно заключить, что колбяг значит или идолопоклонник, язычник, или вообще неправославный (Ср. пр. 27 в «Русской Правде» в Русск. Дост. 11. 68). У восточного писателя Демешки встречается название народа келябии, жившего по берегам Варяжского моря вместе с варягами и славянами. Это были, по всей вероятности, литовцы (см. Frähn', Ibn-Foszlan's Berichte 192—193, Charmoy 354). Но г-н Геденов (Отрывки о Варяжском вопросе. С. 150 прим.) полагает, что под келябиями скрываются колбяги «Русской Правды», хоть Демешки писал в конце XIV века (Charm. 305), когда колбяги не встречаются, сколько нам известно, в памятниках. Не было ли слово «колбяг» каким-нибудь более или менее общим названием для чуди, приезжавшей в Новгород, или селившейся в Новгородской области? Есть погост Колбежицкий к юге от Тихвина на реке Воложебю и близ него село Чудский конец. На всем финском севере много местностей с названиями Колбь, Колбино, Колбинский и т. д. По заме-

чанию Кастрена, kolba, kolva значит рыбная вода — от лап. kuolle — рыба, и va — вода (vorles. 98).

⁴⁵ Летопись резко различает славян и варягов. Из прибалтийских славян она знает поморян (ляхов) и помещает варягов на другом противоположном берегу моря. В славянских и финских городах она отличает первых насельников (туземцев, автохтонов) от варягов находников, то есть пришельцев. «От них, говорит она, прозвася русская земля Ноугородцы: ти суть люди Ноугородци от рода Варяжьска, преже бо быша Словени» (Лавр., с. 9). В походах Олега (880, 898 годы), Игоря (912 и 954 годы), Владимира (980 год), Ярослава (1015—1018 годы) и в битве с печенегами (1037 год) всюду они отделены от славянских племен.

⁴⁶ В Новгородской I летописи под 1189 годом записано: «Рубоша Новгородьце Варязи на Гътех немце в Хоружьку и Новоторжце, а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужь за море, ни съла ведаша варягом; нъ пустиша я без мира» (с. 20). Место очевидно испорченное, но все-таки ясно, что тут «Варязи на Гътех» могут означать только готландцев. В 1201 г. «варягы пустиша (из Новгорода) без мира за море... а на осень придоша Варязи горой на мир, и даша им мир на всей воли своей» (там же, с. 25). Это, сколько нам известно, последнее употребление слова «варяг» летописью в изложении русских событий. В сказании о взятии Царяграда крестоносцами варяги — наемная дружина греков: по взятии города Фрязи — «Греки же и варягы изгнаша из града» (Новг., с. 29). В Новгороде было два иностранных двора — немецкий, принадлежавший Ганзе, и готландский (см. Карамзина, т. III, прим. 244). По нашим летописям, двор, стоявший на Торговой стороне на Варяжской улице, на посаде, у княжего двора, назывался Немецким (Новг. III, с. 216, 222 и I, с. 63, 66) церковь, находившаяся на торговищи, то есть Торговой площади, близ церкви св. Михаила, называлась Варяжская, которая отличается от Немецкой ропоты (Новг. I, с. 11, 18; Новг. III, с. 216 и т. д.). Эта Варяжская церковь могла принадлежать шотландцам. Готский (Готьский) двор упоминается в первый раз под 1403 годом (см. Новг. I, с. 102; в Новг. IV с. 144, вероятно, по ошибке — Немецкий двор).

⁴⁷ Немцы вместе с готами обязаны были содержать в порядке мостовые в занятых ими улицах в Новгороде («Устав Ярослава о мостех»).

⁴⁸ См.: *Погодин М. П.* О походе русских на Сурож в «Записках одесского общества истории и древностей». Т. I, с. 195 и сл.; *Срезневский И. И.* Следы древнего знакомства

русских с Южной Азией. IX век (Вестник Императорского русского географического общества. 1852. Т. X. С. 59).

⁴⁹ По объяснению Финлея, в его Истории Византии. Шлёцер (Нестор I, с. 52) полагает Черную реку летописи в Μαυροποταμός или Μέγας ποταμός, которая течет по западной части Фракийского полуострова в Эгейское море и которую нельзя смешивать с Черной рекой в Памфилии, следовательно на окраине тогдашней Греческой империи.

⁵⁰ Арцыбышев Н. С. о Тмутаракани. Труды и Летописи Общества Истории и древностей. Т. IV. С. 80. Так называемый тмутараканский камень найден в 1772—1793 годах на острове Тамани. Это мраморный кусок в сажень с небольшим в длину, в аршин шириной и несколько более 5 вершков толщиной. На боку его в две строки выдолблена надпись: «В лето 6576 индикта 6 Глеб мерил море по льду от Тмутаракана до Кърчева 14 000 сажен (там же, с. 81). О подлинности тмутараканского камня см. Заметку Кепшена в «Трудах...». Т. V. С. 400.

⁵¹ Пруссов Начальная летопись упоминает только мимоходом в перечне народов и вовсе не знает их в изложении событий. В то время едва ли они и входили в столкновения с Южной Русью, от которой очень рано, может быть, с XI века, они отделялись племенем ятвягов (см. прим. 55). Впрочем, есть известие, что еще в X веке русские владения соприкасались с землей пруссов: Дитмар (VI, 58) говорит, что св. Бруно проповедовал в Пруссии на границе с Русью. Название одной из новгородских улиц (Прусская улица) заставляет предполагать старинную связь между новгородом и пруссами. Не лишним считаем заметить, что в самых пределах древней русской земли, в области Нарева и Западного Буга и далее на юг встречаются населенные места с прусскими наименованиями. Таковы: Большие Прусы к юг от Визны по дороге из Белостока в Ломжу; Прусечки у Каменца Литовского, Пруски к западу от Кобрина верстах в семи; Прусье, Прусна Нова и Прусна Стара близ истоков Раты к сго-западу от Белза в Галиции; Прусы к востоку от Львова в семи верстах; Прусы на одном из правых притоков Днестра, верстах в десяти на юг от Самбора, и многие другие (Карты Шуберта и Военно-Топогр. Депо 3-х верстная; для Галиции: Skorowidz wszystkich miejscowosci w Galicji i Lodomeryi. Lwyw. 1855 S. 173.) Такие же названия встречаются и на юго-западе в пределах бывшей Польши до самого Бромберга (Uebers. der Bestandtheile u. Verzeichnisse aller Ortschaft. d. Bromberger Regirongsbezirks Bromberg 1818. S. 37 № 85. S. 59.

№ 34, 38). Если эти названия имеют какие-либо отношения к старинным поселениям пруссов на славянской территории, то они могут быть объяснены или тем, что первоначальные поселения пруссов простирались гораздо южнее той области, где застает их история, или же позднейшим переходом их на юг. О последнем обстоятельстве относительно русской земли наши летописи XIII века дают некоторые известия. Так, в 1275 году, по словам южнорусского летописца, «приидоша Пруси к Тройденони из своей земли неволей перед немци; он же прия е к собе и посади часть я к Городне, а часть их посади в Вьслониме» (Ипат., с. 206). В этом переселении участвовали и борты (1277 год; там же, с. 207). В 1281 году мы видим в дружине Владимиро-Волынского князя Владимира Прусина (там же, с. 210).

⁵² В исчислении народов чтение «норова» встречается только в Лаврентьевском — древнейшем — списке Начальной летописи. В Ипатьевском норома и в других позднейших списках нерома. Тем не менее нельзя не признать правильности позднейших чтений по следующим соображениям:

1) летописец в перечне племен несомненно держится того порядка, в каком они, по его представлению, расселились, — и, помещая норову, нерому, с корсью и либью (литва, зимилога, корсь, норови, либь. Лавр., с. 5), тем самым указывает на их близкое соседство;

2) северно-русские летописи, сообщая довольно подробные сведения, по крайней мере о названиях различных чудских племен в прибалтийском крае, вовсе не знают племени норovy: им известна только река Норова (Нерова. Софийский временник в полн. собр. русск. лет., т. V, с. 188), проток из Чудского озера в Финский залив, весьма часто упоминаемый в изложении событий XIII и XIV веков.

⁵³ Вопрос о происхождении и национальности ятвягов не может считаться решенным, хотя относительно его было уже высказано несколько более или менее удачных предположений. Из них самое важное — отца славянских древностей Шафарика (Slov. Staroz. 274—295) который, причисляя их к сарматскому племени язигов, часть которой уже в I веке по Рождеству Христову проникла в Подлесье со стороны Днепра и черноморских краев и в X веке является в истории под названием ятвягов (ятвеза, яцвези). Большая часть польских историков видит в них литовское племя, основываясь на свидетельствах Кромера (Getharum s. Prussorum genus L. IV, s. 19), Длугоша, утверждающего большое сходство их с литовцами, самогитами и пруссами по народности,

языку, обрядам (ritu), религии и нравам (Hist. Pol. IV) и Матфея Меховита. Последний говорит, что в его время (в начале XVI века) ятвягов оставалось уже немного и что у них свое собственное наречие, отличное от литовского, жмудского и прусского «*Quatuor ergo gentes Prutheni, Jaczwingi, Lithuani cum Samogitis et Lotipali habent propria lingua valde in paucis consonantia et convenientia* Cronic. Polon. Cracov. 152 p. 40). В другом сочинении *Descriptio Sormatiae* «*Linguagium Lithuanicum est quadripartitum: primum linguagium est Jaczwingorum... alterum est Lithnanorum... tertium pruthenicum, quartum in Lotwa s, Lothihola*». В том же смысле высказываются Гвагнин и Стрыйковский. Эти свидетельства признали Нарбут, Ярошевич и др., Henning (Comment. de rebus Jazygum s. Jadzwingorum Regiomonti 1812) и из наших ученых академик Шерпен в исследовании, к сожалению, не получившем окончательной обработки — *Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse d. Jatwägen* (aus d. Memoir. de l'Acad. Sc. polit. IX Stp. 1858). Если мнение это и не может быть признано окончательно доказанным, то во всяком случае оно сильно поддерживается историческими данными о близости отношений ятвягов к пруссам, бартам и литве в XII—XIII веков, — данными, которые представляет наша южнорусская летопись. Поэтому мнение это имеет преимущество перед патриотической теорией, высказанной д-ром Шульцом о лехитском происхождении ятвягов и опровергаемой самым ходом событий XIII века (Szulc. O znaczeniu Prus dawnych. str. 23, 140—151), а также и перед догадкой о финском их происхождении (Thunmann Untersuch. üb. die Geschichte einiger nördl. Völker), неверность которой признал Шерпен, прежде ее разделявший (его статья в Denkschriften d. russisch. geographisch. Gesellsch. Weimar. 1849. В. I). Положительного разъяснения национальности ятвягов следует ожидать только от научного филологического исследования тех немногих остатков ятвяжского языка, которые сохранились до нас в летописях, главным образом в нашей южнорусской, то есть несколько личных имен и географических названий. Имена личные ятвяжских князей и старейшин читаются в Ипатьевской летописи под 1227 годом — «Шютр (Шутр) Мондунич, Стегут, Зебрович Небр» (с. 167); под 1248 годом: «Скомонд и Бороть зла воиника, иже убиена быста посланием. Скомонд бо бе волхв и кобник нарочит; борз же бе яко зверь; пешь бо ходи повоева землю Пиньскую» (с. 182). Он был убит, и голова его посажена на кол. Выражение «волхв и кобник нарочит» не указывает

ли на жреческое звание Скомонда. Замечательно, что два из озер бывшей в XIII веке ятвяжской земли в восточной Пруссии — Скомацко к северу от Иоганисберга и Скоментен на восток от Лыка — носят названия, родственные имени этого волхва и кобника, воды же у языческой Литвы пользовались, как известно, особым религиозным почитанием... Затем под 1251 годом: Небьяст; под 1255 годом: Стеикинт (Стекинт, Стекынт, с. 191, 193), Комат (там же); под 1256 годом: Анкад (с. 192); Юндил (с. 193); под 1274 годом: князи Ятвяжеции — Минтеля, Шюрп (ср. Шютр 1227), Мудейко, Пестила (с. 205). Подобный разбор географических названий сделал Шульц в названном выше сочинении, но неверно и пристрастно. С известиями южнорусской летописи он был знаком только по примечаниям к «Истории» Карамзина; сверх того, задавшись идеей о единоплеменности ятвягов с мазовшей он выбрал из этой летописи только те ятвяжские названия, которыми ему можно было — с некоторой натяжкой — поддержать свою теорию. При этом ясные свидетельства летописи, противоречащие его теории, оставлены без внимания, и принято в основание, что в летописи славянские имена испорчены так, что в них трудно узнать славянское происхождение. Между тем, во всех искажениях собственных имен, какие там замечаются, совершенно противоположное явление. Летописи, скорее всего, искажают иноязычные названия, славянизируя их в видах осмысления. Славянские же имена — особенно географические — передаются почти везде с такой же замечательной точностью, с какой они сохраняются народом в течении столетий.

⁵⁴ Голяди, люди голядь наших летописей (Лавр., 58; Ипат., с. 29). Сродство их с прусской Галиндией доказывается только созвучностью племенного названия; других оснований не представляется. Тем не менее оно принято историками Литвы и России (Narbutt, 235–256. — Соловьев С. М. Указ соч. Т. I. С. 77). Ходаковский сомневается, однако, в значении нашей летописной голяди как племенного названия, полагая, что здесь надо принимать особый класс народа, но ничем не поддерживает своей догадки. Прусская Галиндия находилась к северу от Мазовии у верховьев реки Аллии (где теперь Алленштейн). О границе ее см. Нарбут. Dzieje Litewskie II. S. 514, — извлечение из книги «Privilegien des Stifts Samland, u. Voigt Geschichte Preussens» I. S. 495.

⁵⁵ Область ятвягов указывается Длугошем в соседстве земель: русской, мазовской и литовской; их митрополия Дрогичин, Меховит, сообщая то же известие, не называет,

однако, Дрогичина их городом. По Стрыйковскому, их область простиралась от Волыни до пруссов; и им принадлежали города Дрогичин и Новогрудок. На основании таких указаний составилось мнение о расселении ятвягов по нижнему Бугу, Нареву и Неману, в Западном Подлесье, Подляхиях, части Мазовии — между притоком Нарева Вальпущей и Бугом, в древней Прусской и Самогито-Литовской Судавии (Henning. *De reb. Iazyg.*; ср. Напб. *Dzieje* III. 171 и Jarosz. *Obraz Litwy* I) — область, к которой Шегрен (*Die Wohns. d. Jatwäg*, 8) прибавляет еще юго-западную Литву. Эта область намечена, особенно для XIII века, слишком широко. Вообще все течение Западного Буга от истоков до слияния с Наревом никогда не было занято ятвягами; оно всегда принадлежало славяно-русскому племени. Город Дрогичин никогда не был ятвяжским городом. То же самое должно сказать о верхнем Нареве до устьев Бобри, где уже в первой половине XII века известен славянский город Визна (1145; Ипат., с. 18). Первоначальные поселения ятвягов в IX—XI веках находились, как увидим ниже, в верхнем Понеманье, отделяя русские владения от Литвы. В XII—XIII веках усиление славянства на юге ятвяжской земли и наступательное движение собственно Литвы на северо-восток оттеснили их на северо-запад за Нарев и Бобр, в южную часть Прусской озерной области. Оттуда они в свою очередь отодвинули к северу пруссов, в X веке пограничных с Русью. Там застаёт их история в XIII веке, оставившем о них в южнорусской летописи довольно подробные известия. Оставшиеся в Понеманье ятвяги, потеряв независимость, должны были слиться со славянском на юге, и с собственно литвой на севере. По свидетельству известной грамоты Миндовга 1259 года, литовская область Денова или Дейнова (см. прим. 57) называлась в его время некоторыми Яцвезин: *Denowa tota, quam etiam quidem Jacwezin vocant*. Впрочем, следы их удержались там до начала XVI века. Этот переворот в расселении ятвягов, это передвижение их на северо-запад, конечно, не обошлось без борьбы, на которую мы имеем указания в наших летописях. Из XII века до нас дошло только два известия о походах русских князей на ятвягов: в 1112 году Ярополка Святополчича из Владимира на Волыни (Ипат., 3; Новг. I, с.) и в 1196 году Романа Мстиславича (Ипат., с. 150). Конечно, их могло быть больше. К первой половине XIII века относится известие, которое, хотя и принадлежит позднему летописному своду — Густынской летописи, тем не менее не может быть отвергнуто безусловно. В 1247 году, говорит эта летопись, «многая быша брани кня-

зем Литовским со Ятвяги». Литовские князья обратились за помощью к Даниилу Романовичу Галицкому, который после долгой борьбы победил ятвягов и наложил на них дань «и отселе Ятвягове начаша давати дань русским» (Полн. собр. русск. лет., т. II, с. 342). Здесь можно разуместь только понеманских явягов, ибо на забобранских ятвягов Даниил предпринимал походы несколько лет спустя, причем, как оказывается, русские были совсем незнакомы с тамошней местностью и нуждались в проводниках, чего, конечно, не могло бы быть в земле, покоренной и даннической. Следя за летописными известиями, легко видеть, как постепенно русские отряды проникали далее и далее на север. Еще в 1229 году Берестъв, теперь Брест Литовск, мы видим ближайшим городом к земле ятвягов (Ипат., с. 168), таким же он является и в 1235 (там же); но уже в 1248 году Василько разбил ятвягов, возвращавшихся с набега на Холмскую землю у Дрогичинских ворот (Дрогичин к северу от Бреста) и гнал их несколько поприщ (Ипат., с. 182); через два года в 1250 году Конрад Мазовецкий и Василько были принуждены вернуться за снегами и сереном с задуманного похода на ятвягов уже на Нуре, еще севернее Дрогичина, а с 1251 до 1281 года мы имеем ряд походов русско-польских дружин в глубину ятвяжской земли, за Визну, Бобр и Райгородское озеро. Об этой забобринской местности наши летописи сообщают много географических данных. Здесь поселения ятвягов шли по реке Лыку (Ипат., с. 186) или Олегу, правому притоку Бобра (Јкка, Еік, Јук) до верхней Алны на северо-запад и почти до левого берега Прогеля на севере (по рекам Роминте, Голдапу и Ангерану), как то открывается из рассмотрения топографических данных в рассказе южнорусской летописи о походе Даниила Романовича в 1256 году. На южной границе этой области указывается озеро, на гористом берегу которого Даниил Романович, возвращаясь из ятвяжского похода в 1255 году, видел «град бывший прежде именем Рай», следовательно, теперешнее Райгородское озеро в Гумбиненском округе. Ятвяги разделялись на племена или поколения, находившиеся под властью князей довольно многочисленных. Так, в битве у Дорогичинских ворот 1247 года пало срок ятвяжских князей (Ипат., с. 182); в походе Даниила 1251 года «мнози князи Ятвязции избиени быша» (там же, с. 186); в 1273 году с князьями Галицким и Володимирским заключили мирный договор четыре Ятвяжских князя (там же, с. 205). Из таких племен летописи известны: злинцы (1251 год; там же, с. 185, 193) в области Злине (там же, с. 205) находившейся, как

кажется, ближе других к русским границам, может быть там, где теперь озеро Зельмент, с побережным селением Зеллиген в Гумбиненском округе, — Крисменцы и Покенцы (1256 год; там же, с. 193), как полагают, жители двух областей в Судавии — *territorium Crasima s. Crasime* и *territorium Pokima s. Pokime*, упоминаемые Дуисбургом под общим названием *Silian* (ср. Sjögren. S. 29). Земля ятвягов была покрыта болотами и сама по себе представляла значительные препятствия неприятельским вторжениям. Походы в нее были возможны только зимой, и в случае нападения осеки в лесах служили превосходным средством защиты и обороны. Городов у них не было. Они жили весями и селами, расположенными на островах среди болот. Как везде в лесах, на болотистой земле, поселения были не велики. Из них в походы Даниила Романовича сделались известны: Жака (1251 год; там же, с. 186), которую указывают в исчезнувшей теперь, но на картах XVIII в. значущейся деревне Щак, на юго-восток от Олецка и к востоку от прихода Вилицкен, почти на Литовской границе*; Болдикище или Олдикище (1256 год; там же, с. 193), может быть, теперешний *Walidikiten*, приход на реке Писсе, на большой дороге из Гумбинена в Кальварию, как полагает Шегрен (s. 29), или, что вероятнее, деревня Вальдаукодель к югу от Гумбинена, на одном из правых притоков Роминты: она ближе к месту действий похода 1256 года; далее Тайсевичи и Привичи (там же) места неопределимые; Комата (там же), может быть, там, где теперь Большой и Малый Куммечен (*Gr. und Kl. Kummetschen*) на озере к северо-западу от Голдапа, или где Комойчен (*Komojtschen*) в Гумбиненском округе; Буряля (там же) теперь село Вореллен (*Worellen*) к северу от Куммечена; Раймоче (там же) теперь или Роминтен на реке Роминте или Рамошкемен к северу от Вореллена; Дора (там же), может быть, или теперешнее село Турнен или Турен, оба лежащие в недалеком расстоянии к югу от Гумбинена; наконец, Корковичи (вар. Корновичи) самый отдаленный пункт, куда заходили русские отряды, может быть, Карклинен на реке Луксинне к западу от Гумбинена (ср. Sjögren *Die Wohns. d. Jatwäg.* S. 21, 29). Шульц (*O znszczeniu Prus dawnych*) ищет ятвягов южнее в пределах Мазовии; но при

* Так думает Шегрен; но в летописном выражении: «Даниил... проиде жаку пленя (проидежаку, жаку плее), и прииде на чиста места, сташа станом» жака, противопоставляемая чистым местам, не имеет ли нарицательного значения? На западе России есть много пунктов с названием Жаки или Щаки, Жайке.

теории его о лехитском происхождении этого племени ему иначе и нельзя было наметить их область. Мнению Шульца следует автор «Заметок о Гродненской губернии» в III томе Этнографического Сборника, изд. Императорского русского географического общества.

⁵⁶ Narb. Dziale Litwy II. 174. Ср. Jarosz. Obraz Litwy I. S. 17.

⁵⁷ См. прим. 55. Область Денова находилась между Неманом и Вилией, по притокам Немана, Меречанки, Дитве и Жижме, в теперешних уездах Лидском, Ошмянском и в южной части Виленского, и, может быть, Вилейского. Здесь до сей поры находятся несколько населенных мест, сохранивших древнее областное название. Нам известны — по реке Меречанке и ее притокам: Дойнова и Дойновка к югу от Медников (верстах в пяти), Дайнова на юго-западе от них (верстах в 20), Дайнышки и Дайнова на реке Сольче, Дейново на юг от Сольцы (все в Вилейском уезде); по Дитве — Дойново к западу от Лиды верстах в пяти; по Жижме: Дайнувка у верховьев ее на Виленско-Ошмянской границе, Дайновка ниже Германишек; два селения Дайнова, между Жижмой и Ольшанкой, к северо-востоку от Лиды. Сверх того подобноименные селения встречаются и в южной части Вилейского уезда, на Минской границе, в области Неманского притока Березины: Дойнова Большая, и Дойновка на речке Пурвиле. О Денове: Narbutt. Dzieje. T. IV; дополнение, т. V; т. VII, дополн. IX; а также у Ярошевича (т. I, с. 27), который полагает, что это теперешняя Дейнова — село к западу от Лиды.

⁵⁸ Автор упомянутых нами «Заметок о Гродненской губернии» (Этнографический сборник. Т. III. С. 70. Прим. 72) сообщает, что близ Ятвезей, что недалеко от Суховоля (на карте Шуберта — Большой и Малой Ясвич, Jaroszewicz'n Jadzwił) в двух или трех местах находится нечто вроде кладбищ; местные жители называют их ятвяжскими кладбищами (mogilki Jadzwingowskie) и говорят, что на камнях, во множестве находящихся на них, они видели земледельческие орудия: серпы, косы, топоры и т. д. Автор видел только одно такое кладбище, занимающее среди испаханых полей пространство около 150 шагов длины и 75 ширины. На нем находится до 100 больших необтесанных камней, плитообразных, продолговатых, все в стоячем положении; но ни на одном из них не было замечено изображений. Камни эти внушают суеверный страх и остаются неприкосновенными. Было бы желательно подробное их исследование. Очень может быть, что они действительно стоят в связи, если не

с походом Даниила Романовича на ятвягов в 1251 году, как думает автор «Заметок», то вообще с борьбой этого племени с соседним славянским населением. По изданным в Вильне грамотам, этот Ятвязь известен с 1536 года (Ятвязь Великая. Археографический сборник. Т. I. С. 22).

⁵⁹ Данные, приводимые нами, взяты из карты Шуберта и проверены по 3-верстной карте Военно-топографического депо. Из местностей с названиями, напоминающими Ятвягов, Нарбуту, Ярошевичу, Шульцу и Шегрену, были известны только Лидские и лежащие близ Волковыска и Суховоля. Остальные не были приняты ими во внимание. Нарбут рассказывает, что в местечке Скидели Гродненского уезда была открыта надпись церковно-славянскими буквами, свидетельствующая о крещении ятвягов в этой церкви священником Варфоломеем в 1553 году (см. Tygodnik Wilenski 1817. Т. IV. S. 59—61; 78—80. Ср. Dzieje. Т. II. S. 191). По его же свидетельству, литвины называли русь Гродненского княжества или запеляскую, жившую за рекой Пелясой, притоком Котры, Jatweiu или Jatweiaj (Dzieje. Т. II. S. 170), что значит, замечает почтенный историк, «черные раки», (podobno dla tego ie ciarnych kaftanyw uiywali) Скидель к западу от Лидских Ятвезей врестах в 25.

⁶⁰ См. прим. 52. Прежнее название Вилии — Нерись; на ней теперешнее село Понары, близ Вильны. В области этой реки находится подобноименное озеро Нарочь, соединяемое с Вилией рекой Нарочью, впадающей с правой стороны, ниже Вилейки; южнее, в области Немана: Нарвелишки к юго-западу от Ошмян; Нарейки и Неровы к югу от этого же города, на реке Березине, неманском притоке.

⁶¹ По крайней мере финские племена, занимавшие северную покатость, Заволочье, обозначаются общим названием заволоцкой чуди. В Ростове инородческое население (меря) занимало часть города, называвшуюся Чудским концом. Так, в житии Авраамия Ростовского читается: «...не оубо бе еще приа святое крещение, но и чюдьскы конец поклоняхоуся идолоу каменю». До сей поры многие населенные местности и живые урочища в области, занятой финскими племенами, носят названия чудских; вблизи их часто встречаются названия, напоминающие частные, племенные названия финских народов. О таких местностях см. прим. 87. Остатки некоторых финских племен называются у соседних русских чудью. Водь около Копорья смежные русские зовут и теперь чудью, бранным образом чудью белоглавой и варягами. См.: Ходаковский. Донесение о первых успехах путешествия в

России; Русский исторический сборник; Т. VII. С. 17. Об остатках еми см. далее.

⁶² Sjögren. Ueber die älter. Wohnsitze d. Jemen. S. 308.

⁶³ Под 1143 в Новг. I, с. 9; далее: Ипат., с. 88; Лавр., с. 191; Новг. I, с. 42–43.

⁶⁴ Sjögren. Ueber d. finn. Bevölkerung Ingermannland's. Mémoir. de l'Académ. Imp. de Scienc. Sc. polit. etc. II. S. 146.

⁶⁵ См. Arndt Livl. Chron.; ср. Sjögren Ueber die Wohnsitze der Jemen. Mém. de l'Acad. I. S. 311.

⁶⁶ О родстве веси и води см. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. S. Psb. 1856. S. 15 u. ff.

⁶⁷ Упоминается в изгонных книгах XVI века. Ср. Ходаковский в Русском историческом сборнике. Т. VII. С. 87–89.

⁶⁸ По замечанию г-на Европеуса, в одной Тверской губернии находится до девяти местных названий, образовавшихся от типа «весь». О народах Средней и Северной России до славян. Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Июль.

⁶⁹ Впрочем, С. М. Соловьев видит упоминание веси в известном летописном рассказе о призвании князей. Он предлагает чтение этого места летописи: «Имху дань Варязи из-за моря на Чуди и на Словенех, на Мери, и на Веси, Кривичах», вместо «и на всех Кривичах», как стоит во всех списках; ибо, говорит он, если мера платила дань и потом участвовала в призвании князей, то не могла не платить весь; что весь платила даньи и потом участвовала в призвании князей, доказательством служит поселение у нее на Белоозере одного из братьев Синеуса; потом, как видно, все племена, платившие дань варягам, вошли в состав Рюрикава владения; но не все кривичи вошли сюда, ибо Смоленск был взят только при Олеге (С. М. Соловьев. Указ. соч. Изд. 1851. Т. I. С. XXIV. Прим. 151). Такое предположение уважаемого историка ослабляется несколько другими данными, представляемыми летописью. Муром не участвовала в призвании князей, но тем не менее входила в состав Рюрикава владения. Затем летопись не говорит о взятии, то есть завоевании, покорении Смоленска, а только о подчинении — скорее всего добровольном: «приде к Смоленьску с Кривичи и прия град, и посади муж свой» (Лавр., с. 10). Нельзя не обратить внимания на то, что, рассказывая о подчинении Смоленска, летопись именно указывает, что Олег подошел к нему с кривичами, как будто видя в этом причину или объясняющее обстоятельство приятия Смоленска. Объяснение этого места С. М. Соловьевым см. там же, с. XXX, прим. 174.

⁷⁰ Siögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 281.

⁷¹ См. превосходное исследование графа А. С. Уварова: «Меряне и их быт по курганным раскопкам» в Трудах первого археологического съезда в Москве. Москва, 1871. Т. II.

⁷² Данные, приводимые нами, кроме указанных грамот, взяты из «Списков населенных мест», Карты Шуберта и дополнены по «Географическому словарю» Д. Ходаковского, несколько томов которого хранятся в Императорской публичной библиотеке, и по исследованию графа А. С. Уварова (с. 641—642).

⁷³ Близость этих народов между собой доказывается их племенными названиями. Черемисы называют себя «мага», что значит «человек» — откуда *magja* и *merja* (меря в русских летописях). Муромы и мордва — от *murt*, *mort*, то же, что и «мага». Слово «мордва» объясняется как «люди, живущие при воде, водных путях» (*va* — «вода»); «муромы» — люди на суше (*ma* — «земля»). См.: *Castrén. Reiseberichte u. Briefe aus den Jahren 1845—1849*. S. 17.

⁷⁴ Лавр., с. 5.

⁷⁵ Кроме указанных местностей в древних актах мы находим местности с мордовскими названиями: Мордыш — село, пожалованное в 1440 году великим князем Гороховецкому монастырю св. Василия на Клязьме («Акты истории...», № 38), Мордошное в области Нерли 1472 (год); Мордошское в Суздале 1472 (год). «Акты истории...», I, № 333.

⁷⁶ См.: *Н. М. Карамзин*. Указ соч. Т. V. С. 25 и прим. 40, 41, с. 16.

⁷⁷ Летопись не говорит ничего о мещере, хотя племя это оставило по себе многочисленные следы в Окской области, следы, известные с очень раннего времени. До сей поры четыре северных уезда Рязанской губернии называются мещерскими. В древних актах находим: деревню Пурпна и деревню Филиповскую на Мещерске в Нижегородском уезде (до 1418 года; «Акты истории...», т. I, № 25); рубеж мещерский между Переяславлем и Рязанью (1496. «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 882). В Рязанском княжестве были мещерские бортники, мещерские волости (там же). В Московской области Мещерка у Коломны (1356 год; «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 39); Мещерка Коломенская волость (1389 год; там же, с. 58); Мещерка во Владимирском уделе, в Мелехотском уезде (1504 год; «Акты экспедиции...», с. 111). В Окской области и теперь много местностей носят названия Мещерских.

⁷⁸ Siögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 290.

⁷⁹ Castrén. Ethnolog. Vorlesungen. S. 136.

⁸⁰ В 1489 г. «Князь великий был в Новгороде да послать свою в Гамскую землю... на Свейские и Каанские немцы... они же ходиша до Гамецкого города, землю Немецкую створиша пусту». В Новг. и Воскр. лет.: Полн. собр. русск. летоп. Т. IV. С. 135. Т. VIII. С. 231.

⁸¹ См. Исследования в переводе Языков, с. 37.

⁸² О порядке исчисления чудских племен у Нестора см. заметку Шегрена.

⁸³ Известия Новгородской I летописи под 1143, 1191, 1228 годами и др. (с. 20, 42—43).

⁸⁴ В не раз приведенном нами исследовании Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen.

⁸⁵ Общее число этого племени Шегрен полагал до 20 тысяч душ обоего пола, но, по его замечанию, это племя с каждым годом уменьшается, подвергаясь сильному влиянию соседнего русского населения.

⁸⁶ Так, начиная от Ладожского озера, на северо-восток и восток: село Емава к северо-восток от Пудожя, близ реки Водлы; река и озеро Емене (из финского Nämehjoki, Nämehjogi) в Каргопольском уезде на границе с Вельским; Емба, река Вельского уезда, восточный приток Кубины; Емская гора на Ваге (1471 год; «Акты истории...». Т. I, № 75); Емца река, левый приток Северной Двины (Устьемец, 1137 год. «Русские достопримечательности». Т. I, с. 85); Емецкий погост, Емецкий городок (1471 год; «Акты истории»... ib. s.). По ту сторону Двины волость Гам на Важке, приток Важки Гамшор, в Яренском уезде, где, как утверждает Шегрен, в народе доньше сохранилась память о гамах, составлявших там первоначальное население; деревня Гамовская в Сольвычегодском уезде и на Ижме, недалеко от реки Печоры, деревня Гамская. Затем на юго-запад, в область Волги: Емское село в Тотемском уезде, на границе с Кологривским, на реке Кеми, притоке Унжи; Еманово к юго-востоку от Солигалича; Заемье в южном углу Гороховецкого уезда и близ него Заемье в Пошехонском уезде; река Емена, впадающая в Нерехту к югу от города Нерехты и на ней село Поемень в соседстве с областью мери. Далее, возвращаясь опять к Ладожскому озеру и следуя от него по направлению на юго-запад и юг, встречаем: Емское село на реке Паше, в Ладожском уезде (Ямина гора в Тихвинском); Емецкое озеро в Боровицком уезде, близ реки Песа, через Кобужу вливающейся в Молочу, и недалеко от него реку Ямницу, и деревни Ямница, Ямск, Ямно; Емиги у озера

Селигера, Емша в Осташковском уезде и на крайнем юго-западе озеро Емвнец и две реки Еменец в Невельском уезде. Кроме того, в этой области встречается много названий, напоминающих собой емь, — Ямно (1471 год), Ямы, Ямь и т. п. Областное название Кинешемского уезда — Ямохонь (См.: *Шафарик П.-И.* Славянское народописание / Пер. Бодянского О. М. М., 1843. С. 12). — К западу от Судского озера следы Еми указывают в селенье Яма, на левом берегу Эмбаха, в самом названии Эмбаха (Emma — jögi (эст.), Река Еми; старорусское Омовыжа, Амовжа), в западном притоке Наровы, Яме и т. д. (См. Krug. *Urgeschichte*. S. 498—500).

⁸⁷ В известном рассказе о хождении летописца в Ладогу (1114 год; Ипат., с. 4—5), рассказе, принадлежащем, по всей вероятности, тому же перу, которое записало рассказ Новгородца Гюряты Роговича о Югре. «Пришедши ми в Ладогу, говорит летописец по поводу укрепления этого города, поведаша ми Ладожане, яко сде есть, егда будеть туча велика, и находять дети наши глазкы стекляныи, и малыи, и великыи, провертаны, и другие подле Волхов беруть, еже выполоскываеть вода, от них же взял более ста; суть же розличны. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно, и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видевшие сами на полунощных странах, спаде туча, и в той тучи спаде веверица млада, акы топерво рожена, и взростиши и расходятся по земли, и паки бываеть другая туча, и спадають оленци мали в ней и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми послух Павел Ладожский и вси Ладожане». Предание о падающих с неба белках было повсеместно распространено на всем севере Европы; даже в XVI—XVII веках оно вызвало в Швеции несколько ученых исследований. Ему верили Олаф Магнус, Упсальский епископ (1518 год) и Олаф Ворниус, написавший целую книгу о падающих с неба лемерах. По замечанию А. Брема («Жизнь животных» в русск. перев., с. 159), это не что иное, как пеструшка (*myodes*, норвежская пеструшка *myodes lemmus*); она переселяется обыкновенно огромными массами и на большие пространства. Ее внезапное появление в местах, где прежде ее не было и где вовсе ее не ожидали, дало повод преданию, записанному и в нашей летописи.

⁸⁸ Рассказ о югре внесен в Лаврентьевскую летопись под 1096 годом, тотчас же вслед за «Поучением Мономаха» и его письмом к Олегу. Но происхождение его, кажется, более позднее; оно относится к первой четверти XII века. Нет сомнения, что оно составляет продолжение того этнографи-

ческого объяснения, какое делает летописец относительно происхождения хвалис, болгар, половцев и других по поводу половецкого набега на окрестности Киева и сожжения ими монастырей Печерского, Выдубицкого и др. (Лавр., с. 99, 100). И это объяснение и разговор с Гюрятой связываются вопросом о нечистых человеках, заклепанных в горе Александром Македонским, которые должны изытти перед кончиной мира. Поучение и письмо Мономаха — позднейшая вставка, сделанная или самим Лаврентием (в XIV веке) или в одном из списков летописи, которыми он пользовался. Одно ли и то же лицо написало и упомянутое этнографическое объяснение происхождения половцев, туркмен и др., и разговор с Гюрятой, конечно, решить категорически трудно. Скорее, однако, можно допустить, что разговор с Гюрятой вписан при составлении свода Сильвестром от его собственного лица по поводу объяснения, сделанного печерским иноком. На это указывают вступительные слова: «Сеже хоцю сказати яже слышах прежде сих 4 лет» (Лавр., с. 107). По складу своему он очень близок к рассказу о ладожских чудесах в Ипатьевской летописи; близок он и по времени происхождения. О падающих глазках, верерицах и оленцах летописец слышал, «бывши в Ладоге в 1114 году»; о югре — в Новгороде «прежде сих 4 лет» — выражение, которое не иначе можно понять, как «за четыре года до сего», то есть до окончания древнего текста Начальной летописи в 1116—1117 годах, следовательно, также около 1113—1114 года.

⁸⁹ Железными воротами называются проливы на Белом море между островами Соловецким и Муксом, у устья Двины между островом Мудьюжским и твердой землей и на Океане между Новой Землей и Вайгачем. На них указывает Лерберг в «Исследовании о географическом положении югорской земли». Он искал Югру XI века за уральским хребтом до реки Надыма, Агана и Ваха на востоке, в области, известной несколько столетий спустя, под именем югорской земли, и полагал, что поход 1032 года был совершен морем, из устьев Двины, и что Железные ворота следует полагать в одном из указанных проливов. Но даже позднее мы не видим морских предприятий из устьев Двины к устьям Оби, хотя известен поход новгородцев из Заволочья на Норвегию в 1411 году (Новг. I, с. 104).

⁹⁰ Siögren. Wann und wie ward Zawolotschje russisch.

⁹¹ Под 1219 годом у Татищева записано, что в тот год болгаре воевали югров и взяли город их Унжу; по Воскресенской — нападение сделано было на Устюг.

⁹² Новг. I, с. 73, 74. Заметим, что Сухоной и Вычегдой, сколько известно, никогда не пролегал путь в Сибирь. Он шел Камой, а Кама была уже известна в первой четверти XIV века. В 1324 году Юрий Новгородский, заключивши мир с устюжскими князьями «пойде в Орду из Заволочья по Каме реке».

⁹³ Оно приведено у Карамзина (т. V, прим. 8). В Ростовской летописи: «Той же зимы с Югры Новгородци приехаша. Дети боярские и люди молоды воеводы Александр Абакумович, воеваша по Оби реке и Двиняне стаха противу их полком и избиша Двинян на Кучреа». В Троицкой под 1365 годом: «Того же лета поидоша Новгородци из Югры, а Двиняне взяша Нукурью» (там же).

⁹⁴ Шведский подполковник Р. Schönström был военнопленным в России в 1741 году и написал книгу: «Kort anledning till Svenske historicus förbättrande» («Краткое введение к исправлению шведской истории»), изданную в 1816 году. Отрывки из нее, относящиеся к историко-этнографическим вопросам Северной России, приведены у Миллера (D. ungrische Volksstamm, и у Шерпена Die älter. Wohnsitze d. Jemen и в статье: Wann und wie ward Zawolotichije russisch?). Он, между прочим, свидетельствует, что в его время около Каргополя по реке Ваге и по озерам Онежскому и Ладожскому говорили испорченным финским языком (Siögr. Ueber die Jemen S. 340. Anm. 91). Он утверждает также, что собственно Биармия лежала на восточном берегу Двины. На восток от реки Камы и от Перми, говорит он далее, живет народ, который русские называют вогулами. Прежде они жили, как рассказывали мне некоторые из них, на реках Двине и Юге и назывались тогда югорски (jugorski), без сомнения, по реке Югу, впадающей в Двину, ибо в тех странах к названиям всех рек придается окончание -ога: Югора, Обдора, Печора... Вогуличи говорят языком, составляющим наречие финского. Шегрен отвергает заметку Шенштрема относительно окончания названий рек на -ога, но думает, что, если бы подтвердилось предание вогулов о прежних жилищах их по эту сторону Урала, до верхней Двины и Юга, то тогда оправдалось бы мнение Татищева о жилищах древней югры по этим рекам, — мнение, которое, как мы видели, сильно поддерживается свидетельствами истории. Зыряне до сей поры называют соседей вогуличей, уральских остяков Jögra — jass (jass форма множ. числа); jögra — русская юра (см. Siögren. Wann und wie ward Sawolotschije russisch. S. 525. Nachtrag zur S. 511 ff). Это

же предание вогуличей приводится и Миллером (D. Ugrische Volksstamm I. 153), который относит его к той части пермяков и зырян, которые, избегая миссионерского рвения Стефана Пермского, во второй половине XIV века перешли по ту сторону Урала. С этим соглашается вполне Кастрен (Vorlesung. über d. altaische Völker. 99). Впрочем, мнение Кастрена в этом вопросе вытекает не столько из беспристрастного рассмотрения исторических и этнографических данных, сколько из предвзятой им теории о происхождении остяков и вогулов, которые вместе носят название угров или югров (ugrier — jugrier) из Алтая. Признать их переселение с запада на восток — значило бы стать в явное противоречие с этой теорией. О ней см. статью его Ueber die Ursitze d. finnischen Volkes. St. Petersburg. Zeit. 1850. N. 7—8.

⁹⁵ Это доказано исследованиями, сделанными над вогульским языком известным мадьярским путешественником и исследователем приуральских языков Антоном Регули. См. статью г-на Европеуса «О народах Средней и Северной Европы» в Журнале Министерства народного просвещения. 1886. Июль. С. 55.

⁹⁶ В космографическом отрывке Георгия Амартола: Илюрик, Словене. См. выше примеч. 8. В сказании о первоучителе Мефодии: «ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо быше Словени первее». Полн. собр. русск. летоп. Т. I. С. 12.

⁹⁷ «Сим бо первое предложены книги Мораве, яже прозвася грамота Словенская, яжа грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских» (там же).

⁹⁸ Переяславец, известный у греческих писателей под различными именами (Preslaw, Presthlawa, Persthlawa, Peristhlawa, Parasthlawa), по замечанию Шафарика, древний Марцианополис, теперь находящийся в развалинах. (Slov. Staroï. 618). Марцианополис лежал к югу от балканских гор, близ берегов Черного моря. Переяславец нашей летописи, полагавшей его на Дунае, конечно, не одно и то же с Марцианополисом. Положение его в точности не известно. «Если правда, говорит А. Ф. Гильфердинг, что Рушук, Рущик, иначе Roszik, Oroszik, получил свое название от Руси, то, быть может, он и есть древний Переяславец, или Преслав Малый». (История сербов и болгар. С. 145. Прим. 3). На подробной карте Шуберта (№ 60) показана деревня Прислав на реке Георгиевском Дунае к юго-востоку от Тульчи.

⁹⁹ Киевец, город на Дунае, известен не по одним только нашим летописям. По замечанию В. Гр. Васильевского

(«Византия и печенеги» — Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Декабрь. С. 304) еще в XII веке в подунайской области был город Кий-Κίος. В одном греческом географическом словаре (XI век) указан такой город в Малой Азии, а потом прибавлено, что и в Мизии (Болгарии) существует одноименный город. До сей поры в области нижнего Дуная есть несколько местностей с подобнозвучащими наименованиями: Кинени на реке Бузео к западу от Браилова, Киора близ устья Яломицы, в болотистых низинах, почти напротив Гирсова, Киатра (Тамбурешти) на дунайском притоке Ботчи, ниже Силистрии.

¹⁰⁰ «Святополк... прибеже в пустыню межы ляхы и чехы». 1019 год; Лавр., с. 63. О Чешском Лесе см. ранее, прим. 30.

¹⁰¹ «...А Словяне свое (княжение) в Новгороде, а другое на Полоте иже Полочане. От них же Кривичи... таж Север от них». (Лавр., с. 5).

¹⁰² С. М. Соловьев (указ соч., т. I, с. 43) допускает, что появление известных голядей, родственных литве, в области Москвы-реки может стоять в связи с более поздним переселением на восток радимичей и вятичей.

¹⁰³ Так, например, к числу племен, раньше других явившихся в Поднепровье, по первому известию, следовало бы отнести племя северо, или северян. Тогда как по второму северян надо считать разветвлением кривичей, которые в свою очередь произошли от полочан или новгородских славян, так что северяне должны появиться позднее не только полян и древлян, но и кривичей. Затем кривичей, живших по верхней Волге, Двине и Днепру, на котором был город их Смоленск, «Повесть» называет разветвлением полочан. Между тем из дальнейших ее известий открывается, что напротив, скорее, полочан следует признать разветвлением обширного племени кривичей, получившим свое местное, видовое название от реки Полоты или от города Полотска (как галичане от Галича, витебляне от Витебска): так в рассказе о Рюрике первыми насельниками в Полотыске показаны кривичи (Лавр., с. 9); в 882 году Олег подступает к Смоленску, между прочим, с кривичами, которые, очевидно, замещают здесь полочан; в XII же веке население Полоцкого княжения определительно называется кривичами и полоцкие князья — князьями кривскими (Лавр., с. 132; Ипат., с. 11, 91). Наконец, в третьем перечне опущены дреговичи и в первый раз упомянуты хорваты, из чего следовало бы заключить, что в эпоху, ближайшую к основанию Русского государства, первые уже исчезли, а вторые только что

явились. Действительно, о дреговичах Начальная летопись не упоминает далее, в рассказе о событиях; но Константин Порфирородный упоминает их (другувиты) в числе племен, даннических Руси, а еще в XII веке их именем обозначалась область среднего и нижнего течения Припяти (Ипат., с. 7, 15), — явный знак, что они и тогда еще не утратили своей земельной особенности, или, по крайней мере, что на Руси и тогда сохранялось о ней свежее предание.

¹⁰⁴ Что касается хорватов, то самое имя их и географическое положение заставляет видеть в них ветвь большого племени белых хорватов и считать их коренным древнейшим населением Прикарпатской области. Все эти обстоятельства сильно опровергают объяснение, предложенное С. М. Соловьевым.

¹⁰⁵ *Надеждин Н. И.* Опыт Исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. Т. 22. Ч. 2. С. 28.

¹⁰⁶ Будины, нервы, борисфены Геродота; венеды, сербы, славяне, поляне, велеты, пеняне, хорваты, кривичи, северяне и т. п. — Плиния и Птолемея; споры (сербы) — древнее общее название двух главнейших ветвей этого племени антов и славян, известных Прокопию, и т. д. Ср.: *Шафарик П.-И.* Славянские древности / Пер. Бодянского О. В. М., 1847. § 23.

¹⁰⁷ Происхождение предания о расселении славян в Дунае объяснялось различно. Как кажется, первый обратил на него внимание Голэнбиовский (O Dziejopisach Polskich. S. 58—59), который указывал его византийское происхождение. Его мнению последовал Розенкамф в «Обзрении Кормчей книги». Митрополит Евгений (Словарь духовного писателя. Т. II. С. 90—91), говорит, что источники летописных сказаний неизвестны. Могли быть, однако, какие-нибудь записки предков летописца; кроме того, он мог иметь еще довольно верные предания. Народность его происхождения признана только в последнее время в трудах И. И. Срезневского, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина. Наконец, Н. И. Костомаров в своих последних исследованиях о народных преданиях в летописи (Вестник Европы, 1873) высказал относительно сказания о пришествии славян с Дуная мнение, с которым мы не можем не согласиться.

¹⁰⁸ В Начальной летописи не раз и с видимой настойчивостью утверждается факт единства великого славянского племени. «От сих 70 и 2 языку бысть язык Словенск от племени Афетова, Норци (Шафарин читает «Илюриции»), еже суть Словене» (Лавр., с. 3) ...После рассказа о расселе-

нии их с Дуная: «тако разидеся словеньский язык; тем же и грамота прозвася словеньская» (там же). Перечисляя разноязычные племена, населявшие восточную равнину, летописец снова замечает: «...се бо токмо Словенск язык на Руси... А се суть инии языцы иже дань дают Руси» (там же, с. 5). Очень любопытно в устах летописца Киевлянина, не совсем свободного от племенной враждебности или предубеждения к соседям древлянам, следующее замечание: «Полянм же живущем особе... сущее от рода Словеньска, и нарекошоя Поляне, а Древляны же от Словен, и нарекошася древляне...» (Лавр., с. 5). В сказании о нашествии угров: «Бе един язык Словенск: Словени иже седяху по Дунаеви, их же прияша Угри, и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь» (там же, с. 11). В сказании о Кириле и Мефодии моравя называется общим именем словен и их князи князьями словенскими (там же, с. 11). Далее: «А Словенск язык и Руский один, от варяг бо прозвашася Русью, а первее быша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словеньская речь бе, Полями же прозвашася занеже в поле седяху, язык Словеньский бе им един» (там же, 12).

¹⁰⁹ Такой оплот составляли черные клобуки на восточной (чернигорской) и западной (киевской) стороне Днепра, то есть турцеи, торки, берендеи, коуи, остатки печенегов и сами половцы. Именно в противоположность последним замиренным летопись (Ипат.) не раз называет половцев «диких». К числу их Зубрицкий не без основания относит болоховских князей в области Южного Буга, пощажённых татарами при разгроме Южной Руси в 1240–1241 годах. (История Галицкой Руси, т. III, 135 sqq.).

¹¹⁰ Этнографические границы инородцев на Восточно-Европейской равнине были указаны выше, при обзоре инородческих поселений, по известиям Начальной летописи, и по соображению данных, представляемых теперешней географической номенклатурой. На основании тех же данных могут быть восстановлены пределы первоначальной коренной славянской местности на северо-восточной равнине. Географическая номенклатура имеет огромное значение не только для исторической географии, но и вообще для изучения исторической жизни народов. Это значение всегда сознавалось. Всегда чувствовалось, что «земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре». Но этот источник исторической географии только в последнее время начинает обращать на себя надлежащее

внимание*. Народ, создавая первые географические названия в заселяемой им стране, не только вносил в них свое миро-созерцание, свое понимание окружающего видимого мира, но и связывал с ним свои религиозно-нравственные представления и древнейшие предания своего прошлого. Естественно, что первоначально географические названия были осмыслены; каждое из них имело свое определенное, всем понятное значение. Названия придавались местности или по ее физическим свойствам (реки: Каменка, Лозовая Грязка; города: Кременец, Каменец, Вышегород, Холм), или в честь божества или лица, так или иначе связанного с ней в народном понимании (Перуново, Волосово, Киев, Лыбедь, Боль-

* «Учение географии, — говорит академик Я. К. Грот (в заметке о топографических названиях вообще. — Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Апрель. С. 617—628), — приобрело бы несравненно более смысла и интереса, если бы встречающиеся в ней названия мест и урочищ были более, нежели до сих пор делалось, освещены филологией, т. е. по мере возможности объясняемы и переводимы». Первый систематический опыт подобного труда представляет книга: Edwin Adam's the geographical Word Expositor, or Names and Terms Occurring in the Science of Geography, Etymologically and Otherwise Explained «(второе изд. 1856 г.); последнее — 1860 года шестое издание». В то же время явился другой опыт разъяснения географических названий, именно книга Виктора Якоби (*V. Jacobi. Die Bedeutung der böhmischen Dorfnamen für Sprachund Weltgeschichte, topographisch, naturwissenschaftlich und ethymologisch nachgewiesen. Prž. 1856*). Впрочем, книга эта написана с довольно смелой целью восстановить на основании географических имен, которые имеют, по мнению автора, исключительно описательное значение для местностей (*Ortsheschreibungen*), тот единообразный язык, которым, долго спустя по расселении, говорили люди и который они приложили к географической номенклатуре (*Ortsbeschreibungen od. Ortsnamensprache*). «В большой близости к этому языку удержался славянский, вследствие более раннего и продолжительного обособления жизни этого племени». (С. 34). Из всех же славянских наречий ближе к этому *Ortsnamensprache* стоит чешский (s.9). Очевидно, что подобные труды отводят второстепенное место тому материалу, который может быть извлечен из изучения географических названий известной местности собственно для разработки ее исторической географии. Значение их в отношении исторической географии славянского мира указаны в трудах Яна Колляра (*Rozprawy o gmenbch, poiatkach i storoiitnostech narodu Slawskiego, a geho Kménü, w Buduin 1830*), Шафарика («Славянские древности»), в превосходном, к сожалению, не оконченном, «Опыте исторической географии Русского мира» Н. И. Надеждина; а также в небольшой заметке Эрбена о славянских топографических названиях (собственно о восстановлении славянских онемченных названий), напечатанной в Журнале Министерства народного просвещения. 1869. Октябрь) с заметкой В. И. Ламанского.

шое Батыево и др.), или по событиям, которыми она ознаменовалась (Побоище, Погоня, Крови, Кровинки — левый проток Западной Двины), или же по имени всего народа или одной какой-либо его ветви (Болгар, Козары, Печенеги в Харьковской губернии, Словени, Кривичи, Литва, Русь). Последние чаще всего встречаются на этнографических порубежьях, где сходилась разноплеменное население, и мы будем иметь случай говорить о них ниже. (О происхождении географических имен см. Jacobi Die Bedeutung d. böhm. Dorfsnam. Ss — 47 ff.; об их словообразовании в древнепольском языке — соч. Бодуэн де Куртене; О древнепольском языке до XIV века. Лейпц. 1870. S. 102—106, 87—90. О племенных или народных названиях см. Колляр. O gměnach nar. Slov. S. 3, а также заметку, брошенную мимоходом Шафариком в работе «Славянские древности...» § 25 (Пер. Бодянского О. В. 1848. Т. II. Кн. I. С. 69—70). С течением времени при естественном развитии и изменении живого языка вследствие развития и изменения склада и духа народной жизни первоначальный смысл географических названий стусеивался и терялся, так что теперь в большей части случаев только глубокое филологическое изучение может восстановить его. Но тем не менее сами названия не исчезают за исключением весьма редких и особенных случаев. Они отличаются замечательной живучестью. Они сохраняются не только в одном народе, переходя как бы по наследству от одного поколения к другому, но даже и при полной племенной смене они переходят от исчезающего или вытесняемого народа к тому, который является ему на смену. Новое, пришлое население дает свои названия только тем местам, которые не были до него заняты и возделаны, и которые оно первое заняло и возделало. Старые же географические имена — особенно хорографические — оно сохраняет, конечно, несколько изменяя их в духе своего языка, иногда осмысливая их, иногда давая им другую, соответствующую строю его, форму. Но и в этом измененном и испорченном виде географические названия остаются памятником языка того исчезнувшего населения, которое создало их, и в этом смысле их свидетельства о населении и этнографическом наслоении той или другой земли неопровержимо и несомненно. Из того, что географические названия известной области принадлежат одному только языку, одному народу, необходимо заключить, что этот народ составлял в ней первое, начавшее жить исторически население, тогда как названия, принадлежащие двум различным языкам, тем

самым обличают двойственность населения в той местности, где они преобладают, смену или поглощение одного народа другим. При этом, как справедливо заметил Надеждин, древнейшему первобытному принадлежит обыкновенно хорографическая номенклатура (названия живых урочищ), тогда как рукозанные местности получают имена от прошлого. Понятно, что изучение таких данных исторической географии тесно соприкасается с языкознанием и что только после основательной филологической разработки их историческая география может воспользоваться ими, не рискуя слишком точностью своих выводов и вероятностью своих предположений. Такого разъяснения ждут еще географические имена Восточно-Европейской равнины, и поэтому область коренных славянских поселений определяется теперь только приблизительно и гадательно. Надеждин, первый поставивший вопрос о пределах этой области на восточной равнине и первый воспользовавшийся для разрешения его данными географической номенклатуры, заметил, что Карпаты (Горбы) были основным гнездом племени, к которому мы принадлежим; полость Днестровская представляет также несомненные признаки славянства (с. 52). Полость Днепра представляет уже смесь названий славянских и неславянских, смесь, которая усиливается по мере приближения к водоразделам Западно-Двинскому, с одной стороны, Волжско-Окскому и Донскому — с другой. На северо-запад от Днепра, а также и к востоку от него, по всем левым его притокам, первоначальное население не было славянское. Левая сторона Днепровского бассейна не принадлежит к первобытному славянскому миру (с. 54). Здесь первоначальное население было чудское, которое в стародавние времена простиралось от своего уральского гнезда непрерывно на запад, по верховьям Днепровского и Донского бассейнов по крайней мере до Западного Буга и Немана. В самых Вятичах Начальной летописи Надеждин, согласно со Шлёцером, признает чудское племя (с. 63). Все эти выводы, сделанные очень остроумно и блестяще, требуют, конечно, проверки путем филологического изучения местных названий. Уже в глубокой древности славянство вышло из своих первоначальных этнографических пределов, занявши верхнее течение Западной Двины, южные окраины Озерной области и юго-западную часть Волжско-Окского бассейна до полости самого Дона. Славян на этом пространстве Начальная летопись знает уже сплошным и установившим населением. С другой стороны, признаки стародавности этого расселения остались и в гео-

графической номенклатуре означенных областей. Здесь обращает на себя внимание та особенность, что неславянские названия принадлежат важнейшим водам — рекам и озерам — и самым древним поселениям, которых, впрочем, весьма немного, тогда как второстепенные реки, притоки, ручьи и озера, а также большинство рукозданных местностей — чисто славянских наименований: явный знак, что первоначальное инородческое население занимало и возделывало только побережья значительнейших вод, наиболее удобные и для поселений и для сообщений, что оно было слабо по численности и что пришлое славянское население, превосходя его и числом и духом предприимчивости, не только вытеснило его из стародавних жилищ, но перешло на второстепенные реки и озера и дало им свои славянские названия. Таким исстари пришлым на чуждую почву населением являются по указаниям географической номенклатуры полочане, новгородские славяне, частью кривичи, северяне, радимичи, вятичи, которых, за исключением двух последних, летопись считает столь же древними на своих местах как поднепровское и прикарпатское население. Между тем географическая номенклатура указывает, что здесь славяне составляют наслоение, хотя и весьма древнее, на инородческой основе. Так, например, в области Днепра неславянские названия замечаются только в притоках самого верхнего Днепра, выше Смоленска: Вязьма, Осьма, Вопец, Вопь, Надва, далее же Ужа, Устрома, Лежа, Морейка, Березань, Троица, Трощанка, Дрють и другие, за которыми можно уже признать славянское происхождение. То же мы находим в области Десны, верхние притоки которой — Деклог, Витьма (Брянского уезда), Болва с Пуичкой (Жиздринского уезда) — звучат не по-славянски. Тогда как нижние — чисто славянского наименования, за немногими исключениями (как, например, Вага, которая вливается в Сновь вместе с Трубежом, Вербачовкой, Городной и др.). Далее, за Днепровско-Окским водоразделом, в области верхней Оки до впадения в нее Угры мы видим большие реки — инородческих имен, мадыя-славянских. В Оку вливаются Зуша с Раковней, Пшевкой, Жердевкой, Алешней, Чернью, Снежатью; Жиздра с Которянкой, Ресетой, которая принимает Ловать и Велью, и Вытебетью, в которую впадает Лютна; Упа с Шиворонью, Плавом, Милыню, Железницею; малые притоки Оки: Крома, Недна, Цона, Орел, Сотумока, Неполодь, Березуя — представляют смесь славянских и иноязычных звуков. Системы Угры и рек, впадающих в Оку ниже ее (Москва,

Клязьма), характеризуются уже преобладанием неславянских наименований побочных вод, хотя на водоразделе между Угрой и Клязьмой, речные пути которого мы рассмотрели выше, славянские имена очень многих рек и ручьев (Песочня, Колодня, Страда, Сосенка, Сходня) свидетельствуют о раннем водворении в этой инородческой области славянских населений. Далее к северу по Волге — хорографические названия славянские встречаются реже и реже по мере приближения к Волоку, а за Волоком славянские звуки слышатся только в названиях рукозданных местностей, между тем, как все хорографические названия — или инородческие, или же несомненно переведены с финского (Черная, Святая и т. п.). То же самое замечается и в Донском бассейне, где в верховьях Дона есть только очень немного притоков и рек со славянскими именами, например, Сосна с ручьем Кривец; Воронеж, в который (ниже Задонска) впадает речка Кривка; и рядом с ней Мещерка. Притоки Северного Донца — славянские, но, очевидно, позднейшего происхождения, как например, Трость, Дубовой, Ольшанка, Березовка, Чесноковка, Солоня, Суходольна, Подгорная. Притоки Хопра и Медведицы преимущественно инородческих наименований, например, у Хопра: Арчада, Камишлой, Сердоба с Касмалой, Елшанкой, Бакурой, Кистендей; Аркадан, Карай, Ворона с Пандой, Алебугом, Чигароном и т. д. Саваза, Караган. Ср. Гидрографическую карту Европейской России, составленную Департаментом проектов и сметы Главного управления путей сообщения и публичных зданий, 1846 год, а также карты Шуберта и 3-верстную Генеральную штаба.

¹¹¹ П.-И. Шафарик (Славянские древности, с. 82) полагает, что до конца X века этнографическая граница русских славян шла на северо-востоке «почти от Ладожского озера на восток, поречьем Тверцы к Волге, потом западной стороной Москвы реки к Оке» и т. д.

¹¹² Уже в это время славянское население стояло твердой ногой на Белоозере и, следовательно, по Шексне и в отмеченной нами моложской полости, как то видно, между прочим, из памятника первой половины XI века «Устава Ярослава о мостех».

¹¹³ Лавр., с. 191.

¹¹⁴ Ленчицане и сербы Константина Порфирородного были, по всей вероятности, первые — лучане или часть волянян около Луцка, или часть кривского племени на юге Озерной области (Великие Луки, Лучане и др.), вторые — северяне. О них будем говорить подробнее при обзоре от-

дельных земель. О мусульманских писателях: ср. «Свод сказаний Мусульманских писателей о славянах и Русских», собранный А. Я. Гаркави. Сиб. 1870. Что касается географа Баварского (846—890), напечатанного Шафариком в XIX веке в приложении к «Славянским древностям», где, между прочим, приведена полная библиография изданий этого памятника, то запутанность его делается очевидной из сравнения противоречивых объяснений, которые сделали ему Шафарик (Указ. соч. Т. I. С. 71—74), и Лелевель (Narody na Ziemiach siowianskich. S. 673—674). По крайней мере для географии русского славянства географ Баварский не дает ничего положительного.

¹¹⁵ На «городища» как памятники древнеславянского быта первый обратил внимание известный труженик славянской, преимущественно русской, исторической географии поляк Зорьян Долуга-Ходаковский. Наблюдения над городищами и городами в большей части древнеславянского мира, которые он сделал, «странствуя от Шлезии до Москвы, и от берегов Днестра до Белозерского уезда», убедили его в важности для славянской истории этого рода памятников, и он предпринял собрать о них возможно полные сведения, как местные, так исторические, в письменных источниках. В 1820—1822 годах, при пособии от русского правительства, обратившего внимание на его труды, он предпринял для своих исследований: путешествие по Петербургской, Новгородской, Московской и Смоленской губерниям. В то же время он имел случай прочитать подробные межевые и другие карты 21 губерний и извлечь из них данные топографической номенклатуры. Результаты его путешествия изложены в «Донесении о первых успехах путешествия в России» (Русский исторический сборник, изданный Обществом истории и древностей Росссии под ред. проф. Погодина. Т. VII. 1844), к которому приложен «Сравнительный словарь», «показывающий одинакия урочища в целом пространстве славянства». Словарь заключает 1350 слов. Сверх того в «Сыне Отечества» за 1820 год помещена также часть собранных им материалов по географической номенклатуре, а затем остался ненапечатанным огромный историко-географический лексикон, которого только небольшая часть хранится в Императорской публичной библиотеке, а большая часть едва ли не погибла; по крайней мере, никаких сведений о ней мы не могли получить... Теория Ходаковского о происхождении городищ и значении городков или городов поражает оригинальностью. Впрочем, изложение ее всюду очень темно и запутано, несмотря на богатство дан-

ных, свидетельствующих о необычной наблюдательности и эрудиции автора. Система городов (градство или городство), разбросанных по всей древней славянской территории и отличающихся единообразием построения, указывает на единство славянского племени, создавшего их, и может служить признаком, по которому определяются древние этнографические пределы славянства (Историческая система Ходаковского в 3-й книжке. Т. I. Историческое собрание, с. 96). Это — основная мысль. Во всех этих городах замечается один характер и неизменные условия. «Исчисляю здесь их условия, говорит он (там же, с. 11—12): 1) находятся вообще в прелестных избранных местах, имея вход с востока... 2) вал из чернозема насыпан до самой подошвы; 3) внутренняя теснота (в другом месте он говорит, что в городе могло поместиться не больше двух жилых домов); 4) постоянные вокруг урочища*... и 5) известное расстояние от других городков, в 4, 6, 8 старых** верстах, или около того, смотря на полосу и почву земли и другие выгоды, способствовавшие первым поселениям». Что касается исторического значения этих городов, то это были не более, как ограды («город или град есть просто ограда,

* Для объяснения этого положения, которым особенно увлекся Ходаковский, и в котором едва ли не заключается главная причина односторонности его теории, подрывающей весь кредит ее, необходимо заметить следующие места из его «Донесения» и «Исторической системы»: «Уже в Новгородской и Псковской губерниях (Ладог., Луг. и Гдов. уездах) замечал я, что одинакие урочища встречаются при сих земляных памятниках, но совершенно в том удостоверился в Тверской губернии... особенно в Осташковском и Ржевском уездах.... Я начал употреблять циркуль с размером по масштабу, например, меж двух городков находящихся часто в расстоянии 8 верст, сделав по середине мысленный предел, рассчитывал по оному все урочища, которые окружают в особенности тот и другой городок; оказалось, что та и другая черта заключали (разделяли?) одинакие названия; в иных местах явились по-видимому несогласные, но существенно к одному значению...». То же заметил Ходаковский и в дальнейшем путешествии от Твери и при чтении межевых карт 21 губернии и имевшихся у него под рукой карт западных и южных славян... «Чем больше вникал я, продолжает он, в сию древнюю черту, тем сильнее уверялся в существовании какого-то правила, учредившего сию однообразную идею у всех славян» (Ист. Сист. 9). В «Донесении» он говорит о той же черте подгородной топографии, прибавляя: «...чем дальше я углублялся в Россию, тем более утверждался в мысли, что какие-то правила были руководством для славян учредить одинаковые везде городища, в избранных к тому красивых местах, и окружающим их урочищам дать одинакие названия» (3—4)...

** 700 сажень.

венец, или, говоря виндскими словами, круг, черта, объятия». (Донес. 76), посвященные славянскому многобожию. (там же, с. 77). В них должны были совершаться общественные богослужения славян особыми жрецами. Ходаковский сближает слово город с «горой», «гореть» (с. 68). Жрецами он считает тех племенных князей, о которых упоминает Начальная летопись, а также князей «сущих под рукой русского князя» Олегова договора с греками. Теорию Ходаковского Шафарик нашел заслуживающей внимания, но определительного мнения о ее достоинстве не высказал. Она вызвала опровержение со стороны Калайдовича в «Письмах об археологических исследованиях в Рязанской губернии» (1822 год), а также академика И. И. Срезневского в «Святынищах и обрядах языческого богослужения древних славян» (Харьков. 1846. С. 35–36) и еще более в записках «О городищах в землях славянских, преимущественно западных» (Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. II. С. 532–533). Но если ближайшее археологическое изучение городищ показало односторонность и исключительность теории Ходаковского, то, с другой стороны, нельзя не признать столь же односторонним мнение, высказанное в последнее время г-ном Самоквасовым (Древние города России. Сиб., 1873), который утверждает, что в дотатарский период было будто бы на Руси несколько тысяч городов (укреплений и центров промышленного населения) и что городища, в таком обилии разбросанные на Восточно-Европейской равнине, не что иное, как остатки этих исчезнувших городов. Все летописные и документальные свидетельства, приводимые г-ном Самоквасовым в пользу своего мнения, могут указывать только на то, что городов в древней Руси было действительно больше, чем их известно поименно. Но как могли бы поместиться несколько тысяч городов на пространстве от Западного Буга до Окской области, от Урало-Карпатской Гряды до Олонецких гор и Белоозера среди населения, занятого преимущественно хлебопашеством и лесными промыслами? Это одно могло бы остановить смелость такого предположения. Затем и в дотатарский период были городища, без сомнения такие же остатки давно исчезнувших городских сооружений. Предание о городище Киевце в Подунайской области указывает, что в глазах летописца XI века городища именно в этом смысле вовсе не были новостью. Из XII и первой четверти XIII века по летописям известно несколько городищ: у Новгорода, в двух поприщах от него, 1195 год; городище св. Марии или Марины на реке Сарре 1216 год. Такие древние городища

можно считать остатками древнего славянского быта только в первоначальных этнографических пределах славянства, тогда так в первобытных инородческих землях они не что иное, как памятники быта инородцев, что очевидно из исследования о быте мерян графа А. С. Уварова. Далее начало многих городищ относится к самой эпохе татарского погрома, ко времени татарских набегов и наездов, когда население искало защиты в лесах, сооружая в них новые временные окопы и укрепления. Предания о таких окопах нам известны в Польше; они вероятны и на Руси. На юго-западе Руси разбросаны курганы и городища, явившиеся во времена казачества и его борьбы с татарвой и ляхами. На юго-востоке под многими городищами скрываются остатки сторожевой линии Московского государства. Таким образом, прежде чем заключать о числе и положении древних русских городов на основании теперь замечаемых городищ, предварительно необходимо из общей массы их выделить различные и по происхождению и по целям роды и виды. Очевидно, что это — задача, которую предстоит еще решить русской археологии. Что касается карт распространения городищ в теперешней России, то первые были составлены Ходаковским: они недавно обнародованы М. П. Погодиным в III томе его «Древней русской истории в домонгольский период». Сколько-нибудь наглядное, но, конечно, не полное изображение географического распределения городищ и области населенных мест, название которых — Городища, Город, Городок и т. п., представляет также «Исторический Атлас России», изданный Павлищевым в Варшаве еще в 1846 году. На это замечательное по своей аккуратности, научным целям и практическому приспособлению к преподаванию отечественной истории издание, к сожалению, очень мало обращает у нас внимания; оно очень мало распространено.

¹¹⁶ Впрочем, обычный термин, употребляемый Начальной летописью для населенных мест, кроме города и городьца — село, сельце (Предславино сельцо; Лавр., с. 34); и погост (Ольга устави погосты — в Ипат., повосты в Лавр., с. 25); термин «весь» встречается только однажды в летописи, сколько мы могли заметить, а именно, в описании половецкого погрома 1093 года; уведенные половцами пленные... «отвещеваху друг к другу глаголюще: «аз бех сего города», а другие: «аз сея веси»; тако съупрошаются со слезами, род свой поведающе и vzdышюще» (Лавр., с. 96). Это обстоятельство не может не указывать, по крайней мере, на малораспространенность речения «весь» у восточных славян, хоть оно имеет полное

гражданство в языке славян западных. При этом, заметим мимоходом, что выражение «род (то есть происхождение) свое поведаяуще» увеличивает собой доказательства в пользу родового начала, из которого вышли и развились наши сельские и городские населения.

¹¹⁷ Изложение и разбор различных мнений, высказанных в исторической науке, см. у К. А. Невוליной в исследовании «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» (Записки Императорского русского географического общества. Т. VIII. С. 69–70). «По буквальному смыслу, замечает он, разбирая известие об учреждении погостов Ольгой, известие летописное должно, кажется, относить ближайшим образом к главным местам округов». Позднее погост значил место, на котором стоит церковь с ее принадлежностями. В таком же смысле это слово употребляется теперь в архангельской губернии для обозначения лопарских селений. Вообще же им обозначают кладбище, при котором находится церковь. Неволин высказывает весьма вероятное предположение, что погосты были первоначально места языческого богослужения, — то, что Ходаковский видит в городищах (с. 85–87). Во всяком случае сродство этого слова с «гостить» («гость», «гостьба») несомненна. Может быть, места языческих богослужений были местами сходов и для торгового обмена. Так как торговые пошлины (гостебное) составляли издревле важную статью дохода для князя, то поэтому, не учреждались ли центральные пункты управления именно в таких местах?

¹¹⁸ О именах отечественных (patronymica) ср. *Шафарик П.-И.* Указ соч. Т. II. С. 69.

¹¹⁹ См. связь Западной Двины с Озерной областью. Гл. I, с. 20.

¹²⁰ Иpeechek Entstehen christl. Reiche in Gebiete d. heut. oesterr. Kaiderstaats (s. 80-81) утверждает, что лучшей охраной от нападения врага славяне считали леса. Ср. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. I. С. 55. Какое стратегическое значение имели леса даже в позднейшее время в XVI веке уже не между мелкими ветвями славянства, но между большими государствами, Речью Посполитой и Московским государством, можно видеть из тех препятствий, какие должны были преодолевать польско-литовские войска Стефана Батория в походе от Полоцка к Пскову (Heidenstein).

¹²¹ После битвы на Рожни Поли, Ростиславичи говорят: довольть «нама н межи своей стати» (Лавр., с. 115). В «Русской правде»: межа бортная, ролейная; дуб знаменный или меженный (Русские достопримечательности. Т. 1. С. 42).

¹²² Лавр., с. 7.

¹²³ Это название встречается в следующих местах летописей. В «Поучении Мономаха»: «идох... из Переяславля та Володимерю на Сутейску мира творить с ляхами». (Лавр., с. 103; событие относится к 1073 году). В 1097 году, в усобицу после ослепления Василька, Давид Игоревич «заим Сутеску (в Ипат. Сутейску), Червень, приде внезапно и зая Володимерце». Там же (с. 115) под 1125 годом: «Ярополк Мономашич, погнавшись за половцами из Переяславля... испостиже я у Полкъстения (Полекостеня, полокъстения)». Там же (с. 129) в Ипатьевской летописи в рассказе о том же событии название местности опущено. В Никоновской летописи (III, с. 59): «Постиже их Ераполк у Стеня». Как кажется, Арцыбашев первый высказал мнение о том, что эти речения следует понимать, как нарицательные имена, обозначающие границу (II, с. 322—348). Карамзин (с. 11, прим. 192) держится того же мнения. Последующие исследователи (Погодин, Надеждин и Неволин, Беляев) не отвергали его. Нельзя не обратить внимания, что подобнозвучные названия Утиски, Хутиски, Хучиски встречаются в древней Юго-Западной Руси именно и исключительно на порубежных местах, и притом с замечательной правильностью. Мы не знаем, случайно или нет такое явление, но считаем нелишним привести замеченные нами данные. На порубежье галицко-волынском, каким оно является в известиях XI—XIII веков, находятся: к югу от Буска в Галиции, Утиско, и на одной параллели с нами, к востоку, верстах в 20 Хутиско, к югу от Олеско (тоже в Галиции). Далее два Хучиска к югу от Брод, на одной параллели с порубежным Плеснеском (1188 год; Ипат., с. 137. В пределах России). На рубеже галицко-лядском: речка Хучва, на которой Чермно — на месте древнего Червеня, (ср. Сутеску 1097 года) и к западу от него, близ Краснобрда: Хусиско, Хусино, Хуциско (тут же множество местностей с названиями Хута, Хутки, Гута). Затем в десяти верстах от них, но все-таки по старому рубежу галицко-ляцкому — Хутиска к западу, в верстах в десяти от Жолкева. Далее на северо-запад на правой стороне от Сана близ теперешней границы Галиции на дороге из Белгорая к Кржешову: Хуцыска и Вулка Хуциска; налево от Сана, между ним и Лонкой два Хучиска, на одной параллели к северо-западу от Лежайска к северо-востоку от Ржешова, Хучиско и Хучино у истоков Лонки; на одной линии с ними Пршеватрно, о котором см. следующее примечание. Наконец, два Хутиска в довольно дальнем расстоянии друг от друга лежат между верхним Вя-

гром и Саном, к западу от Перемышля и к северу от Санока. В середине Галицкой земли замечаются только три местности с такими названиями: Хучиска и Хучиско Суходольске в десяти верстах от Львова и к западу от Бобрка и Хутиско к юго-западу верстах в 15 от Бржежан. Но и тут едва ли не проходил рубеж между Перемышльской и Теробовльской (первоначально составлявшей часть червенской) земель. На Волыни к востоку от Кременца сгруппированы четыре Гутиска; но близ них показан стеклянный завод Антоновский, по-польски Гута (карты Шуберта № 39 и 40). Другие подобноименные названия мы будем иметь случай привести ниже.

¹²⁴ Ворота указываются в Галицко-Волынской летописи по поводу нападения ляхов на окрестности Червеня и Бельза в 1268. В этот год был назначен сейм русских и лядских князей в Тернаве (вероятно Тарнава, по дороге из Люблина в Белгорай). Но «Ляхове к сонмови не пошли, но обишедше около (то есть Тернавы) на Ворота*, и тако поидоша к , и тако поидоша к Белжу, и почаша воевати и села жечи». Василько, узнавший о набеге, на пути к Тернаве из Володимеря, в Грабовце, повернул в Червень, разослал отряды бить хищников, и, когда они отправились в обратный путь, послал за ним племянника Шварна, который и настиг их, когда они ... бяху и еще не вошли в свою землю, но токмо бяхеть Ворота прошли: се же беашеть место твердо, зане не мощно быть обойти его никуда же, темже наречашуться Ворота теснотой своей». (Ипат., с. 203). По точному смыслу этого известия, Ворота находились в русской земле, близ польской границы со стороны Тернавы («обишедше около»), по направлению к Белзу и Червеню, то есть на северо-западной окраине галицкой земли, где самыми крайними русскими городами мы знаем Ярослав и Перевореск теперешний Пржеворск, близ Вислока. В этих местах мы действительно видим селение Пршевратно (Превратно, может быть в м. Предвратье): оно лежит в лесистой местности Решовского округа, на север верстах в 20 от Решова по дороге в Осек и Сандомир царства Польского, между Хутисками, которые отмечены в прим. 123 в области Сана, и на одной параллели с ними. Местным изысканиям следует предоставить решить, насколько верно это предположение, и соответствуют ли окрестности Пршев-

* Такое чтение принято в новом издании Ипатьевской летописи покойным С. Н. Палаузовым, которому я сообщил излагаемые здесь соображения о положении этих Ворот. В Полн. собр. русск. летоп. II: «около Наворота».

ратна описанию, которое дает летопись Воротам 1268 года. Как кажется, об этой же местности идет дело в известии той же летописи под 1226 годом, о войне Данила Романовича с Лестьком. Когда угры были разбиты под Звенигородом (что близ Львова), и король «смятесе умом и поиде из земли борзо», Данил с Васильком отправился в Городок (теперешний Грудек на дороге из Львова в Перемышле). «Лестькови же в то время идущу в помощь (уграм, уже ушедшим из Галичской земли), Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хотящю; Данил же и Василько посласта люди свои к брату, не даста ему прити» (Ипат., с. 166; Новое изд., с. 500). «Брат» — очевидно не нарицательное имя, а географическое название местности, где галицкий князь остановил поход ляхов в помощь уграм. Эта местность должна была быть на северо-западной границе Галицкого княжения, ибо Даниил, разбив у Звенигорода угров, которые бежали на юг, вместо того, чтобы преследовать их, как советовали брат и дружины, направляется на северо-запад, в Городок, и оттуда ведет переговоры с Лестьком и посылает против него войска к «брату». Этим соображением уничтожается всякое значение вариантов Хлебниковского и Ермолаевского текстов, в которых читается вместо: к «брату» — «к Бугу». Сколько не приходилось нам читать подробных карт, по крайней мере восточного славянства, мы не помним ни одного географического названия подобного имени; в данных же исторической географии до XVI века таких названий положительно нет. Может быть, переписчик или Ипатьевского списка, или первоначального варианта, написал, по ошибке или недоразумению «к брату» вместо к «вратом» (у Карамзина, т. IV, прим. 145, с. 52, в выписке из Волынской летописи приведенного нами известия под 1268 годом: ляхов бяху еще не вошли в свою землю, но токмо върота прошли). В таком случае Върота (Брат и Буг) 1226 года могут совпадать с Воротами 1168 года ... Во всяком случае существование этих «Ворот» на галицко-лядском рубеже — несомненно. Но кроме того есть в Ипатьевской летописи еще несколько известий, указывающих на существование таких же пограничных укреплений — в окрестностях Червеня, Дорогичина и Санок, и носивших название этих городов, на которых могла лежать обязанность наблюдать и поддерживать эти пограничные укрепления. Под 1205 годом читается, что литва и ятвяги повоевали Турийск, и около Комова... «и бишася у ворот Червенских, а застава бе у Уханях» (Ипат., с. 157). В 1248 году ятвяги повоевали около Охожи и Бусовны «гна же по них Василько из Воло-

димеря, и угони е, а бывшу ему третий день из Володимеря в Дорогичине, оным же бьющимся у Ворот Дорогычиньских, и приде на не Василко» (с. 182). И в том и в другом случае нельзя допустить, чтобы говорилось о битвах под городскими воротами Червения и Дорогичина. Кроме того, что городские ворота назывались не по своему городу, а по местности, которая к ним прилегала (Жидовские, Лядьские, Подольские ворота в Киеве; Водные ворота в Треполи. Ср. Ист. геогр. слов.), или же, может быть, по путям, на которых они находились; но по самому смыслу летописных известий в этих воротах надо разуместь порубежные подгородные укрепления. Наконец, в Волынской же летописи Санок назван Угорскими воротами (1231 год, с. 171). Подобные же порубежные укрепления, были и у других славян. У чехов *brány zemské* или *brány strážné*, *custodiae porta*, *custodiae claustra*, *porta terrae*, *porta provinciae*, *munitio in custodia*, *in ipsa regionis janua*, о которых см. у Иричека *Slovanské pravo* (т. I, с. 92–93). На Руси на порубежных местах мы увидим много местностей с названиями, напоминающими такие же обороны: Броня, Бронки, Браницы и т. п., а также Стражц.

¹²⁵ Указание на твердь, укрепление на угорско-русской границе мы находим в летописном рассказе о походе угорского короля Гейзы II, союзника Изяслава Мстиславича на Володимирка Галицкого в 1152 году (Лавр., с. 145; Ипат., с. 61): «Приде король с Угры и со Мстиславом, и вшед в землю Володимеркову сташа, бе бо день неделя... Володимерку же недадучю внити в свою землю рати и сrete и... (следовательно на границе, к которой подошел Гейза II). На утрие же день встав король поиде, Володимерю же выступля назад, за твердь ста». Не выдержав натиска угров, Владимирко отступил к Перемышлю, откуда завел переговоры с Гейзой, надеясь уладиться с ним до прихода Изяслава Мстиславича, который между тем приближался из Киева. Гейза не принял, однако, предложений галицкого князя, дождался Изяслава, и галичане потерпели, как известно, под Перемышлем страшное поражение. Так рассказывается в Лаврентьевском списке. В Ипатьевском встречается несколько новых подробностей об этом походе, но обстоятельства его, очевидно, спутаны составителем или переписчиком, может быть, имевшим под рукой два рассказа — тот, которым пользовался Лаврентий, и другой, тому неизвестный. Ипатьевская летопись говорит о походе Изяслава Мстиславича из Киева через Дорогобуж во Владимир Волынский и Ярослав к Перемышлю, о соединении его с Гейзой II у Перемышля и о битве под Перемышлем;

но, как явился угорский король в Галицкую землю, она не знает. Слова Лаврентьевского списка: «И вшедше в землю Володимеркову (в Ипат. Галицкую)... Володимерко за твердь ста» приведены ею дословно в описании начала битвы под Перемышлем, так что Перемышль является уже пограничным городом Галицкой земли, а твердь каким-то подгородным укреплением, на Сане, ниже Перемышля. Так принимает И. В. Беляев (О распространении географических сведений в древней России. Западное историческое географическое общество. Т. VI. С. 138). Карамзин (указ соч., т. II, с. 154) говорит, что Гейза и Изяслав должны были соединиться у подошвы гор Карпатских, и в прим. 347—348 к тому же тому сделал выписки из Ипатьевского списка. Соловьев оставляет это место без дальнейших разъяснений (с. 195). Путь венгерского короля и в 1152 году вероятно был тот же, что и в 1150 году — именно на Санок (Ипат., с. 52), через город Синно в Венгрии на реке Чироке через селения Стакесин (Ростока), Старину Полену, Руску и горами к Галицким селам Ростоки, Чисна и т. д. (по дороге в Санок). Здесь за Карпатами, близ верховьев Чирока — село Острожница.

¹²⁶ Такие лесные Осеки указываются в Польше по поводу похода Льва на Краков в 1280 году, близ Кропивницы (теп. Korpuwnica) на Висле, вероятно, на месте нынешнего города Осека (Ипат., с. 208) и у ятвягов под 1255 годом (там же, с. 191).

¹²⁷ Основание для высказанных здесь предположений относительно первоначальной зависимости прикарпатского славянства от ляхов и подчиненности дреговичей и воляний Киеву уже в эту отдаленную эпоху дают факты, которые будут рассмотрены при подробном обзоре восточно-славянских земель и княжеских уделов и волостей.

¹²⁸ Различные мнения, высказанные в русской исторической науке об отношениях древнеславянских земель к русским княжениям, приведены в «Русской Истории» К. Н. Бестужева-Рюмина. Т. I. С. 159.

¹²⁹ «От тех Словен разидошася по земле и прозвашася имени своими... а се ти же Словени Хроваты Белии, Серебь, и Хорутане» (Лавр., с. 3). У Константина Порфирородного *De administer. Imp. cap. 31*.

¹³⁰ «И бе обладая Олег Поляны и Деревляны, Северены и Радимичи, а с Уличи и Тверци имяше рать» (Лавр., с. 10).

¹³¹ Подобные названия встречаются также далее на север, на Верхнем Днестре и даже в области Вислы. Таковы: Тирава — село к северу от Самбора, Тирава Вольска и Тирава

Солна к востоку и северу от Санока в верховьях Вягра; Тарнова Горна к югу от того же города; Тарнов-град на Дунайце, Тарногород к югу от Белгорая, Тарногура и др.

¹³² Записки Одесского общества истории и древности. Т. I. С. 235.

¹³³ См.: *Карамзин Н. М.* Указ соч. Прил. 362. Шафарик (Славянские древности, § 28, с. 12) утверждает, что, по всем свидетельствам, уличей надо признать соседями древлян, тиверцев и печенегов, и объясняет известия некоторых списков летописи о поселениях их по Нижнему Днепру тем, что они распространялись по обеим сторонам Буга до самого Днепра. Впоследствии, теснимые, без сомнения, наплывом печенегов, они перешли в область северян на реку Воин, теперь называемую Вьюнкой, которая впадает с левой стороны в Остр (иначе Естер, откуда в рукописях испорченное Дестр, Дрестр, Днестр). *Slav. Star.* 1837. II. 548.

¹³⁴ Исследование Н. П. Ламбина «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи I. О Свенгельде и Угличах» не могло, к сожалению, быть у нас под рукой. Мы узнали о нем из рецензии академика А. Ф. Бычкова в Отчете о XIV присуждении наград графа Уварова.

¹³⁵ В известном рассказе Гюраты Роговича о югре: «Суть горы зайдуче луку моря». (Лавр., с. 107); Ипатьевская летопись под 1193 годом (с. 142) говорит о лукоморских половцах. Сближение названия улучей с этим географическим именем сделано С. М. Соловьевым. (Указ. соч., т. I).

¹³⁶ Отчет о XIV присуждении наград графа Уварова, с. 96, прим. 45.

¹³⁷ *Const. Porph. De Administrat. Imp.* S. 37.

¹³⁸ Известие о войне Руси с улучами в 914 году, последнее, какое имеем об этом племени, встречается во всех списках Начальной летописи, кроме древнейших Лаврентьевского и Ипатьевского.

¹³⁹ Аноним (*Regis Belae Notarius*) сообщает известие о переходе русов за Карпаты вместе с мадьярами: «Multi de Ruthenis Almo Duci adhaerentes secum in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Hungaria habitat. *Gesta Hungar.* § 10 Endlicher, *Monum. Arpadiana* S. Galli 1849». Ср. *Bidermann, D. Ung. Ruthenen.* I. Theil, 6, где приведены и другие известия о выселении руси за Карпаты.

¹⁴⁰ См. *Iirecek Slovan.* Pravo. 47.

¹⁴¹ Это видно из сопоставления следующих мест Начальной летописи: «Бужане зане седоша по Бугу, послеже велы-

няне» (второй перечень славянских ветвей) и (в третьем) — «Дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне» (Лавр., с. 5).

¹⁴² *Ходаковский Д.* Указ. соч. Т. I. С. 8.

¹⁴³ «Болеслав, посадивший Святополка на Киевский стол, узнав об избиении пришедших с ним ляхов... побеже из Киева... и города Червенские зая себе и приде в свою землю» (Лавр., с. 62).

¹⁴⁴ В Никоновской летописи под 992 годом (I, с. 104) есть известие: «ходи Володимер в Суздальскую землю, и тамо крести всех; беже с Володимером два епископа Фотей патриарха. И заложи тамо град в свое имя Володимер на реце на Клязьме и церковь в нем постави древяну пречистые богородицы». То же в Соф. врем. Полн. соб. русск. лет. V. 120. Владимира на Клязьме не было еще в конце XI века, что очевидно из описания борьбы за Ростово-Суздальскую землю между Олегом Святославичем и Мономашичами в 1096 году. (Лавр., с. 107—109 ср. также Погод. Исслед. Т. IV. С. 279), и он мог быть поставлен Мономахом. В таком случае это известие или неверно хронологически, или же оно должно относиться к Владимиру Волынскому, уже существовавшему при Владимире Святом, и основанному несомненно этим князем.

¹⁴⁵ «И посади (Володимер)... Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмудорокани». Лавр. 52.

¹⁴⁶ *Ditmarī Episc. Merseburg Cronicon VII.* 244.

¹⁴⁷ Лавр., с. 64, 65.

¹⁴⁸ Это известие находится только у Татищева. Оно подтверждается притязаниями, которые имели на Володимирскую землю и на земли, связанные с ней, сыновья Ростислава. Ср.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. II. Прим. 32.

¹⁴⁹ Известия об этом захвате Перемышля представляет Длугош. *Historiae Polonicae Lib. III.* P. 267—268. (edit. Lips. 1740). Подробности, сообщаемые им, заслуживают недоверия уже по самой точности и обстоятельности, с какой они у него изложены. Но подлинность самого факта подтверждается ходом событий, как он представлен в наших и польских источниках. О нападениях на Волынь из Перемышля см. 1073 год. P. 271—272. Длугош объясняет их желанием Болеслава восстановить на Киевском столе Изяслава, которого права, по его же рассказу, были восстановлены за два года пред тем.

¹⁵⁰ Длугош сообщает под 1081 годом, что Василько Ростиславич, узнав об изгнании Болеслава из Польши и о возникших вследствие того смутах, с наемными войсками напал на Польшу и овладел несколькими укреплениями (*aliquibus munitionibus conquistis*). Т. III. С. 300. Далее под 1092 годом

(IV, с. 316—317), он говорит о восстании в русских областях Польши и о нападении русских, которое не хотел или не мог остановить Владислав. Известие это, невыгодное для такой характеристики отношений Польши к Руси, какую имел в виду представить Длугош, изложено вообще темно и запутано. Но, кажется, что настоящий смысл его открывается в заключительных его словах: *Itaquesub unius anni tempore terrarium Russiae justa et continuata possessio propter principis desidiam a Polonorum ditione subducta est Ruthenis non tam ex injusto et avaro regimine quam ex ritus in fide disparitate Polonorum imperiam quam maxime abhomentibus*. Дело идет, следовательно, о потери Польшей целой русской области; а из русских земель ей принадлежала тогда только перемышльская. Заметим здесь, что, соображая все известия наших и польских источников, нельзя не придти к заключению, что возвращение Перемышля тесно связаны с борьбой, которую вел в то время Мономах с Ярополком Изяславичем, имевшим ляхов постоянными союзниками.

¹⁵¹ «1097... роздая Всеволод города... Ростиславичам Перемышль Володареви, Теребовль Василькови» (Лавр., с. 109).

¹⁵² 1086 год; Лавр., с. 88. Звенигород — в Бережанском округе близ Львова по своему географическому положению должен быть отнесен скорее к Теребовльскому, чем к Перемышльскому уделу, и таким образом его можно признать частью Червенской земли. Был ли то военный поход или простая поездка Ярополка в Звенигород, из слов летописца определить трудно. В Ипатьевском списке ее есть известие, под тем же годом: «ходи Всеволод к Перемышлю» (там же, с. 89). Оно должно быть в близкой связи с убийством Ярополка и с бегством убийцы его Нерадца к перемышльскому князю.

¹⁵³ Галич упоминается в первый раз в летописных известиях только в первой половине XII века. В 1138 году галичане являются союзниками Ярополка Мономашича в его усобице с Ольговичами (Лавр., с. 133). Под 1144 годом — Галич (см. Ипат., с. 20). В Патерике Печерском, в сказании о Прохоре Черноризце: «Егда же Святополк с Давидом Игоревичем рать занаста про Василькову слепоту, его же ослепи Святополк; ...и не пустиша (Василько и Володарь) гостей из Галича, ни лодей от Перемышля, и не бысть соли во всей Роуской земли». В. А. Яковлев. Памятники русской литературы XII—XIII веков. С. 154.

¹⁵⁴ Лавр., с. 103.

¹⁵⁵ Всеволод Олегович, занявши Киевский стол, успел присоединить Волынь к волостям своего племени, выведя

из Володимира Изяслава Мстиславича в Переяславль, а на его место посадил сына своего Святослава (1142 год; Ипат., с. 19). Но тотчас же по его смерти Изяслав снова овладел Волынью, из которой только пять городов оставил Святославу в держанье (там же, с. 31).

¹⁵⁶ В начале XIII века.

¹⁵⁷ Любачев был уступлен из галичских городов угорским королем Андреем при занятии Галича (около 1215 года) воеводе Пакославу (1213 год; Ипат. лет., с. 160; теперешний город на реке Любачевке). Ярославль известен с 1152 года (там же, с. 67; теперешний Ярослав на Сане, ниже Перемышля). Перевореск, захваченный поляками у Льва Даниловича Галичского, на речке Млечке, притоке Сана.

¹⁵⁸ О Вратах галицких см. прим. 124; о положении Пршев-ратна — там же, с. XLVI.

¹⁵⁹ Грамота, данная Казимиром Великим Калочицкому войту Петру в 1348 году, напечатанная Зубрицким в его «Granic. między Rusk. i polsk. narod. w Galicyi, Lwyw 1849» s. 4–9 и перепечатанная в Географическом словаре русской земли IX–XIV века. Вильна 1865. По исследованиям австрийского этнографа Чернига (Ethnographie d. Oesterr. Monarch. von K. Freiherr von Czörnig), теперешней этнографической границей польско-русской народности в Галиции можно признать реку Сан. Так что область польского языка совпадает с областью Краковского округа по последнему административному делению. Впрочем, верхние течения Попрада (до деревни Mniszek), Бялой (почти до города Грабова), Ропы (до деревни Ропы, несколько выше города Горлицы), Вислока вислянского (почти до Змыгрода и Осека) и Ясла до Дуклы он уступает русскому языку. Далее на север границу он полагает по водоразделу между Вислоком Саноцким и Саном. Так что Перевореск, исторически известный как русский город, находится уже в Польской области, Ярослав же, лежащий к юго-востоку от Перевореска, Черниг называется польско-немецким, «der polnisch-deutsche Jaroslau» (1-er Band, 1-te abth. S. 49; см. также этнографическую карту Чернига). Конечно, эти указания не могут быть приняты как безусловно достоверные. Они требуют проверки уже по тому одному, что противоречат историческим свидетельствам о распространенности русской народности.

¹⁶⁰ Срав.: *Мацеевский В. А.* История первобытной христианской церкви у славян. Варшава. 1840. С. 24–25.

¹⁶¹ Положение Бани Рудны объясняется из обстоятельств того события, по поводу которого она упоминается. Извест-

но, что перед самым Батыевым нашествием на северо-восток Руси черниговский князь Михаил Всеволодович овладел Галичем и отдал его сыну своему Ростиславу. Не успев еще утвердиться в нем, Ростислав предпринял поход в степи на половцев. (В Ипат. под 1235 годом: Шедшу же Ростиславу в поле... и далее: Ростислав сошел есть на Литву (ошибка вместо половцев. См. об этом в истории Галицкого княжения Зубрицкого. Т. III, с. 120. Прим. 104.) Этим воспользовался Даниил и в отсутствие его овладел Галичем. Ростислав возвращался уже в Галич, но, говорит летописец, «слышав приятье градское бежа во Угры путем, им же идяше на Борьсуков дел (в др. список. Борьсуков-дед) и прииде к Бани, рекомей Родна, и оттуда иде в Угры» (Ипат., с. 175). Таким образом Бая Родна находилась в Галицкой области близ угорской границы между Галичем, до которого не дошел Ростислав, и полем, с которого он возвращался. Следовательно на восток от Угор и к западу от Борсуков дела. Что такое Борьсуков дел неизвестно. Есть Барсучены в северной части Молдавии на реке Серете, к северо-западу от Батушан, и Бурсучена в южной части Белецкого уезда в Бессарабии. Дел, по замечанию Зубрицкого, значит вообще хребет; в таком случае Борьсуков дел может быть частью Седмиградских Карпат, например, хребтом Кукуреаса (Kukurčasa), за которым у верховьев Большого Самоша находится село Старая Рудна на месте будто бы немецкого города Роденаце, разрушенного татарами (см. Stein, Handbuch d. Geogr. IV, I. S. 606), к которому ближе всего отнести Баню Родну 1235 года. Есть деревня Рудники в Коломыйском округе, на которую, для соображений, указывает Зубрицкий. Кроме того, Rudobónya теперь село, а прежде город в Боршодском комитате милях в четырех к северу от Машковиц и в таком же расстоянии к юго-западу от Кошиц Рудобанья на известном пути из Галиции в Венгрию через Бардуев или Бартфельд; но слишком далеко от места действия в событии 1235 года. Нелишним считает прибавить, что Бая значит вообще соловарня, и в прикарпатской Руси очень часто употребляется в значении собственного географического названия и как прибавка к другому географическому названию.

¹⁶² Географический отрывок, находящийся в Воскресенском своде русских летописей (Полн. собр. русск. летоп. Т. VII. С. 240—241: «А се имена градом всем Русским, далним и ближним») принадлежит и теперь к ряду материалов, неразъясненных исторической наукой. Самое полное мнение относительно его принадлежит Ходаковскому (Историческая

система в русских исторических собраниях. Т. III. С. 98—99). Он относит его к 1430 году. «Это мнение, говорит он, принадлежит мне, ибо Шлёцер (т. II, с. 177) по названию озера Ильмеря считал его гораздо древнее. Историограф (т. II, прим. 117) колебался в определении между XIV и XV веком. Воскресенский список, соединяя Новгород Великий и Псков с залесскими городами, показывает, что он списан «после 1480 году» (Псков после 1510 года?). Первое же сочинение должно отнести ко временам Витовта или к 1430 году, потому что: 1) Задунайская страна подпала вторжению турок и не знала утвержденной власти; Валахия была под покровительством литовско-русского великого князя Витовта. Сочинитель по таким причинам совокупил все в один состав под названием всех градов русских дальних и ближних; 2) тогда подольские города были отторгнуты от литовского правления, подчинены коронным конституциям или литовскому языку (*Карамзин Н. М.* Указ соч. Т. V. Прим. 162) и потому у сочинителя называются «Польские грады»; 3) тогда Смоленское княжество, также Мченск, Корачев, Воротыньск; Оболенск, Шернск и прочие вятчские города по Оке и Угре покорены Витовтом, и с 1396 года принадлежали Литве. Хотя это мнение заслуживает внимания не по одной только определенности, с какой оно высказано, но во всяком случае требует пересмотра и проверки.

¹⁶³ Черниг проводит этнографическую русско-мадьярскую границу от села Уй-Саллаш (к югу от Кошицы) по верхнему течению левых притоков Тиссы на Мункач, затем к Уйлаку на Тиссе, к югу от Мункача и на юг от этой реки почти до самого Самоша (несколько на северо-запад от Сатмар-Немета); здесь граница поворачивает снова на север к Тиссе, разделяющей славянское население от романского. У истоков этой реки русско-романское сумежье поворачивает круто на северо-восток к Черновицу на Пруте, захватывая верхние течения Сучавы и Середа (*Ethnogr. d. Oesterr. Monarch. von Freih. von Czörnig 1 B. 1 Abth. S. 51—52*). Такие же пределы теперешней Угорской Руси, — то есть на севере и востоке — часть Карпат, известная у новейших географов под названием Угорского Леса (*das Ungarische Waldgebirge*), на юге — течение Тиссы, пока оно не меняет западного направления своего на южное, — дает и Бидерманн (см. *Bidermann's die Ungar. Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb u. ihre Geschichte 1 Th. 1862. S. 14—15*). Но славянские названия многих местностей к югу от Тиссы по притокам ее Самошу, Красне и другим до самого Дуная свидетельствуют, что и тут

было первоначально славянское население хорватской ветви (Horgáth село на верхнем течении Красны, к северо-западу от Клаузенбурга. Еще южнее и ближе к Клаузенбургу Горбо и т. д. см. выше с. 80—81).

¹⁶⁴ В договоре Игоря дело идет только о Корсунской стране, которая сходилась с русскими областями в нижнем Поднепровье. «Аще обрящеть в вустье Днепрском Русь Корсуныяны рыбы ловяще, да не творять им зла никакоже. И да не имеют власти Русь зимовати в вустьи Днепра, Бельбережи, ни у святого Елферия» (Лавр., с. 22).

¹⁶⁵ Лавр., с. 31.

¹⁶⁶ «Иде Володимер на Болгар с Добрыней уем своим в лодьях, а Торки берегом приведе на коних, и победи Болгары». В Никоновской летописи прибавлено «на Болгары Низовские» — след. Поволжские. В Воскр. летописи (VII. 296) известие озаглавлено: «Победа Болгаром иже на Волге». Так принимает это известие Карамзин (т. I, с. 125, прим. 436). Но участие торков и невозможность «конных походов» по побережьям Волги, которая ясна из всех известий о действиях по Низовой Волге и новгородцев XIII—XIV веках и даже московских князей XIV—XV веков заставляют видеть в болгарях летописи 983 года — болгар дунайских, а не поволжских.

¹⁶⁷ Лавр., с. 66—67.

¹⁶⁸ Constant. Porphyg. De administer. Imp. — Ср. статью Бруна в Записках Одесского общества истории и древностей. Т. III. С. 451—453.

¹⁶⁹ Это предположение допускается тем, что Иван Ростиславич стоял в близких отношениях к днепровскому населению. В 1159 году одного появления его у поднепровских городов Кучельмина и Ущицы было достаточно, чтобы склонить на его сторону городское население (смердов Ипат., с. 84). Ипат. лет., 1157 год, с. 80—81, 1159 год, с. 83. С. М. Соловьев (указ соч, т. I, с. 223), объясняет настойчивость, с какой галицкий князь требовал выдачи Ивана Ростиславича, и готовность, которую показали лядские и русские князья поддерживать это требование, тем, что Иван сносился с недовольными галичанами, и с другой стороны «взявши деньги у одного князя, он переходил к другому, потом к третьему».

¹⁷⁰ Ипат., с. 83—84.

¹⁷¹ Карамзин Н. М. Указ соч.

¹⁷² По картам Шуберта.

¹⁷³ Галицко-Волынская граница, как она открывается из приведенных указаний, не совсем согласна с общепринятым теперь мнением о том, что волынские владения простирались будто бы на юг по левым притокам Днестра — Збручу, Смотричу, Ушице и т. д. Мнение это основывается единственно на том, что Каменец, о котором говорят наши летописи под 1196, 1210, 1228, 1235, 1239 и 1240 годами (см. Ипат. лет.), как о волынском городе, приурочивается обыкновенно к теперешнему Каменцу Подольскому, несмотря на видимые противоречия с другими летописными известиями и даже с совершенно ясными указаниями летописи о положении Каменца совсем в ином месте. Каменец Подольск не мог быть волынским городом уже по тому одному, что собственно Галицкая земля простиралась по словам летописи «от Бобро-кы (приток Днестра в Бережанском округе) даже и до реки Ушицы и Прута» (1229 год; Ипат., с. 169); так что Каменец Подольск представлял бы какую-то уединенную волынскую колонию среди галицких владений. В первом же известии о Каменце мы находим указание на его положение. В конце XII века он принадлежал Волынскому князю Роману Мстиславичу, враждовавшему с Рюриком Киевским и Володимиром Галицким. Оба эти князя напали одновременно на владения Романа: «Володимер, говорит Киевский летописец (1196; Там же, с. 149)... повоева и пожъже волость Романову около Перемиля, а отселе Ростислав Рюрикович с Володимеричи и с Черным Клобуком ехавше повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменця». — «Отселе» — в устах киевского летописца очевидно значит «со стороны Киева». — Несколько выше говорится, что Рюрик посылал сказать Галицкому князю: «а ты, брате, оттоле со сыновцем моим воюйта волость его» (Романа). Следовательно, князья киевский и галицкий условились напасть на Волынь с двух сторон — с юго-запада от Галича и с востока, со стороны Киева, и Каменец следует таким образом искать не на юге Волыни, а на востоке. Затем (под 1210 годом) мы видим, что Романовичи, выгнанные из Галича и Владимира, находят убежище в Каменце, и из слов летописца нельзя не видеть, что в их судьбе принимал деятельное участие Всеволод Святославич Киевский. По крайней мере вслед за известием о приезде их в этот город, он говорит: «Княжаше Всеволод в Киеве Святославич имея великую любовь к детям Романовое» (Ипат., с. 159). Из известия об осаде Каменца Володимиром Киевским в 1228 году, и особенно из действия Котяна Половецкого, во всяком случае не видно, чтобы дело шло о Каменце Подольском. Напротив, скорее

всего можно заключить, что между Каменцом и Галичской землей лежали Половецкие степи: «ехав (Котян, отступивший от осаждавших этот город) взя землю Галичскую, иде в землю Половецкую, и не обратился к ним» (то есть к осаждавшим Каменец. Ипат., с. 167). Под 1235 годом прямо говорится, что Каменец стоял со стороны Галича и земли болоховских князей (что по Восточному Бугу), за Хомором, левым притоком Случи и недалеко от Киева и от Торков, живших, как известно, по Роси: «Придоша Галичане на Каменец, и вси Болоховсции князи с ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю». В то же время послал «бьяше Володимер Данилови помощь, Торкы» (там же, с. 174). Наконец, последнее известие о Каменце представляет описание похода Батыева под 1240 годом, описание, на котором основывается главным образом мнение о тождественности этого города с Каменцом Подольским. «Разрушивши Киев, и услышавши о Даниле, яко в Угрех есть, поиде сам (Батый) Володимерю, и приде к городу Колодяжну ... и приде Каменцю, Изяславлю, взят я; видив же Кремянец, град Данилов, яко не возможно прийти ему и отъиде от них и приде к Володимерю» (там же, с. 178). Этот путь обыкновенно объясняется теперь местечком Ладыжином в Гайсинском уезде, Каменцом Подольским, Заславом Волынской губернии, Кременцом. Так что Батый по дороге во Владимир делает совершенно необъяснимый крюк, направляясь от Киева сперва круто на юго-запад, в Ладыжину, оттуда на запад к Каменцу, затем от Каменца, прямо на север к Заславу и Владимиру и прибавляя себе пути — против прямой дороги — почти в 300 верст, если брать прямые расстояния. Между тем он, видимо, спешил к Владимиру. Это видно из замечания летописца о походе его из Киева по получении известия о пребывании Даниила в Уграх. Он не останавливается на осаде крепких городов: Колодяжн берет хитростью, мимо Кременца и Данилова проходит, не пытаясь даже взять их. Это обстоятельство значительно ослабляет достоверность приведенного выше объяснения Батыева пути и позволяет думать, что он лежал гораздо прямее по направлению от Киева к Заславу. Соображая все эти данные, необходимо принять, что Каменец вышеприведенных летописных известий находился на востоке Волынских владений, близ Киевского рубежа, недалеко от торков в поросьи, близ реки Хомора, бывшей от него на запад и юго-запад со стороны Болоховской земли, — на пути из Киева в Заслав и к западу от Колодяжна. Действительно, к востоку от Хомора на реке Случи в южной части Новград-Волынского уезда мы находим

и теперь местечко Колодяжно*, и близ него к северу в одной миле, на левом берегу Случи местечко Каменку. Местные изыскания должны указать, есть ли теперь какие-либо остатки существовавшего там города; но положение его, а отчасти и название говорят сильно в пользу того, что именно тут надо искать летописный Каменец.

¹⁷⁴ Лавр., с. 135. Услышав о приближении приднепровских князей к границам Галича... «выиде противу им Володимер, весь совкупивься, к Теревовлю; и Угры привед... и не могоша битися, зане бяшет межи има река Серет; идоша обои подле реку, за неделю к Звенигороду (что близ Львова); а на Рожни поли не могоша ея бити, зане Володимер стоя на Голых горах». Затем приднепровские князья осадили Звенигород. Таким образом, Рожне поле надо искать на пути от Теревовля к Звенигороду между Середом и Голыми горами, теперешние Гологоры. — М. Рожношинцы к северо-востоку от Збаража (карта Шуберта — Розношинцы), которым Зубрицкий (История Галицкого княжества, т. II, с. 43) объясняет Рожне поле 1097 и 1144 годов слишком далеко на восток от Середы, Рожню которую указывает М. П. Погодин (Иссл., т. I, с. 168) именно между верховьями Середы, Стыря и Западного Буга, к сожалению, мы не могли найти на известных нам картах. Догадка Зубрицкого, что Рожне поле означало только «равнину, чистое поле, пахаемую землю, на коей рожь сеют и на которой удобно было сражаться» (там же), основывается, кажется, на весьма отдаленном сопоставлении смысла этого речения с названием Голые Горы.

¹⁷⁵ В Ипат. лет. Под 1262 годом: «Король же (Даниил Романович) еха в Угры, и угони его Борис (отправленный Васильком к брату из Володимера на Волыни с сайгатом, захваченным у Литвы, которая перед тем потерпела поражение у Небля города) у Телича (в др. писк. Подтелича)». Кроме указанного нами Потелича (на дороге из Любачева в Бельз, недалеко от пересечения его со Львовско-Томашевской дорогой), есть еще местечко Тилич на северном склоне Карпат близ истоков Попрада к юго-востоку от Нового Сандеца у самого прохода через Карпаты на Бардуев (Бартфельд). Но эта местность слишком далеко на западе, и едва ли даже через нее пролегал путь из Галицкой Руси в Угры.

* На Волыни есть еще два Колодежна — один к юго-западу от Луцка, в Дубенском уезде, на дороге из Дубна во Владимир Волынский; другой — Колодезно — к юго-востоку от Ковеля — в десяти верстах близ Волошек.

¹⁷⁶ ...«А в Вятичи ходихом по две зимы... и паки по Изяславичах за Микулин и не постигохом их и на ту весну к Ярополку совкупляться на Броды» («Поучение Мономаха»). Здесь вместо «Изяславичей» надо, вероятно, читать «Ростиславичи». В 1092 году Ростиславичи (Василько и Володарь), воспользовались отъездом Ярополка Володимирского в Киев, захватили Володимир; «и посла Всеволод Володимера сына своего, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимери» (Лавр., с. 88).

¹⁷⁷ Зубрицкий (История Галического района. Кн. II. С. 61–62) полагает очень вероятным, «что этот вне Галицкого княжества лежащий Микулин был подобным же образом во владении Галицкого государя, каким Городец Остерский над Днепром (Десной?) во владении Георгия князя Суздальского». Однако к Микулинцам на Згаре можно приурочивать Микулин, упоминаемый летописью при описании занятия Киева Мстиславом Изяславичем Володимирским в 1167 году, но то был или волынский, или, скорее всего, киевский город, и едва ли не стоял в связи с полусоседным населением собственной Руси — черными клобуками «По Ростиславли смерти начаша слати по Мстислава братья (князя Володимир Мстиславич и Ростиславичи) и Киане от себе послаше, Черны Клобуки от себе послаше... и приде (Мстислав) к Микулину; и ту придоша ему Берендичи вси, и Торци, и Печенег и весь Черный Клобук». (Ипат., с. 96). Заметим здесь также, что на реке Хоморе к западу от Полонного (обе эти местности исторически известны с XII веком) есть село Микулин в юго-восточном углу Заславского уезда.

¹⁷⁸ Бересте в первый раз упоминаемый в описании усьобицы Святополка и Ярослава Володимировичей в 1019 году (Лавр., с. 62) приурочивается к теперешнему Брест-Литовскому на Буге, что ясно из рассказа о событиях 1097 года (там же, с. 114).

¹⁷⁹ В Ипатьевской летописи под 1262 годом: «Рать литовская воеваша около Мельнице... князь же Василько (Володимирский) поеха по них и угонише у Небля города. Литва же бяше стала при озере. Василько же поиде противу им... Литва же не стерпевше устремишася на бег. Се же услышавше князя Пиньсции Феодор и Демид и Юрьи и приехаша к Василькови с питьем и начаша веселитися».

¹⁸⁰ «Весне же бывши посла (Даниил) сына своего Шварна на Городок и на Семоць и на вси городы, и взя Городок и Семоць и все городы, сидящие за Татары, Городеск и по Тетереви до Жидичева».

¹⁸¹ Торчев, Торцевъск указывается Ипат. летописью в описании битвы Даниила Романовича, тогда княжившего на Воьлини, с угорским королевичем, владельцем Галича, под 1231 годом, к западу от Шумска, в недалънем от него рас- стоянии в гористой местности. Положеніе теперешнего Старо- го Таража на Икве как нельзя ближе отвечает летописным указаниям. К северо-западу от Луцка на реке Ставе, левом притоке Стыря, есть теперь местечко Торчин. Но в объясне- нии Торчева 1231 он не может иметь места.

¹⁸² «Василько и Володаръ из Теребовля... придоста ко Всеволожу, а Давид затворися Володимери. Онема же став- шима около Всеволожа и взяста копьем град... По сем же пойдоста к Володимерю». Таким образом, Всеволож должно полагать ближайшим к теребовльским границам, и поэтому нельзя приурочивать его к теперешнему селу Воложки или Волошки в Ковельском уезде, верстах в 12 на юго-восток от уездного города, как то сделано Надеждиным и Невוליным (Погодин М. П. Иссл. IV. С. 158). Эта местность ни в каком случае не могла быть занята Ростиславичами, ибо в описании тех же событий Турийск, который лежит гораздо западнее Волошек и прямо к северу от Владимира, является воьлинским городом. Всеволож надо причислить теперь к местностям неопределенным.

¹⁸³ Название дреговичей выводят обыкновенно от слова «дрега», «дрягва», что значит болото. Но окончание слова дреговичи указывает образование этого племенного назва- ния как имени отечественного (*nomen patronymicum*). См. прим. 118.

¹⁸⁴ В Ипатьевской летописи под 1231 годом: «...движе рать Андрей Королевич на Данила и иде ко Белобережью... Во- лодиславу же ехавшу из Киева и сrete рать в Белобережьи, и бившимся им о реку Случе, и гониша до реки Деревное и леса Чертова».

¹⁸⁵ Деревич упоминается Воьлинской летописью в числе болоховских городов (вместе с Губиным, Кобудом, Кудином, Городцем Бужеским, Дядьковым), разоренных Данилом в 1241 году в отмщение за нападение, которое сделали боло- ховские князья вместе с Ростиславом Михайловичем Черни- говским, претендентом на Галицкий стол, на приднестровский город Бакоту (Ипат., с. 183). Теперь есть Деревичи в южной части Новград-Воьлинского уезда у притоков Стыри на севе- ро-западе от Любара.

¹⁸⁶ В Никоновской летописи под 865 годом: «воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла сотвориша». С. М. Со-

ловьев, основываясь на том, что дреговичи не упоминаются ни в числе племен, призвавших Русь, ни в числе племен, участвовавших в походах Олега, предполагает, что они были еще прежде покорены из Полоцка тамошним державцем, по крайней мере северная половина их, почему и княжество Минское, образовавшееся в их стране, принадлежит к Полоцку (История России. Т. I. Прим. 180). Но порубежье между дреговичами и кривичами, как оно открывается данными летописи и топографической номенклатуры, и донныне остается этнографическим порубежьем малорусского и белорусского племен.

¹⁸⁷ Лавр., с. 52.

¹⁸⁸ Такая зависимость его от Киева открывается в последующих известиях летописи. См. ниже прим., с. 197.

¹⁸⁹ «Та посла ми Святослав в ляхы: ходив за Глоговы до Чешского Леса»; ...Известие об этом походе на чехов летопись сообщает под 1076 (Лавр., с. 85) «...и в то же лето и дитя ся роди ми старейшее Новгородское, та оттуда (из похода на чехов или из Новгорода?) Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову» (там же, с. 103). Княжение Мономаха в Турове подтверждается известием его поучения о ловлях, которые он вместе с отцом производил в Туровском полесье: «А се тружахъся ловы дея... кроме иного лова, кроме Турова, иже со отцем ловил есмь всяк зверь» (там же, с. 104). Мономах был переведен в Чернигов в 1078 году, тотчас после того, как отец его Всеволод занял Киевский стол.

¹⁹⁰ Туров составлял удел Мономахова сына Вячеслава, который, сколько можно судить по отрывочным летописным данным, стремился дать ему значение самостоятельной княжеской волости. Поставленный в 1144 году в туровские епископы Аким (Ипат., с. 19), по Истории Иерарх. Амвр. (изд. втор. I, с. 226), шестой епископ Туровский и Пинский, был ревностным приверженцем этого князя и пострадал во время неудачной борьбы его с племянником Изяславом Волынским (Ипат., с. 25). К Туровской области принадлежало несколько городов, которые Всеволод Ольгович Черниговский, занявши Киев, отнял у Вячеслава (там же). Но со смертью Вячеслава Туров перешел в полное распоряжение киевских князей. Юрий Долгорукий отдал его вместе с Пинском, Дорогобужем, Пересопницей сыну своему Андрею (1150 год; Лавр., с. 145; Ипат., с. 52), а позднее другому сыну Борису (1154 год; там же, с. 48). Ростислав Мстиславич, вокняжившись в Киеве в 1154 году, уступил Туров Святославу Всеволодовичу. В 1157 году мы видим Туров в руках Юрия Ярославича (из

рода Изяслава Ярославича) и претендентом на него — известного младшего сына Мстислава Великого Владимира, который с волынскими полками, смолянами, половцами и галицкой помощью безуспешно осаждал этот город в течение десяти недель (Ипат., с. 89). Под 1179 годом упоминается сын Юрья, Иван — подручный князь Мстислава Изяславича Киевского (там же, с. 98).

¹⁹¹ Порубежное положение Сырвяти (Сервяти), левого притока Немана (в Новгородском уезде) указывается описанием похода волынско-галицких князей в союз с князьями пинскими и туровскими на литовский Новгородок, записанный в Волынской летописи под 1274 годом: ...«и бысть идущим им мимо Турово к Случку, и ту ся снята с Татары у Случка, а тако поидоша вси вборзе к Новугородку; и не дошедши реки Сырвьятча, ту же стаха ночь, а заутр а рано возставше поидоша и перешедша реку до света, ту же и дождаша света, восходящу же солнцю и начаша изряживати полкы, изрядивше же полкы, и тако идоша к городу». 207. — Относительно порубежного положения Шары (Щары) см. там же под 1262 годом, с. 200 (о Небле озере и городе) и под 1253 годом (там же, с. 188).

¹⁹² Нарбут относит построение Новгородка к 1116 году и приписывает его князю Ярополку Владимировичу, который «сруби город Желни Дрючаном, их же полони» (Лавр., с. 128), во время похода приднепровских князей на Полоцкую область. Он основывает свое мнение на том одном предположении, что прежде Новгородок назывался будто бы Желни. По крайней мере, говорит он, это название сохранила часть его, или подгородная слободка на въезде в город из Корелич. Нарбут имел в руках договор, заключенный мещанами с Бодевичами в 1589 году, и 16 Января 1590 внесенный в Новгородские земские акты. В нем пометка: «Писан у Новгородку на Желненском подзамчьи в лето Божего нарожения 1589 Августа 5 дня». Эта догадка была принята всеми компиляторами Нарбута и последующими исследователями литовской истории (Ярошевич, Турчинович, Безкорнилович) и, между прочим, недавно умершим членом-корреспондентом Императорского русского географического общества М. А. Дмитриевым, составившим очерк истории Новогрудка. Но Ярополк Мономахович княжил в Переяславле русском и, без сомнения, вывел плененных дрючан в южную Русь, весьма скудную населением, в чем он последовал примеру Ярослава Великого, который посадил плененных им ляхов на южных окраинах Киевской области по реке Роси. В Пол-

тавской губернии Золотовшского уезда на Суле, недалеко от ее устьев и теперь есть село Жовнин (Жолнин).

¹⁹³ См.: Лавр., с. 130 под 1127 годом: «ходи Мстислав на Литву с сыньми своими, и с Олегом, и с Всеволодом Городенским» (Ипат., с. 12). По Татищеву (II, с. 263) Всеволод — сын Давида Игоревича.

¹⁹⁴ «И нача (Владимир Святой) города ставити по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне» (Лавр., с. 32). Таким образом, Стугна является крайним южным пределом городских построек того времени на правой стороне Днепра, как Сула на левой.

¹⁹⁵ Гильфердинг. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром в «Русской беседе». 1856. № I, с. 12. «*me preeunte cum sociis*, говорит Бруно о выезде из Киевских владений в степи, занятые тогда печенегам, *illo sequente cum maioribus suis egredimus portam*».

¹⁹⁶ *Фундуклей Ив.* Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев. 1848. С. 30.

¹⁹⁷ В позднейшей переделке грамоты, данной Андреем Боголюбским Киево-Печерскому монастырю, напечатанной митрополитом Евгением в его описании Киево-Печерской Лавры. Ср.: Историко-географический словарь древней Руси. С. 25.

¹⁹⁸ Юрьев упоминается летописью в первый раз под 1095 годом в описании набега половцев, которые сожгли его тогда. Лавр., с. 97, и в «Поучении Мономаха», после рассказа о нападении половцев на Прилук, бегстве их на Сулу и о поражении, нанесенном им у Белой Вежи: «и потом на Святославль гонихом по половцех, и потом на Торческий город, и потом на Гюргев по половцех, и паки на той же стороне у Красна половци победихом» (Лавр., с. 103). Далее под 1103 (там же, с. 119); под 1113 годом (Ипат., с. 4) и т. д. Юрьев находился, несомненно, в Поросьи, но не на самой Роси, хотя на ней мы видим Уро-Городок (к югу от Канева, на левом берегу Роси, почти у самого поворота ее течения на север). Это видно из известия летописи о наезде половцев на черных клобуков, вежи которых лежали по реке Роту (теперешний Руток, на карте Шуберта — Проток, у Белой Церкви вливающейся с левой стороны в Рось). В 1162 г. «придоша половцы мнози к Гюргеву, и взяша вежи многи по Роту... Черный же Клобук весь со въкупившесе ехаша по них, и постигоша (след., когда они шли уже в обратный путь) на Рси» (там же, с. 91). Б. и М. Ерчики находятся к

северу от Сквиры, верстах в 10—12. Между ними село Буки, Бакожин — по преданию древний город (Фунд., с. 46).

¹⁹⁹ Лавр., с. 75. В древнейшем Лаврентьевском списке — вместо Неятина, принятого редакцией I тома Полн. соб. русск. лет. — Ятин.

²⁰⁰ *Фундуклей И. И.* Образование Киева и Киевской губернии по отношению к древностям. Киев. 1847. С. 50.

²⁰¹ О Святославе см. прим. 205. Из этого известия трудно даже определить, на какой стороне Днепра следует искать эту местность. На подробных картах Южного Приднепровья мы не нашли ни одной подобноименной местности. Со Святославлей Криницей 1150 (Ипат., с. 56) Святославль «Поучения Мономаха» не имеет, конечно, ничего общего.

²⁰² Там же. С. 46.

²⁰³ См. прим. 205. Упомянув о своих походах на половцев, Мономах непосредственно говорит о возвращении Ярополка на Владимирский стол и его смерти, что записано в летописи под 1086 годом (Лавр., с. 88).

²⁰⁴ *Фундуклей И. И.* Образование Киева и Киевской губернии по отношению к древностям. Киев. 1847. С. 120.

²⁰⁵ «И на Бог идохом со Святополком на Боняка за Рось» (Лавр., с. 104).

²⁰⁶ Конечно, многие из этих Городищ должны иметь и другое происхождение и другое назначение. Они тянутся непрерывным рядом, начиная от водораздела между Тясмином и Высью, где мы видим Омельгородок (Нерубайка), Иван-Городок, Китай-Городок на Тясмине, все к западу от Чигирина, — до Буга в Гайсинском и Брацлавском уездах. Из них отметим в юго-западной части Черкасского уезда — Райгородок, Гуляй Городок на Тясмине же, Городищи у села Жаботина, Чубовки и Смелой (Фунд., с. 11); Самгородок на Ташлыке, к западу от Райгородка, Городище на Ольшанке к юго-востоку от Корсуня, в Звенигородском уезде — Ярославка на Выси, Васильков и Княжое на Шпольке, Звенигородка на Гнилом Тикиче; Бастечка (ср. Бастеева Чадь летописи) в Таращанском уезде на границе с Уманским; Канела (Куниль 1150 год; Ипат., с. 49) на Горском Тикиче, Княжа, Китай-Городок и Васильков, последний с замком, отмеченным у И. И. Фундуклея (там же, с. 45), — в Липовецком уезде; Городецкое к северу от Умани и Иван городок к югу от нее; Городок, Рай-город и Стражгород в Гайсинском уезде; Городница в Брацлавском уезде — сверх того нельзя не обратить внимания на вал, известный под именем Змиева, который, начинаясь

у Екатеринополя (Кальниболота) верстах в 15 к югу от Звенигородки, тянется в юго-западном направлении вдоль Гнилого Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородского уезде) Свердликова, Нерубайки, Подвысокого, Наливайки (Уманского уезде) к Бугу и оканчивается у реки Кодымы в Балтском уезде (См. о нем у И. И. Фундуклея). Этот вал мог составлять порубежное укрепление Болоховской земли, которая в XII—XIII веках занимала область верхнего Буга, и которой юго-восточные границы должны были проходить именно здесь. Замечательно также, что в степях за этим валом, по Бугу к Днепру и Черному морю, не встречается, по крайней мере, на известных нам географических картах, никаких следов городских сооружений.

²⁰⁷ В Таращанском уезде, на правом берегу Угорского Тикича есть село Бузовка, в котором доньше сохранились едва заметные валы и взрытая земля, остатки старинного города, по преданию называвшегося Бузом. (*Фундуклей И. И. Указ. соч. С. 55*).

²⁰⁸ Ипат., с. 69. Впрочем, по известию 1097 года следует предположить Выгошев на севере Киевских владений, в соседстве Пинска и Берестья, даже может быть, не во Владимирской земле, а в собственно Киевской; его приурочивают поэтому к местечку Выжве и селу Выжевке Ковельского уезда. Но в таком случае Выгошев 1097 и 1152 года — две различные местности.

²⁰⁹ Рисунки и чертежи к пут. по России (в Ипат. публ. библ.). Ч. I. Чертеж (II) окрестностей Древнего Киева.

²¹⁰ Любеч (Любец) имел довольно большое значение в X веке, что видно из летописного рассказа о занятии Олегом Поднепровья и о войнах этого князя с греками (Лавр., с. 10, 13). Но в половине XII века он уже составлял только непосредственное владение черниговских князей (Ипат. 37. См. прим. 252).

²¹¹ Положение Сакова в XII веке на левой стороне Днепра ясно из известия 1150 года: «Мстислав Изяславич из Канева... послася на ону сторону к Турнею и к дружине, веля им ехать к собе; Ростислав же (Юрьевич)... остави брата Перяславли, сам гна к Сакову и сгони Турнее у Днепра, и поймав е преведе е Перяславлю» (Ипат., с. 50). — На правой стороне Днепра есть Жашков в южной части Таращанского уезда и Сальков в Гайсинском на реке Буге.

²¹² У Зарубинцов (Каневского уезда) до сей поры сохранился городок над Днепром, от которого тянется довольно длинный вал (*Фундуклей И. И. Указ соч. С. 21.*) О Зарубе

см. замечания И. И. Срезневского в «Сведениях о малоизвестных и неизвестных памятниках, (с. 81).

²¹³ *Максимович М. А.* Сравнительные погодные исследования. Т. IV. С. 162.

²¹⁴ После татарского погрома крайними на юго-востоке заселенными местностями являются курские волости Липецк, Воргола, Рыльск, село Туров (Лавр., с. 205), опустошенные татарами в 1284. Воскр. лет. (Полн. собр. русск. лет. Т. VIII. С. 176–177) сведений о состоянии бывшего Переяславского княжества со второй половины XIII века до появления в нем казачества в XV–XVI веках нет никаких. Если в нем и сохранялись остатки прежнего населения дотатарской эпохи, то оно могло возродиться только при содействии выходцев из других более безопасных и сильнее населенных мест Руси.

²¹⁵ В новом издании Начальной летописи Лаврентьевской и Ипатьевского списков: «...туде бо седять Кривичи. Таже север от них (то есть в смысле — к северу от них) на Белозере седять Вель». Но здесь «север» очевидно «северяне»; в описании Варяжского пути «Двина потечеть на полуношь», а не на север. Слово «север» известно однако Лаврентьевскому списку летописи; в описании разорения половцами Печерского монастыря: «зажгоша двери еже к угу устроению, а вторые же к северу» (Полн. собр. русск. лет. Т. I. С. 99). — сербы (Сърбої), которых Константин Порфирородный упоминает в числе племен, даннических Руси, вероятно, северяне. Ср. С. М. Соловьев. Указ. соч. Т. I. Прим. 131.

²¹⁶ Лавр., с. 64.

²¹⁷ См. о Карачеве прим. 218.

²¹⁸ Карта Шуберта № 36. К востоку от них в области Оки, как бы составляя их продолжение, тянется ряд городищ, до Оки — именно: Молодовое Городище (в холмистом юго-восточном углу Карачевского уезда) на север от названного нам Криво-Городища, далее Людское Городище, при истоках речки Людской, впадающей с юго-запад в Окский приток Цону; по Цоне — два Городища в Орловском уезде.

²¹⁹ В таком именно смысле следует понимать Дон «Почучения Мономахова» (Лавр., с. 107) и известия летописи о походе Димитрия Иваровича на Дон в 1109 году. Для этого заключения представляет данное подробное описание похода русских князей на половцев в 1111 году, похода, в который русские проникли в первый раз так глубоко в половецкие кочевья. Русские князья, выступившие в путь во вторую неделю (то есть во второе воскресенье поста, что приходилось 26 февраля), в пятницу на третьей неделе (то есть 3 марта)

были на Суле; 4-го, в субботу, были на Хороле, где покинувши сани, выступили оттуда на другой день, «в неделю, в июже хрест целують»; 7-го, во вторник четвертой недели поста, вечером достигли Ворсклы, перейдя в три дня (там же, с. 5, 6, 7) Псел и Голтву. Очевидно, путь лежал выше устьев Хорола и Голтвы, по всей вероятности от Лукомля, пограничного городка (в XII в. уже городища) Переяславской области на Суле, к Ворскле в окрестности Полтавы, или приблизительно по параллели 59°50'. Здесь, по приближительному расчету (карта Шуберта), между Сулой и Хоролом около 25 верст, между Хоролом и Пселом около 50, между Пселом и Голтавой около 20, между Голтавой и Ворсклой около 30, — всего около 125 верст. Это расстояние они прошли в пять дней (3—7 марта), делая таким образом в день круглым счетом верст по 25. Далее до Шаруканя на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечером 21 марта, во вторник на шестой неделе поста. Необходимо допустить, что поход в степях совершался медленнее, чем в русских пределах, что пешее войско (вои) не могло сделать двухнедельный переход без больших остановок, ибо оно должно было беречь силы для предстоявших битв с половцами, и что князья в эти две недели едва ли могли сделать более 250 верст, если только не меньше. Но такое расстояние уничтожает всякую мысль о Доне, который в нижнем течении своем отклоняется слишком далеко на восток. Очевидно, что здесь дело идет о Северном Донце, и не ниже окрестностей Изюма, и что на нем следует предположить города Шарукань и Сугров, взятый в рассматриваемый поход русскими, в среду 22-го марта... В четверг (23 марта) русские князья «идоша с Дона, а в пятницу завтра, месяца марта в 24 день, собрашася половцы, изрядиша полки своя и идоша боеви... и падоша враги наши... на потоце Дегея, и поможе Бог рускым князем... и заутра субботе праздноваша Лазарево воскресенье и Благовещенья день и похваливше Бога и проводиша субботу, и в неделю придоша (назад к Дону, то есть к Донцу?). В понедельник страстной недели (27 марта), паки иноплеменницы собраша полкы своя многое множество, и выступиша яко борове (леса, а не боровы, как прочитал С. М. Соловьев) велиции... и побиша я в понедельник страстный, месяца марта в 27 день, избиени быша иноплеменнице много множество на реце Салнице». (Ипат., с. 2). Таким образом, и поток Дегея и реку Сальнинцу или Сальник надо считать притоками Северного Донца. Поток Дегея не известен, Что касается Сальницы, то еще по книге Большого Чертежа значится река Салница, впадающая

в Северный Донец ниже Изюма и Татищев не без основания указал на нее при объяснении летописной Сальницы 1111 года вопреки опровержению Карамзина (т. II, с. 92, прим. 204), который объяснил ее рекой Салом, впадающим в Дон, близ Семикарановской станицы. О Сальнице мы имеем еще одно летописное свидетельство, и оно не только не противоречит принятому нами объяснению, но дает ближайшее указание на положение этой речки. В летописном рассказе о знаменитом походе Игоря Святославича на половцев (1185 год; Ипат. лет) говорится, что «Игорь Святославич ...перebroде Донец и тако приде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тот бяше шел инем путем из Курска; и оттуда поидоша к Сальнице... затем рассказ о битвах на реках Сюурлии и Каяле» (с. 130, 131). И здесь Сальник в области Северного Донца, не в дальнем расстоянии от устьев Оскола. В своем теперешнем значении Дон является в «Слове о полку Игореве». (Дон Великий, изд. Дуб., с. 36). В Ипатьевской летописи под 1140 годом: «Се бо Мстислав великий наследил отца своего пот Володимера Мономаха великого. Володимер сам собой постоя на Дону... а Мстислав мужи свои посла, загна половцы за Дон, за Волгу, за Яик» (с. 15).

²²⁰ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 38, 129, 130.

²²¹ На старинные сношения русских князей с обезами может указывать женитьба Изяслава Мстиславича на царевой дочери из этого племени (1154 год; Ипат., с. 74).

²²² Это видно из летописного рассказа о попытках овладеть Тмутараканью изгоем Ростиславом Володимировичем в 1064 году (Лавр., с. 70, 71).

²²³ В описании похода русских князей на Донец 1111 года (см. выше прим 227): «придоша русские к Донови во вторник. И оболочишася во броне и полкы изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимер приставил попы свои едучи пред полком пети тропари и каньдакы хреста честного и канун святой Богородицы. Поехаша ко граду вечеру суще, и в неделю* выидоша из города, и поклонишася князем русским и вынесоша рыбы и вино» (Ипат., с. 2.) На другой день Сугров был зажжен. От Шаруканя и Сугрова на Донце не осталось следов, хоть и есть одноименные местности: Сугров село на Сейме к югу от Львова (Курской губ.), Шарканы на

* «В неделю», очевидно, ошибка или описка. Русские вступили в Шарукань в тот же вторник, ночевали там, и «завтра в среду поидоша к Сугрову».

восточной границе Бессарабии, близ правого берега Днестра, которые конечно не могут идти здесь в расчет.

²²⁴ Ипат. 133. По Большому Чертежу близ впадения реки Харькова в Уды. (См. Пассека «Очерки России». Т. II. С. 196). Впрочем, название этого города заставляет искать его где-нибудь на Донце, на котором несколько выше Изюма два селения носят названия Донецких.

²²⁵ Между прочими Радомля, упоминаемая грамотой 1504 года. «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, с. 365, Радомльская волость на Клязьме (там же, с. 369).

²²⁶ Корачев в летописном рассказе о борьбе Святослава Ольговича с Изяславом Мстиславичем 1146 года является вне земли Вятичей, отделенным от нее лесом: (узнав «от приятелей оже Изяслав Мьстиславич идеть на нь Кърачеву»)... бежа за лес у Вятиче Святослав Олегович» (Ипат., с. 28). Но под 1185 годом: «Святослав князь иде в Вятичи Корачаву» (там же, с. 159).

²²⁷ Ипат., с. 30, 85.

²²⁸ Ипат., с. 28, 47.

²²⁹ Под 1147 годом: «выбегоша посадничии Володимери и Изяслави из Вятичъ, из Бряньска, и из Мьченьска и из Блове, и оттуда иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и до Брянск и до Воробеин Подесьнье, Домагощ и Мценеск» (Ипат., с. 30). В описании похода Юрия Долгорукого и его союзников в 1152 году точно так же Мценеск не смешивается с землей вятичей: «идоша туда на Вятиче и тако взяша я, таже на Мценеск, оттуда же идоша на Спаш, также на Глухов» (там же, с. 69).

²³⁰ Под 884 годом: «Иде Олег на Северяне и победи Северяны, и возложи нань дань легку и не даст им Козаром дани платити рек: «аз им противен, а вам нечему». (Лавр., с. 10).

²³¹ ...«велит послушати земли незнаеме Вльзе и Поморию и Посулию, и Сурожу и Корсуню, и тебе, Тмутараканский бльван». (Дубенские русские достопримечательности. Т. III. С. 39).

²³² «Еще Всеволод Ярославич, сделавшись Киевским князем, посадил в Переяславле сына своего Мономаха перед братьей» (Лавр., с. 103). Затем Переяславль приобретает значение самостоятельного княжения только на то время, когда Мономах, лишившись Чернигова, принужден был довольствоваться этим уделом. По переходе на Киевский стол он отдал его сыну своему Ярополку, который, занявши в свое время Киевский стол в 1132 году, уступил Переяславль племяннику Всеволоду Мстиславичу. В начавшихся вскоре

усобицах между Ольговичами и Мономахичами и старших Мономахичей с младшими почти каждая смена старейших киевских князей сопровождалась сменой князей в Переяславле.

²³³ Упоминаемая в описании битвы с половцами русских князей 1078 года, Нежatina Нива приурочивается к тепепешному городу Нежину на реке Остр: ...«убиен бысть князь Изяслав... и взявше тело его, привезоша и в лодыи, и поставиша противу Городыцю». Нежатину Ниву следует отличать от Нежatina 1135 гола» (Лавр., с. 132), который должно искать гораздо южнее и которого положение теперь неизвестно.

²³⁴ В 1095 году к Переяславлю приходили половцы Итлар и Кытан к Володимеру на мир (Лавр., с. 97).

²³⁵ Песочен показан в этом известии вместе с Переволокой, которая приурочивается к теперешнему местечку Переволочное на Удае, к востоку от Прилук. Вблизи его на Суле Пески и Песочки в окрестности которых Городище, к востоку верстах в семи от Лохвицы. Под 1169 годом указывается Песочень у Перяславля (Лавр., с. 153): то может быть теперешнее Пешаное на дороге из Переяславля в Золотоноше при впадении Каврая в Супой.

²³⁶ Белавежа, теперешняя Белемешь (см. *Лерберг А.-Х.* Исследование. С. 385), возникла, вероятно, после 1117 года, когда, по известию Ипатьевской летописи, «придоша Бело-вежьце в Русь» (там же, с. 8). Она была не перяславским, а черниговским городом (там же, с. 36).

²³⁷ В области верхней Сулы замечается несколько подобноименных местностей, как, например, Попадино на речке, с севера вливающейся в Сулу несколько ниже местечко Недрегайлова, река Попадья, левый приток Сулы, впадающий выше того же местечка. В области Семи Бошевка на Локне притоке Вира, к северу от него Попов и др.

²³⁸ «Поучение Мономаха», Лавр., с. 104. На реке Выре, впадающей в Сейм с левой стороны в Путивльском уезде, находятся населенные места: Виры, при устье Синяки, слоб. Вирки, (оба в Сумском уезде) и Виры (Старые?) в Путивльском уезде на границе с Сумским уезде. К какому из них правильнее приурочивать летописный Вырь (Вырев, Вырьск), определить нельзя.

²³⁹ Ипат., с. 35.

²⁴⁰ В «Поучении Мономаха»: «и на Бог идохом с Святополком на Боняка за Рось... паки идохом другое с Воронице». Из этого известия не ясно, на какой стороне Днепра следует искать Вороницы. На киевской стороне есть теперь село Воро-

новка в северо-востоку части Звенигородского уезда, на реке Ольшанке, Вороное на границе Уманского и Таращанского уездов близ Бузовки и Канелы.

²⁴¹ Под 1096 годом: «...и посла Олег слы свое к Изяславу (Володмировичу, который засел в Муроме), глаголя: иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего» (Лавр., с. 107).

²⁴² Какую важность имел Любеч для черниговских князей, видно из описания похода Изяслава Мстиславича под этот город в 1147 году (Ипат., с. 37). При нем доселе сохранились остатки земляного укрепления. В полуторе версты от него под горой над озером Кораблище пустаень Антониевская с обветшалой, деревянной церковью св. Антония и с его пещерами. См.: *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием малой России. Киев. 1786. С. 315.

²⁴³ Дубенский («Слово о Полку Игореве». Русские достопримечательности. Т. III. С. 61. Прим. 207) совершенно справедливо замечает, что дорога, по которой шел Игорь, лежит по возвышению между реками Донцом и Осколом, по правой стороне Оскола, и приводит на Донецкий перевоз у Изюмского кургана. В Ипатьевской летописи в описании похода Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича на половцев: «новоропничи же перешедше Хорол взидоша на шоломя, глядающе, где узрять я (половцев). Кончак же стоял у лузе, его же едуще по шоломени оминуша» (с. 129).

²⁴⁴ Лавр., с. 163.

²⁴⁵ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., Унив. тип. 1858. С. 142–144.

²⁴⁶ Ближайшее сродство между новгородскими славянами и кривичами указано Шафариком (*Шафарик П.-И.* Славянские древности. Т. II. Кн. 1. С. 159). Он полагает, что новгородские славяне составляли отрасль, оторванную от великой некогда ветви того же имени, которая, судя по оставшимся местным названиям, в прежнее время простиралась далеко на юг до пределов губерний Минской, Волынской и Могилевской. «По переселении многих славянских родин в VI столетии в Дакию, Мизию и Паннонию, и по занятии оставленных ими мест другими ветвями, с переменой обитателей переменились и названия: имена кривичей, полочан, радимичей и др. усилились, а имя славян уменьшилось и осталось только за одними обитателями области Ильменской».

Г-да Соловьев и Беляев (Рассказы из русской истории. Т. I) считают кривичей разветвлением новгородских славян.

Опровержение мнения г-на Беляева сделано Д. И. Иловайским, который полагает, что, скорее всего, следует признать самих новгородских славян ветвью кривичей (Великий Новгород и Белоруссия, по поводу «Рассказа из русской истории» Беляева. Русский вестник. 1864. № 8. С. 646–647). Мнение о сродстве новгородских славян с южно- или малоруссами, высказанное Н. И. Кастомаровым (Северно-р. Народопр. Т. I. С. 5–13), обстоятельно разобрано Гильфердингом (Собр. соч. Т. I).

²⁴⁷ Генрих Латыш, *Chronicon Livonicum vetus*, in Gruberi Originib. Livon. говорит о двух русских городах — Gercike (1202 год; s. 26) и Kukenoys (1204 год; s. 33). В последнем княжил Vesceke (Вяско, Вячеслав). Положение Куkenойса определяется теперешним Кокенгаузенем на Двине, который и донныне местные латыши называют Кокнесе, Kohknesе, что, по объяснению И. Я. Спрогиса, собственно значит: место сноски, своза дерева, дров. (См. Памятник латышского творчества. Т. I.) Что же касается Герцике, то еще Грубер усомнился в правильности самого названия его, и основываясь на том, что прописные буквы G и B в старинных рукописях так сходны между собой, что особенно в собственных именах легко принять их одну за другую, предлагал читать «Bercike» вместо «Gercike», и объяснял этот город Жмудским городком Биржи, волостью Радивиллов (26. Nota). Нарушевич (Hist. Polsk. IV, s. 152), указывает на замок Берсон к северу от Якобистата, а Нарбут (III, с. 360) объясняет его каким-то Царогородом, который, впрочем, — сколько известно — никогда не существовал (*Полевой Н.* История русского народа. М., 1839–1833. Т. III. С. 217. Прим. 207). «Герсика, ныне Крейцбург, ниже Динабурга по-латышски Кревцемепиллис; Руссы называли его Кружбор». Грамота епископа Альберта, данная Герцикскому князю Всеволоду (Wiscewaldo, rex de Gercike) в области этого князя упоминает города: Antina (Autina) Zeesowe (et aliae ad fidem conversae). См. Bunge's Urkundenbuch. 21. N. 15. 1209.

²⁴⁸ Ипат. лет. под 1195 годом, с. 147.

²⁴⁹ *Карамзин Н. М.* Указ соч. Т. II. С. 4–10. Прим. 23.

²⁵⁰ Лавр., с. 72: Всеслав ... «перееха в лодьи через Днепр. Изяславу же в шатер предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинська».

²⁵¹ Следы Рогнедина села Заруба (Ипат., с. 95), с которого в XII веке взималось княжеской дани 30 гривен, замечаются за правым берегом Днепра в селе Заровцы к северо-западу от Шклова.

²⁵² В «Поучении Мономаха»: «...и на ту осень идохом с Черниговцы и с половцы, Читеевичи, к Меньску. Изъехом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» (Лавр., с. 103).

²⁵³ Из них замечены нами кривичи на Немане к северу от Новогородка, кривичи к северо-западу от Слонима, в соседстве дороглин, деречин; в Новогрудском уезде — два Кривых села; Кривцы, близ Яцольцы к северу от Пинска (карта Шуберта № 34 — Кршивиць), на Щаре — Кривошин к югу от местечка Великие Луки; кривляне к востоку от Ковеля на реке Мельнице, притоке Стохода; в Бужском бассейне: кривляны к западу от Кобриня; Кривляне у Каменца Литовского, Криватице (Кршаватице) и Крива (Кршива) у Бельска.

²⁵⁴ И. Д. Беляев считает этот Холм теперешним уездным городом Псковской губернии тем смоленским городом, который упоминается в Уставной грамоте Смоленской епископии около 1150 года («О географических сведениях древней России»... с. 174). Но по Новгородским писцовым книгам 1500 года Холм в 150 верстах от Новгорода значится в деревской пятине (Неволин, о Пятинах, с. 176—177). В договоре, заключенном 1471 года новгородцами с Казимиром Литовским, Холм показан пограничным с Литвой новгородским городом (См.: *Карамзин Н. М.* Указ соч. Т. VI. Прим. 42).

²⁵⁵ Выписки из этих сказаний у Карамзина (т. I. Прим. 70). — Опыт разбора их представлен Н. И. Костомаровым. Сев.-р. народ. Т. I. С. 7—8.

²⁵⁶ Отдельность Белоозера от Поволожья в конце XI века нельзя не заметить при внимательном разборе известного летописного сказания о явлении волхвов в области Ростовской... «Встаа два волхва от Ярославля ... и придоста на Белоозеро. В се же время приключися прити от Святослава дань емлюще Яневи, сыну Вышатину; поведата ему Белозерци ... Ян же испытав, чья еста смерда, и уведав яко своего князя, послав к ним иже около его суть, рече им: выдайте волхва та семо, яко смерда еста моего князя». После схватки с приверженцами волхвов... «Ян же въшед в град к Белозерцам, рече им: аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето» (Лавр., с. 75). Очевидно, что Ян собирал дань не у белозерцев, и, если вступил в град Белозерцев и грозил пробыть у них целое лето, то только потому, что они не хотели выдать смердов его князя, восставших от Ярославля. В конце этого века Белоозеро вместе с Ростовом и Суздалем составляет волюсть Мономаха и его детей (там же, с. 108).

²⁵⁷ *Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 46.

²⁵⁸ Таковы между прочими Славитино на реке Шахе (Юрьевского уезда), Числавль вблизи селений Большие и Малые Вески, Сеславское к северо-западу от Владимира, озеро Словинское к северо-западу от Костромы, Уславино, Вышеславское, Сеславино к северу от Ростова и др. В Поволжье весьма нередки населенные места и, вероятно, также урочища с названиями, напоминающими еще языческий быт водворившегося там славянства (Перуново, Волосово, Велесово, Волотово, Турово, Игрищи), и быт старокняжеский, как, например, Гридины, Гридинские. О характере первоначальной славянской колонизации северо-восточной равнины см. превосходную статью покойного Ешевского «Русская колонизация северо-восточного края («Русский вестник». 1866. № 1), и К. Н. Бестужева-Рюмина «О колонизации великорусского племени» (Журнал Министерства Наркомата просвещения. 1867, № 6). И. Д. Беляев в статье «О великорусском племени» считает Новгород и Смоленск гнездом славянщины, из которого постоянно напирали в Поволжье славянские колонисты и постепенно подчиняли тамошних полудиких старожилов весь, мерю, мурому.

²⁵⁹ Карамзин, основываясь на том, что Ярослав не мог говорить о церкви Бориса и Глеба, которой при нем не было, сделал два предположения: или название церкви внесено в «Устав» в более позднее время, чтобы яснее означить место, о котором идет речь, или же, что этот «Устав» принадлежит не Ярославу Великому, а другому: может быть, отцу Александра Невского (т. II, с. 42, прим. 108). И. Д. Беляев (Указ. соч. Т. II. С. 3), не высказывая оснований, прямо приписывает его князю Ярославу Ярославичу, брату Невского.

²⁶⁰ С 1264 года. См. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. С. 2–3.

²⁶¹ См.: Карамзин Н. М. Указ соч. Т. II. Прим. 108; Дубенский в «Русских достопримечательностях...» Т. II. С. 27. Прим. 24.

²⁶² А. К. Неволлин. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке (Записки Императорского русского географического общества. 1853. Т. VI. С. 124). «Этот погост, как видно из писцовой книги 1500 года, был расположен по рекам Назье, Шельдихе и Лаве (Лавуе), и по берегу Ладожского озера подходил даже к Орешку. На карте Бергенгейма (Карта бывших губерний Иван-Города, Яма, Копорья и Нетеборга, составленная 1817 года, под присмотром генерал-майора Шуберта, Генерального штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-м из материалов, найденных в шведских архивах, показывающая

разделение и состояние одного края в 1676 году), стоит Loppis при реке Seldica, на левой ее стороне. Несколько ниже на правой стороне той же реки стоит Putila. Это должно быть село Путилово, значащееся по карте Шуберта. На левом берегу реки Шельдики, впадающей с юга в Ладожское озеро». По сведениям, сообщенным П. И. Кеннепу, а от него Неволину, Нувила (Поляна Дальняя), Maitchta (Майдесухта, Майдеухта, Алексеевка), Saamusti (Замомошье, Замостье), Wauhanmylly (Старая Мельница), Suaasari, — эти пять деревень образовали в давнее время общину с небольшой церковью, под именем Loppī-Kolka, и это имя удержалось за ними доныне.

²⁶³ Устав Новгородского князя Святослава Ольговича (Русские достопримечательности... Т. I), которым сбор десятинный заменен постоянным побором. Онега — город, к которому тянут, — или область, в которой находились погосты: Волдоутов (подобнозвучащая река Вонгуда, текущая из озера Вонгуда; на ней селение Вонгуд в Онежском уезде, верстах в 30 на юго-восток от Онеги); Тудовор (Тудорский у восточного берега Онежского озера, к северу, верстах в 10 от Вытегры), Иван (Ивановское озеро с протоком в Мошу, правый приток Онеги в Каргопольском уезде); Ракуль (Раколова деревня в Каргопольском уезде на север от озера Лача в 25 верстах на северо-запад от Каргополя. Есть еще Ракульский погост в Вельском уезде на реке Вели; Ракульская на реке Кокшенге, к востоку от Вельска местности, которые, конечно, не могут быть приняты в расчет при определении Ракули 1137 года, как и другие, подобноименные местности, довольно часто встречающиеся теперь в Поволжье и в Озерной области). Спирков (Спирково — Ивановское в Каргопольском уезде на левом берегу Онеги); Вихтуй (есть озеро Виштама в восточном углу Вытегорского уезда, на юго-восток от Комозера, соединяющееся с Кемью протоком). Затем «Устав» называет: Пинегу (на месте теперешнего уездного города того же имени), Кегрель (Кевроли на юго-восток от Пинеги, в уезде этого города, см. Sjögren. Ueber die Jemen 330), Усть-Емечь и Усть-Вагу (при впадении этих рек в Двину), Поuite (левый приток Ваги, на карте Шуберта — Пуя, в «Списках населенных мест Архангельской губернии — Пуянда, в южной части Шенкурского уезда: на ней село Нижнепойская и Усть Пуйская, несколько ниже на Ваге; есть еще Пийтова на Ваге, ниже Вельска, в его уезде, Запуйда — село в Вельском уезде); Чюдин, Лигуй, Вавдит (места неопределенные), Вель (река Вель) Викшенга (есть река Викшенга левый приток Свири, в Лодейнопольском

уезде у границы Тихвинского уезда с Лодейнопольским); Борок (на Борку; есть Борок — Григорьевская тож на Двине Холмогорского уезда («Список населенных мест Архангельской губернии» N 1870). Кроме того: Борецкая на правом берегу Двины, близ устюжской границы, почти против острова Телячьего (карты Шуберта № 10), Бараковска — село на левом берегу Ваги, несколько выше устья Пуянды), Отмин (м. н.); Тойма (нижняя и верхняя Тойма — правый приток Двины в Устюжском уезде у Архангельской границы); Пома (Пома-чой-пом, иначе Звенигород в Усть-Сысольском уезде по правую сторону от торговой дороги в Ляльск (92 версты от уездного города); Помоздин в том же уезде при Помозде, притоке Вычегды, Помычялово в 25 верстах от Вологды на реке Пажебе); Тотьма (теперешняя Тотьма — уездный город на Сухоне, несколько выше устьев Тотьмы); Пененч (есть Пельевское на реке Устьи Вельского уезда; кроме того в Устюжском уезде: Пенелы у Тотемского почтового тракта, на Бобровке, и три села Пенье: а) по правую сторону Юга при озере Лыве; б) на торговой дороге от устья Вычегды к Архангельску; в) близ Двины (Список населенных мест Архангельской губернии. С. 11, 257, 11509); Порогопоустыць (Порог — в Устюжском уезде на реке Сухоне. На карте Шуберта есть село Подпорожье в Пудожском уезде, к северо-востоку от уездного города на восточном берегу озера, соединенного протоком с рекой Водлой; Порожье, на реке Водло несколько ниже Пудожя; на реке Печоре есть Порог-Печоры, выше села Троицко-Печерского, Усть-Сысольского уезда); Валдит; Волок на Мши, Емь (места неопределенные).

Оглавление

Предисловие автора.....	5
Глава 1.....	7
Глава 2.....	44
Глава 3.....	59
Глава 4.....	88
Глава 5.....	117
Глава 6.....	155
Глава 7.....	182
Глава 8.....	218
Примечания	258

Барсов Николай Павлович

Очерки русской исторической географии

География Начальной летописи

Редактор *К. Э. Дабалян*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Н. Гоголева*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru. www.kpole.ru

Подписано в печать 27.11.12. Формат 84 × 108/32.
Усл. печ. л. 18,64. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53 53 80, 62 10 36.
www.gipp.kirov.ru. Email: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 9785995003137

9 785995 003137